

“ЮграТур 2008”

VIII Международная
специализированная выставка

24-26
октября

г. Ханты-Мансийск

Заседание рабочей
группы по проекту
“Маркетинг туризма
на Севере”
Международной Ассоциации
“Северный Форум”

УРАЛЬСКИЙ
СПЕЦИАЛИСТ
uralstalker.ru

Уральский следопыт, сентябрь 2008

сентябрь
2008

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРАФОН

Город юбилейный

На юбилей принято дарить дорогие подарки. Именно такой подарок преподнесли члены Екатеринбургского отделения Союза писателей России совместно с Управлением культуры Администрации города Екатеринбурга.

На летней эстраде Камерного театра 16 августа прошел большой гала-концерт, посвященный 285-летию родного города. Его открыл председатель правления ЕО СПР Юрий Казарин, который отметил, что Поэтический Марафон, обретая и реализовывая новые свои функции (культурно-массовую, просветительскую, социальную, этико-эстетическую, учебную и т.д.) постепенно естественным образом превращается в многоотраслевое, многофункциональное литературно-массовое явление со всеми признаками и атрибутами системы. Многие из участников Поэтического Марафона поняли главное: «Я не одинок. Я – часть современной поэтической (безмерной, бесконечной) мысли и музыки». Поэтический Марафон – это коллективное зеркало народной поэзии, в котором отражается словесно-речевая основа всех существующих традиций великой русской поэзии. Тысячи литераторов-любителей убедились в том, что в национальной культуре наличествует основа – исходное, первородное поле искусства – изящная словесность.

В концерте приняли участие известные поэты и писатели из Екатеринбурга, Каменска-Уральского, Верхней Салды: Юрий Казарин, Владимир Блинов, Вадим Осипов, Евгений Касимов, Герман Иванов, Юрий Конечский, Вадим Дулепов, Сергей Миркульев, Олег Мичковский, Евгения Изварина, Слава Рабинович, Любовь Стасюк, Сергей Симонов.

Кроме уже именитых поэтов эта гостеприимная сцена приняла авторов Международного фестиваля «Поэтический марафон», ставших лауреатами после подведения итогов 2007 года. Они приехали из разных городов: Екатеринбург, Каменск-Уральский, Нижний Тагил, Верхняя Салда, Асбест, Кушва, Реж, Полевской. Всего в концерте приняло участие 44 автора.

Зрители, находившиеся на свежем воздухе в солнечном зале, имели возможность познакомиться с лучшими стихотворениями и песнями лауреатов «Поэтического Марафона – 2007».

Музыкальное сопровождение этого пятчасового мероприятия было предоставлено лауреату многих международных конкурсов – инструментальному ансамблю «Аюшка», который стал поистине жемчужиной этого концерта.

В заключительном слове главный специалист Управления культуры Администрации города Екатеринбурга Лариса Викторовна Петрова отметила, что Поэтический Марафон перешел на новый уровень – международный. Это коллективное зеркало не только народной, но и национальной поэзии, в котором отражается словесно-речевая основа всех существующих традиций великой поэзии. Она пообещала, что подобное мероприятие станет традиционным, и пожелала всем поэтам Урала хорошего настроения и творческих успехов.

Дополнительным заданием для команд является игра в пионербол с элементами волейбола, после чего все усаживаются пить душистый чай. Здесь же, возле костра, подводятся результаты испытаний, все делится своими впечатлениями и строятся планы на будущее.

Слово участникам:

Данил Широков:

– Для меня самым сложным был этап «Параллельные перила». На веревках меня болтало вперед-назад. Очень понравился этап «Азимутальный ход». Я сразу понял, как надо действовать, и повел нашу команду за собой.

Аня Лыхина:

– На полосе препятствий наша команда соревновалась со старшей командой мальчишек. При подведении итогов оказалось, что время у нас одинаковое. Это было забавно!

Егор Алексейчук:

– Было очень интересно. Преодолевая маршрут с препятствиями, мы лазали по веревкам, переправлялись по бревну, кидали шишками в мишень, ориентировались в лесу, шли по лабиринту, разводили костер. Классно!

Участия в походах и путешествиях учат ребят многому: самообладанию, уверенности в себе, умению вести разговор. Участие в походе поднимает самооценку, добавляет ответственности как за свои действия, так и за ребят в группе. В походе человек реально взрослеет.

Чем шире будут интересы ребенка, тем лучше для него самого. Необходимо, чтобы замечательное время периода детства и юношества дети использовали для того, чтобы выработать у себя потребность познавать мир.

УРАЛЬСКИЙ следопыт uralstalker.ru

сентябрь 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Возвращение из Леты

А. КОЗЫРЕВ Моя малая родина Гари 2
Н. ПОЗДНЯКОВА 9-я школа, 20-е годы 17

Далекое - близкое

И. ЭНДЕБЕРЯ Ивдельлаг: 1940–1945-й 4

Клуб собирателей

А. КОСТИН Узнают нас по целинкам 8
В. ПОПОВ Федор Плюшкин и его музей 20

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России 21

Юбилей

М. РУВИНСКАЯ Сороковой — сорок 22

СВЕЧА ГОРЕЛА

С. НАДЬ Город юбилейный 2 полоса обложки

Новые встречи

О. БОЧЕНИНА Стихи 24

Наши знакомые

Б. АРТЕМЬЕВ Хозяин в доме 26
Ностальгия на 8 Марта 27
Машенькино Рождество 30
Зеленое платье 32
Бабушка 33
Шуба 35

Н. СМЕРНОВА

АЭЛИТА

Повод для улыбки

Д. ШОРИН Наследники Левши 3 7

Координаты чудес

А. БЕЛОГЛАЗОВ Химера 4 0

Законы Вселенной

Л. СМЕЛОВ Всеу свое время 5 2
С. ВАСИЛЬЕВ Нелли 5 6

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Дети в походе

Е. ШИПУЛИНА Emercom 5 9

Т. и А. ЛЫХИНЫ Испытание на прочность 80

Проеты «Уральского следопыта»

И. КУЗНЕЦОВА Водное ралли на Чусовой 64

Экспедиции «Уральского следопыта»

Е. БАЗАРОВ, Хомячки на озере Иткуль 68
Ю. НИКОВ

Экспедиция «Уральского следопыта»

С. ДВОРНИКОВ По государственной дороге 75

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю. А. Горбунов,
Б. А. Долинго, С. А. Надь.
Худ. редактор, верстка – Ю. В. Ульянова.
Художники – А. Митрофанова,
Я. Ахметшина.

Набор – В. М. Кадочникова.

Корректор – Т. В. Сергеевко.

Фото 1 полосы обложки – В. Осипов

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Издатель – ООО «Трудовой коллектив редакции
журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Пращевцев,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России;
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства
физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

**Все школы г. Березовского получают журнал
«Уральский следопыт» благодаря администрации
города и главе города В.П. Брозовскому**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург,
пр. Ленина, 22, 4 подъезд, тел. (343)269-22-34

Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован **Управлением Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО**
**Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
07.09.2007 г.**

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые поступки «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **ИД** публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

- Розничная продажа в Екатеринбурге в магазинах

«ЖИВОЕ СЛОВО»:

• ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37 • ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40

• ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73

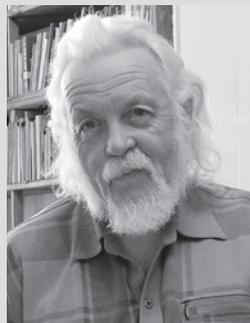
• ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43 • ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81

• ул. Победы, 38, тел. 330-16-82 • пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21

• ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46 • ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«100 000 книг», пр. Ленина, 47

«Уральский следопыт. uralstalker.ru», №9 подписан к печати 25.08.2008 года. Печать офсетная. Тираж 4500, отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №:

Поздравляем с 70-летним юбилеем старейшего сотрудника
журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редактора раздела «Река
времени» Юния Алексеевича Горбунова.

Желаем здоровья, творческого долголетия, будьте счастливы!

Коллектив редакции журнала УС

Анатолий КОЗЫРЕВ,
фото из семейного архива

Моя малая родина Гари

Возвращение из Леты

РЕКА ВРЕМЕНИ

Из детских воспоминаний в памяти остался высокий откос над рекой из белой глины, вросшие в песок старые катера, бескрайние заливные луга в Заречье, озера, полные рыбы, и сама река Сосьва — единственный путь, связывающий этот край с большим миром, если не считать зимник. Это — Гари, моя малая Родина.

Чего-чего, а рыбы в здешних местах всегда было в достатке. Да и какой рыбы! Кто сейчас знает что-то о знаменитой некогда сосьвинской селедке? Редкая для пресноводья порода рыбы. В меру жирная, с нежным вкуснейшим мясом — ее не сравнить с той, что лежит сегодня на прилавках магазинов. Сосьвинскую сельдь поставляли к царскому столу. Затем ее привозили в областной центр для работников обкома партии, за что в Гари иногда привозили яблоки, цитрусовые и даже невиданные в этих местах арбузы; мужикам — бутылочное пиво. Какой редкостью все это было в послевоенные годы, говорить вряд ли надо. Наверняка и сейчас ловят и

возят селедочку, но уже для олигархов.

Есть и своя царь-рыба, нельмой называется, почти как у Астафьева по размерам, вкуса необыкновенного. Издавна рыбу сетями ловили без всякого ущерба для природы, поскольку знали, когда и сколько можно ловить. Даже небольшой

рыбозаводик в селе имелся, где солили и коптили рыбу большую и малую, всем хватало. Помнится, у нас в сених дома зимой щука лежала поленьями выше человеческого роста, а мелкую рыбешку мама сушила в русской печи — называя ее урак. Мальцы да и взрослые ели ее, как семечки. Как-то раз в мест-

Гаринский район, п. Старо-Савиново, лагерь для заключенных. Магазин

ный магазин привезли рыбные консервы, так ни одной банки не продали.

Места в Гарях глухие, лесные, и птица, которой тоже с избытком, человека не боится, по крайней мере, не боялась раньше. Отец мой встанет утром перед работой, пойдет в тайгу и через час приносит чуть ли не мешок рябчиков, повезет, так и глухаря подстрелит. К обеду в печи уже и суп готов, запах на всю избу — сегодня нет таких ароматов.

По реке, в основном, лес сплавливали да катера грузы на баржах возили, поэтому почти все население Гарей состояло из речников. Носили они кителя военного покроя и фуражки с якорями.

При жизни мой отец, ныне покойный, ездил на свою родину в Гари, даже родительский дом нашел, заросший кустарником, в деревушке с добрым названием Андриушка. В советское время до Гарей можно было добраться маленьким самолетом из аэропорта

Уктус, по реке от поселка Сосьва на пассажирском катере или с трудом по лесной дороге. Сейчас самолеты не летают, вертолета ждать долго — пока не наберет необходимое количество пассажиров, катера тоже не ходят по реке. Изменились времена, а вот народ там остался прежним. Такой же добродушный,

гостеприимный, бесхитростный. В отличие от густонаселенных регионов Свердловской области, в Гаринском районе почти нет преступности, крайне незначителен процент заболеваемости населения, высока рождаемость, хотя молодежь продолжает уезжать в города.

Автодорога Гари — Сосьва

Ивдельлаг: 1940—1945-й

Записки бывшего зека

В пятнадцать лет — Первая Конная: «среди зноя и пыли мы с Буденным ходили на рысях, на большие дела»... Крестьянин, шахтер, рабфаковец с трехклассным образованием земской начальной школы, кандидат в члены КПСС Ленинского призыва, студент пединститута. По решению горкома партии — ассистент на кафедре истории у профессора А. Г. Грушевского, в 1931-м — директор Ворошиловградского вечернего коммунистического университета (ВКУ) и одновременно учитель истории совпартшколы. С сентября 32-го — зав. культпропотделом парткома паровозостроительного завода им. Октябрьской революции. Но не по душе оказался агитпроп, отпросился обратно в университет, а через год по решению горкома вновь был на том же заводе и в том же качестве.

И все-таки учитель победил. С 1937-го Иван Сергеевич Эндебера преподает в школе историю и конституцию СССР.

Год спустя на съезде работников просвещения высшей школы и научных учреждений в Киеве выступает секретарь ЦК КП Украины Н. С. Хрущев. Говорит об изоляции врагов народа: «Вода должна быть чистой».

Иван Сергеевич получает предложение принять заведование отделом школ Донецких железных дорог: его предшественник как раз оказался этим самым «врагом народа» и был арестован. Но Эндебера от предложения отказывается: надо переезжать, а какие тут переезды, когда жене рожать скоро?

Ночью 1 июля 1938-го в дверь постучали. Милиционер с понятиями предъявил ордер на арест.

Произвели обыск, забрали папку с документами, хозяина увели.

Дверь железная, стены каменные...

Камера временного содержания. Шесть квадратных метров, одна койка, на ней валетом — двое: политкомандир эскадрильи авиашколы Ворошиловграда и инженер-горняк. Мне спать не на чем, располагаюсь под койкой на голом полу, который никто и, видимо, никогда не мыл. Под камерой подвал. Ночью привозят из тюрьмы осужденных к высшей мере и в этом подвале приводят приговор в исполнение. Мы слышим выстрелы и глухое падение тела на пол. Голос коменданта, который со второго этажа кричит: «Готово?», а ему снизу отвечают: «Готово!»

19 июля у меня родился сын Витя. Роды были тяжелыми, жена пролежала в больнице 4,5 месяца. Однажды ей сообщили, что приходил домоуправ Капустин и сказал, что как семью врага народа он выбросит ее с вещами и ребенком на улицу. Врач посоветовал взять справку о том, что она числится на работе, а больница дала справку, что проходит курс лечения. Капустин затих на время. Но как только жена вернулась из больницы, нападки возобновились. Соседи уговорили ее пойти в НКВД и согласились посидеть с ребенком.

— А вы предупредили их, что без нас ваш Капустин не имеет права ни вселять, ни выселять? — спросил уполномоченный.

— Да, но они сказали, что обойдутся и без НКВД...

— А, даже так! Идите домой, больше вас никто не будет тревожить в отношении квартиры.

И действительно, в этом отношении больше не тревожили.

После месяца пребывания в НКВД меня перевели в тюрьму и поместили в камеру на втором этаже. Камеры стандартные: длина пять, ширина два метра. Маленькое окошко с козырьком, чтобы обзор меньше был. Видна небольшая часть неба, горизонт закрыт. Пол цементный, стены каменные, дверь железная на висячем замке.

В тюрьме, рассчитанной на 300–400 человек, находится более 4-х тысяч. Сидим на полу понад стенкой с одной и с другой стороны так плотно, что если поднялся, то сесть обратно не так-то просто. Стекла выбиты, иначе можно задохнуться. Из инвентаря — только параша, а в нашей камере и ее нет, негде ставить. В туалет выводят дважды в день. Прогулка 10 минут во внутреннем дворике площадью 15 на 15 метров.

У меня должность рассказчика. Как раз перед арестом прочел «Ивана Кочубея» и пересказал дважды. Потом пошел Чехов...

По ночам приходит «черный ворон». Обычный грузовик, только в кузове — каморки-одиночки: втиснут — и дверь на ключ. Темнота хоть глаз выколи. Привезут в КГБ и еще на час-два оставят. После такой обработки — на 3–4 часа к следователю... За полтора года тюрьмы «черный ворон» приезжал за мной 32 раза.

Наконец следователь вызвал и объявил:

— Вы обвиняетесь по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, пп. 7,8, 11,12.

Эти пункты означали: террор, вредительство, участие в контрреволюционных организациях, а п. 12 —

И. С. Эндеберя 80 лет, 1984 год

контрреволюционная агитация. И это мне, коммунисту Ленинского призыва, участнику Гражданской войны, учителю, пропагандисту, который читал лекции во многих организациях, в том числе в политотделе, где учились и работники КГБ...

Только в нашей школе арестовали пятерых учителей. Честных людей. Я был пятым. Математика Борща встретил на севере, на лесоповале, он был «активирован» по болезни, истощенный туберкулезник, и умер по дороге домой на одной из станций. П.Н. Титаренко — учитель украинского языка и литературы, преподавал у нас на рабфаке, а затем перешел в школу. После ареста его никто не видел, как в воду канул. Пропал без вести. Взяли и учителя биологии, скромного человека, хорошего педагога... А за что? Может, их кто-то оклеветал?

Позднее бывший начальник районного КГБ Василий Степанович Невечеря рассказывал мне, как это делалось.

— Нас, бывало, вызывают в Киев на совещание и в процессе совещания спрашивают, сколько раскрыли врагов народа. Ответишь «ни одного», — двадцать суток ареста. Если скажешь: столько-то, — соответственно получаешь премию. Вот следователь и пытается выбить показания, пусть даже и ложные, зная, что все равно получит поощрение. Ну, я за полтора

года никаких показаний не дал, нечего было давать. А врать не мог.

Между тем министра КГБ Ежова сменил Берия. Событие ознаменовалось переводом заключенных из камер-клетушек в бывшую тюремную церковь, вмещающую более сотни человек. Похоже, нас готовили к этапу. Куда — никто не знал, но полагали, что на север. А где же еще и находиться врагам народа?

Обо всех беззакониях и издевательствах мы написали К.Е. Ворошилову в Москву. Письмо я написал на батистовом платочке (бумаги нам не давали) химическим карандашом. Изложили, как ведется следствие в КГБ, как подследственных избивают и они, чтобы избежать издевательства, клеветают на себя, дают ложные показания, а следователи все оформляют, каждую страничку подследственный подписывает, и дело завершается судом, а часто — и высшей мерой... Перечислили, кому из подследственных выбили зубы, кому поломали ребра, кого беспощадно избивали, даже тех, кто в Гражданскую воевал под командованием К.Е. Ворошилова...

Письмо не подписали, зашили в плечевую подкладку рубашки и передали моей жене с просьбой пойти на станцию и бросить его в почтовый вагон московского поезда.

Письмо дошло.

Через некоторое время из Москвы приехал следователь в форме пограничных войск НКВД.

Вызвали Кирюхина. «Ты писал?» — «Я писал», — ответил Кирюхин.

Ему дали карандаш и бумагу, чтобы сверить почерк.

—Что-то не похоже...

Тогда Кирюхин сказал, что вообще-то писал Эндеберя, а он — диктовал.

Вызвали меня.

— Ты писал?

— Да, я.

Представитель из Москвы уехал, а меня ночью вызвал начальник следственной группы и сказал, что расстреляет как врага народа без суда и следствия. Поместили в специальную подвальную камеру,

стены которой сплошь были исписаны: «Осужден к расстрелу», фамилия, имя, отчество, месяц и год. Из камеры — дверь в маленькую комнату, где приговор приводился в исполнение.

Продержали меня ночь в этой камере, но судьба и на сей раз улыбнулась. К утру отправили в тюрьму, втолкнули в одиночку, где я и просидел шесть месяцев.

В одиночке сидеть тяжело. Без книг, в полной изоляции от внешнего мира. Я установил режим: утром ходьба по камере около часа, вечером — тоже около часа плюс физические упражнения. Единственное занятие — перестукивание.

Между тем на дворе уже холодно, осень, а я в летней одежде, и следователь это знает.

Привозят однажды в КГБ, оставляют в «черном вороне» почти на всю ночь при 15-градусном морозе, не подозревая, какой у меня есть для них сюрприз. Жена, уже зная о том, что меня высылают на север, как раз накануне передала полушубок, бурки, калоши. Так что следователь, когда меня к нему завели, был крупно разочарован: «А я думал, ты в старой экипировке...» По крайней мере, честно.

До 1939 года по решению ОСО (особого совещания) при НКВД СССР нашей статье давали по 10 лет. С 39-го срок скостили наполовину, стали давать пять лет, а поскольку я уже просидел полтора года, то осталось мне лагерей три с половиной. Только вот за что, так по сей день и не ведаю.

11 января 1940 года привезли в «черном вороне» на станцию Ворошиловград и вместе с другими такими же врагами народа отправили в зарешеченном вагоне в Харьков. Десять дней в пересыльной тюрьме Харькова, и снова вагоны с решеткой, путь через Москву на станцию Сама (ныне город Ивдель) Кагановичской железной дороги. Северный Урал.

На зоне

Северный Урал встретил сорокаградусным морозом. Наша колонна — пару сотен человек — идет на лесоповал за 40 км от города.

Отдыхать не положено. Истощенных и немощных стариков охранники поторапливают с помощью служебных собак, которые превращают их одежду в лохмотья. А я иду и думаю, что конвой — это кулацкое отродье, которое мстит коммунистам — «врагам народа».

Лагерь, в который нас привели, назывался «Пристань» и был расположен около реки Лозьвы. Распределили по баракам, в каждом по 32–35 человек, то есть бригада. Кормили горячей болтушкой из ржаной муки два раза в день: тарелку утром перед уходом на лесоповал и тарелку вечером. Хлеба давали от выработки. Выполнил норму — получиай 600 г., перевыполнил — 800, а то и 1 200 г., не выполнил — 400 г.

До лесоповала 7 км. У каждого заключенного — лучковая пила и топор. Дерево спилить, сучья обрубить и сжечь, ствол разделить на отрезки по 6–8 метров, иногда из одного сваленного ствола выходило два, а то и три бревна. И все это — по пояс в снегу. Бригадир из «бытовиков» вел учет, не работал, сидел и грелся у костра.

Через неделю у меня стали пухнуть ноги, начиналась пеллагра — авитаминозная болезнь; когда она поднимается до живота и груди, человек умирает.

Я уже не мог ходить, и меня отстранили от лесоповала, оставили в зоне. Два или три дня переписывал списки заключенных. Многие умершие числились в живых, их надо было исключить, в основном это пожилые люди, не приспособленные к физическому труду.

Когда переписал списки, поручили со стариками пилить дрова для отопления бараков. Тем временем у кладовщика из уголовников я выменял на демисезонное пальто пару селедочек, полкило сливочного масла и буханку хлеба. Это меня и спасло. Немного поправился, опухоль на ногах исчезла, перевели в бригаду плотников.

Начали строить лесотягу от реки Лозьвы. Лесотяга — эстакада высотой шесть метров, длиной около километра. Сверху настил, посредине — металлическая лента

с зубцами. Лента идет вкруговую от реки, тянет бревна до конца эстакады и понизу возвращается обратно к реке. Двое рабочих направляют бревна разных размеров на хобот ленты, другие сверху сбрасывают их в штабеля по размерам. Лесотяги сделаны для вытаскивания из реки леса и штабелевки.

Я всегда работал на откатке бревен. Тяжело, особенно на толстом мере. Если с эстакады сбрасывали листовку (самое плотное и тяжелое дерево) толщиной от 50 до 70 см, то подкидки — 22–24 см в диаметре — разлетались в щепки.

Работали по 10–11 часов вместе с приходом и отправкой в зону на ночлег.

В первых числах июня отобрали около сотни человек и отправили в Айкино на строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали протяженностью 1126 км.

Я попал в плотницкую бригаду из 32-х человек под командование бывшего белогвардейца, кубанского казака из карательного отряда.

Начали с заготовки древесины в тайге, затем по трассе строили бараки и землянки. После того, как зона была готова, сооружали временные деревянные железнодорожные мосты, жилье и служебные дома. В отделение входило несколько десятков бригад, и растянулось оно по трассе на много километров.

На пересыльном пункте в Айкино я встретил Григория Борща, бывшего учителя математики, с которым работали в одной школе. Его репрессировали в 37-м, а еще раньше, в 30-м, забирали как «националиста». Но я-то его хорошо знал, никаким националистом он не был.

Григория с трудом можно было узнать, настолько был он худ. Ничего удивительного, все это время, с 37-го до лета 40-го, работал на лесоповале. Пожили мы с Борщом на пересылке недели полторы и разошлись... Позже я узнал, что в 42-м или в 43-м его активировали как непригодного к физическому

труду, и он умер на одной из станций, где его и закопали.

Наша строительная бригада входила в колонну, состоявшую из четырех таких же бригад, в каждой — по 30–35 человек. Колонну возглавлял начальник из вольнонаемных, прораб-заключенный по фамилии Юденич, получивший по суду 20 лет. В 1941-м его вызвали в Москву на пересмотр дела и, как нам стало известно, освободили.

Охраняли колонну вольнонаемные военные, по человеку на бригаду, смотрели, чтобы никто никуда не отлучался. Во главе отделения стоял работник КГБ по фамилии Антоновский. По окончании строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали он был награжден орденом Ленина. Заключенным, «врагам народа», которые ее строили, награды не полагались. Я человек маленький, попавший под жернова этой машины произвола и издевательства, но я всегда ношу боль в сердце за людей — соратников В.И. Ленина, трагически погибших с 1937-го по 1939-й: Косиора, Постышева, Чубаря, Скрыпника, Бухарина, Рыкова, Бубнова, Тухачевского, Блюхера, Ежова, Якира и других... 600 человек, прошедших Гражданскую войну, от маршала до полковника. Красная Армия в те годы потеряла весь командный состав.

Сталин был оторван от масс. Он нигде не выступал, а когда ехал отдыхать на Кавказ, то на вокзалах и перронах должно было быть пусто. В лагерях я встретил бывшего работника Ростовского КГБ Елистанова — одного из тех, кто во время приезда вождя должен был обеспечить безлюдье на перроне. Когда он этого не сделал, то в тот же день был арестован, отправлен в Москву и после допросов и издевательств получил 10 лет лагерей.

Среди тех, кого я встречал в лагерях, — автор романа «В степях Украины» Божко, преподаватель коммунистического университета им. Артема историк Герладзе, — один из его учеников был в лагере начальником отделения...

Наша колонна занимала строительный участок протяженностью

более ста километров, база возле станции Каджерым. В отделении меня утвердили десятником отдела технического контроля и выдали пропуск на свободный проезд по трассе. Каждый день я должен был проверять объемы выполненных работ, подписывать сводки, после чего бригадиры получали хлеб. Без моей подписи бригада не могла получить этот главный стимул к работе.

В колонне было четверо рецидивистов. На работу не ходили, но однажды прораб дал им задание по благоустройству, и я должен был проверить его выполнение. Вечером выяснилось, что они ничего не сделали, и значит, хлеба им положено все те же 400 грамм, о чем я и доложил прорабу. Рецидивисты пригрозили: «Мы тебя убьем». Хорошо зная, что здесь это не просто слова, доложил начальству. На другой день их отправили в штрафную колонну, где не надо было ходить на работу, но не было и надежд на увеличение пайки. Они просились обратно, но это уже зависело не от меня.

Хлеб на зоне — единственный стимул. В одной плотницкой бригаде был уголовник, который просто игнорировал требование бригадира работать так же, как другие. Бригадир, естественно, определил ему все те же 400 грамм. Ночью уголовник зарубил его топором, а наказание получил незначительное — всего два года дополнительно к сроку. В лагерях даже поощрялось, когда уголовник убивал «врага народа», то есть осужденного по 58-й статье, несмотря на то, что именно «политические» были тружениками, в отличие от «бытовиков» — воров и рецидивистов. Но они — воры и рецидивисты — как раз и становились подрядчиками, вахтерами, хлебрезчиками, кладовщиками, банщиками, истопниками и т.д. Из «врагов народа» на это могли рассчитывать только старики.

Первого июля 43-го кончился срок моего заключения. Накануне этого события я чуть было не умер.

Незадолго до освобождения меня направили в специальную колонну разнорабочих. Однажды,

когда мы откачивали воду из колдца, я буквально свалился с ног от невероятных болей в животе. Целый день пролежал на штабеле досок, смотрел в небесные просторы и не мог пошевелиться. Вечером за мной приехали и отвезли в колонну. Примерно через неделю, как раз к дню освобождения, боль утихла. Все это время я отлеживался. Спасибо одному моему товарищу, который где-то раздобыл немного молока — кроме него я почти ничего не ел.

«Мы вас не привлекаем...»

После освобождения меня направили в Усть-Вымский райвоенкомат. Определили в спецэнергострой: шло срочное строительство фанерного завода для производства самолетов с фанерными фюзеляжами. Я стал десятником, а затем прорабом участка.

На заводе работали заключенные, как и я, отбывшие сроки и направленные в трудармию. Много поляков. С питанием плохо, поваральные болезни, врач — жена начальника строительства Немцова. Больных направляли в отдельный барак, где большинство и умирали. Для рытья могил создали специальную бригаду.

Чтобы как-то поддержать своих рабочих с питанием, я как руководитель участка включал в выполненные работы некоторые объемы, не предусмотренные планом. Это дошло до начальника строительства, он приказал отдать меня под суд. Прибыл прокурор республики Коми с группой следователей, началась проверка. Главный вопрос: почему на строительстве большая смертность? В результате начальник и комендант были отданы под суд и получили по три года.

Вызвал прокурор и меня, а прежде чем вызвать, очевидно, поговорил с рабочими моего участка, что и повлияло на его решение:

— Мы вас не привлекаем к ответственности, приказ начальника строительства аннулирован. Работайте как и работали.

...9 мая 45-го. Всеобщее ликование, поцелуи. Многим предо-

ставляются отпуска. А поскольку мы с выпускниками ФЗО (их было около 90 человек, я — руководитель) по просьбе начальника строительства заканчивали бетонирование варочного бассейна, то до моего отпуска дошла очередь только в декабре. Выдали командировочное удостоверение, чтобы не ехать в Айкино за специальным пропуском. Начальник попросил из отпуска вернуться на стройку и даже пообещал построить домик, если я приеду с семьей.

Дома меня сразу приняли инспектором школ в облоно, которым заведовал Иван Бабицкий, соученик по педагогическому институту.

А в августе 1948-го в Ворошиловграде произошли необычайные события. Всех учителей — бывших заключенных, по решению особого совещания отбывших срок и возвратившихся в Ворошиловград, тихонько собрали и под конвоем отправили на жительство в Красноярский край. Товарищи меня предупредили, и я в срочном порядке был из облоно переведен завучем в Ново-Астраханскую среднюю школу. Там мы с женой Еленой Михайловной проработали 12 лет.

Занимались в две смены в двух приспособленных зданиях, построенных еще до революции. Во вторую смену от нехватки кислорода тухли лампы. Вот я и предложил родительскому комитету написать в Совет Министров письмо о необходимости построить новую школу. Написали. И в скором времени получили извещение, что республиканским организациям дано соответствующее указание. Большое содействие оказал депутат Верховного Совета СССР от нашего района академик Скобельцын. Построили школу за одно лето, и работает она уже сорок лет.

Остались у меня от тех времен значок УССР «Отличник народного образования» и грамота Министерства просвещения...

1951 г.

*Редакция благодарит
В.И. Эндеберю
за предоставленные в ее
распоряжение записки отца.*

Узнают нас по целинкам*

(Из истории символики, знаков различия и значков студенческих отрядов)

Появлению терминов «отряд», «командир», «комиссар» мы обязаны той исторической эпохе, в которой жили и воспитывались первые поколения целинников-студотрядовцев. Страна залечивала послевоенные раны и готовилась к «отражению новых посягательств империалистов». Многочисленные отрасли народного хозяйства сохраняли полувоенную структуру управления. Еще живы были участники Гражданской войны, еще моло-

ды — участники Великой Отечественной, на примерах которых воспитывалась молодежь. В популярной песне пелось: «...и вновь продолжается бой». Поэтому в продолжение революционных и военных традиций первые трудовые формирования студенческой и учащейся молодежи стали называться отрядами, а их первые руководители — командирами и комиссарами. Если есть отряд, значит, должна быть и форменная одежда.

Целинка

Традиционным и обязательным элементом парадной формы участника движения студенческих отрядов является куртка, как правило, цвета хаки. В студенческих отрядах уральского региона ее называют целинкой, так как началась эта традиция с первых целинных отрядов. Первые уборочные отряды и ССО страны, выезжавшие на целину, экипировались рабочей спецодеждой. В сохранившихся архивных документах есть информация о закреплении формирующихся студотрядов за военторгами соответствующих территорий, которые по утвержденной разрядке отпускали выезжающим на целину необходимое количество

армейского снаряжения (сапоги, гимнастерки и т.п.).

Но бойцы отрядов проявили инициативу и стали нашивать на «рабочий костюм» эмблему, которая содержала информацию о месте формирования (название области, города, учебного заведения). Постепенно появилось правило, сначала — неписаное,

потом — закреплённое нормативным документом, в котором указывалось, что эмблема, в форме французского щита, должна нашиваться на левом рукаве, выше локтя. А также что в эмблеме должен содержаться рисунок — символ отряда, а в надписи — название отряда, учебного заведения и год формирования.

Александр Дмитриевич Костин, 1958 г. рождения. Ветеран движения студенческих отрядов (1974–1991 гг.). Автор многочисленных научных и популярных публикаций по краеведению, нумизматике, бонистике и фалеристике.

* Из книги, готовящейся к изданию. Пятидесятилетию движения студенческих отрядов страны посвящается.

Эмблемы ЛСО

С появлением сложноподчиненной структуры Всесоюзного студенческого отряда со штабами различного уровня (штаб ЛСО, ЗШ СО, ОШ СО, КШ СО, РШ СО, ЦШ СО) возникла необходимость введения должностных знаков различия. Их стали называть шеvronами. Нашивались они на груди, над левым карманом, и обозначали должность в отряде (от бойца линейного студотряда до командира Всесоюзного студенческого отряда). На шеvronах комсостава (в зависимости от уровня штаба) располагались «уголки»: один уголок — линейный отряд, два — зональный или районный отряд, три — областной или краевой отряд, четыре — республиканский отряд, пять — всесоюзный отряд.

Накатка

Так как на маленькой нарукавной эмблеме возможно было разместить минимум информации, а было огромное желание сказать, нет — крикнуть нечто большее о своей принадлежности к студотрядовскому братству, обладатели целинок стали помещать прочую информацию на спинах. Иногда она дублировалась и дополняла информацию, имеющуюся в отрядной эмблеме. На целинках появились названия

Шеврон бойца Всесоюзного студенческого строительного отряда

Шеврон бригадира линейного студенческого строительного отряда

Шеврон бойца линейного студенческого отряда

Шеврон главного врача зонального (районного) СО

Шеврон бойца линейного студенческого отряда проводников

Командир республиканского СО

Шеврон бригадира линейного студенческого строительного отряда

Шеврон сотрудника республиканского штаба СО

Шеврон бойца линейного студенческого педагогического отряда

Комиссар областного (краевого) студенческого отряда

мест дислокации, наименования принимающих хозяйственных организаций и производственных объектов. Более красочными стали изображения. Справедливости ради нужно сказать, что Центральный штаб студенческих отрядов ЦК ВЛКСМ эту инициативу изначально не поддерживал, но процесс принял неуправляемый, стихийный характер, с которым было невозможно и бессмысленно бороться. Поэтому

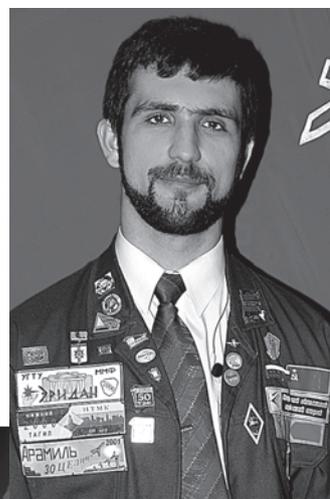
в середине восьмидесятых годов было принято решение «узаконить» это явление, поставив его под жесткий контроль. С того момента все изображения на целинках должны были согласовываться с комитетами комсомола, формировавшими отряды. Технология нанесения изображений была различной, но в основном они накатывались через трафарет. Отсюда берет свое название понятие — «накатка».

В дальнейшем к уже закрепленным в уставе нормам размещения и содержания эмблемы, шеврона и накатки была добавлена эмблема областного студенческого отряда, Государственный флаг СССР, появились дополнительные нашивки с названием зонального (специализированного) отряда или объединенного отряда учебного заведения.

организаторы, в лице руководителей вышестоящих штабов СО, закрывали глаза на это явление. И сейчас на различных встречах ветеранов студотрядовского движения можно увидеть целинки, на которых нет свободного места от различных эмблем, нашивок, шевронов, накаток и значков. Это в своем роде ходячий мини-музей трудового пути обладателя целинки и его отряда.

Участники студенческих отрядов в целинках с многочисленными нашивками и значками

Старики, желая подчеркнуть свою «заслуженность», за каждый свой рабочий год в отряде стали нашивать очередные эмблему или шеврон, не срезая старых. Формально это было нарушением уставных требований ношения форменной одежды участника движения студенческих отрядов, но

Награды студотрядовцев первых лет целины

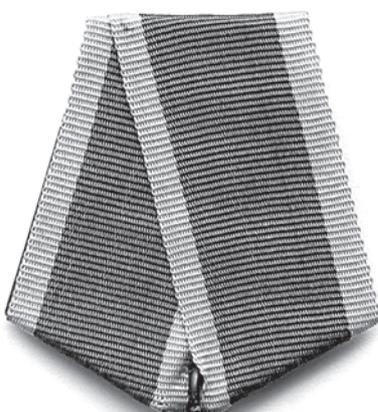
Первыми памятниками фалеристики в замечательной истории студенческих отрядов советского периода были наградные знаки ЦК ВЛКСМ. Отличившиеся студенты за работу на целине награждались знаками:

- «За освоение новых земель» (вручался в 1954–1959 годы),
- «Участнику уборки урожая на целине 1956 года»,
- «Участнику уборки урожая на целине 1957 года»,
- «Участнику уборки урожая на целине 1958 года»,
- «Молодому передовику производства» (вручался в 1956–1970 годы).

Наградной знак ЦК ВЛКСМ за работу на целине

Знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель» награждались не только студенты-целинники, но и организации, вносившие свой вклад в освоение целины. Так, в 1958 году комитет комсомола УПИ был награжден им за хорошую подготовку студенческих отрядов и эффективное руководство. Газета УПИ «За индустриальные кадры» также получила этот знак за освещение хода уборки урожая на целине. Носить такие значки было не менее почетно, чем правительственные награды, которыми также отмечались особо отличившиеся студенты учебных заведений Свердловской области. Только медалью «За освоение целинных земель» за самоотверженный труд на целине — куда выезжали уральские студотряды с 1956 года — были награждены более двух тысяч бойцов-студотрядовцев. И комсомольские организации — УПИ, УрГУ, УЛТИ, СГМИ — одни из немногих в стране 12 октября 1966 года были награждены медалью «За освоение целинных

Медаль «За освоение целинных земель», которой была награждена в 1966 году комсомольская организация УрГУ

земель» — за огромный вклад и многолетнюю работу студентов-комсомольцев вуза на целине. Награждение этой медалью

участников и организаторов студенческих строительных отрядов Свердловской области продолжалось до конца 60-х годов.

Студенческая копилка государственных наград

В последующие годы за активное участие и организацию студенческих отрядов Свердловской области были награждены государственными наградами СССР:

- орденом Трудового Красного Знамени — 2 человека,
- орденом Дружбы народов — 3 человека,
- орденом «Знак Почета» — 13 человек,
- медалью «За трудовую доблесть» — 39 человек,
- медалью «За доблестный труд» — 43 человека,
- медалью «За доблестный труд.

В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» — 26 человек.

Первые целинные отряды, выезжавшие с 1956 года, в основном, работали на уборке урожая, но иногда занимались и строительными работами. С конца 50-х годов студенты работали на всех

Участники и организаторы движения студенческих отрядов Свердловской области, награжденные правительственными наградами Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.07.1986

ведущих стройках Среднего Урала: Белоярской АЭС, Качканарском обогатительном комбинате, Нижнетагильском конвертерном, Рефтинской ГРЭС и других.

В дальнейшем приобретенный опыт организации труда и быта, сложившаяся школа подготовки кадров руководителей и организаторов студенческих отрядов дали

Первые часы пребывания на целинной земле в 1964 году. Слева направо:

А. Жданович — командир районного (сводного) ССО Свердловской области, В. Бочко — секретарь комитета комсомола УПИ, А. Махлин — главный врач районного ССО, Ю. Маслинцев — санитарный врач районного ССО

И новым улицам названия мы давали... (Казахстан. 1964 год)

мощный импульс в организации и подготовке первых студенческих строительных отрядов и в их работе в 1964 году на строительстве объектов целинных совхозов.

Первый целинный ССО из 739 человек состоял, в основном, из студентов УПИ. Лишь один отряд был из УрГУ, с журфака. Названий у линейных отрядов еще не было. Они появились только на следующий год. А тогда их называли в зависимости от того, в какой совхоз ребята собираются: скажем, радиофак едет в совхоз «Псковский», а механики — в «Урожайный». Так отряды и называли.

Перед выездом было принято решение о приобретении собственной форменной одежды для наших отрядов. Договорились с Ирбитской швейной фабрикой, сняли с каждого бойца мерки и всем сшили достаточно дешевые одинаковые голубые рубашки и серые брюки. Однако когда пришла пора рассчитывать, денег не оказалось. Будущие целинники обратились в ректорат, на кафедры, к некоторым известным в то

время людям, но — безрезультатно. Тогда председатель профкома УПИ Валера Конышев организовал в общежитии сбор средств: по рублю — со студента. Собрали большой мешок денег, и Валера поехал с ними в Ирбит выкупать форму. Так что первые стройотрядовцы уже тогда могли гордиться собственной отрядной формой.

Студенты на целине оставили добрую память о себе. Наши ребята, например, «с колышка» на-

чинали совхозы «Урожайный» и «Восточный». Физтехи одну из улиц назвали именем Эйнштейна. Почему — Эйнштейна? Да потому что — физтехи.

ССО УПИ работали в Карабутакском районе Актюбинской области, в совхозах: Бугетсайском, Жанадаурском, Кзыл-Жулдузском, XXII съезда КПСС, Комсомольском, Щербаковском, Ярославском, Урожайном, Псковском, Восточном. В самом Карабутаке работал ССО из УрГУ.

Комсомольская путевка участника уборки целинного урожая 1956 года, выданная В.И. Плахину, студенту УрГУ

О «кирпичиках»

Начиная с 1962 года, Центральный целинный штаб студенческих строительных отрядов, а затем с 1967 года — Центральный штаб ССО ЦК ВЛКСМ, ежегодно изготавливали и бесплатно выдавали участникам движения студенческих отрядов значки, получившие у студотрядовцев уменьшительно-ласкательное название «кирпичики». Это прозвище оказалось настолько точным, что сохранилось и поныне. С 1993 года после распада всесоюзной организации в Свердловском областном студенческом отряде традиция выпуска «кирпичиков» продолжилась. Теперь их выдают только после трудового семестра, так как не достаточно только стать бойцом отряда, требуется доказать звание своим трудом и уж тогда претендовать на получение «кирпичика» за очередную целину.

Композиция значка очень лаконична: на мастерке указан год, сам мастерок лежит рукояткой вверх на двух плитах (или кирпичках), немного сдвинутых по отношению друг к другу.

В зависимости от изменений, происходивших в движении студенческих отрядов, надписи на плитах с годами изменялись: «Студенческая целинная стройка», «Студенческие строительные отряды», «Всесоюзный студенческий отряд».

В последнем варианте начиная с 1974 года еще добавилось название Всесоюзного студенческого отряда, которое присваивалось Центральным комитетом ВЛКСМ. В названиях ВСО отражались знаменательные события в жизни страны:

- 1967. Всесоюзный студенческий строительный отряд имени 50-летия Великого Октября;
- 1972. Всесоюзный студенческий строительный отряд имени 50-летия СССР;

- 1974. Всесоюзный студенческий отряд имени XVII съезда ВЛКСМ;
- 1975. Всесоюзный студенческий отряд имени 30-летия Победы;
- 1976. Всесоюзный студенческий отряд имени XXV съезда КПСС;
- 1977. Всесоюзный студенческий отряд имени 60-летия Великого Октября;
- 1978. Всесоюзный студенческий отряд имени 60-летия ВЛКСМ;
- 1979. Всесоюзный студенческий отряд имени 25-летия целины;
- 1980. Всесоюзный студенческий отряд имени 35-летия Победы;
- 1981. Всесоюзный студенческий отряд имени XXVI съезда КПСС;
- 1982. Всесоюзный студенческий отряд имени XIX съезда ВЛКСМ;
- 1984. Всесоюзный студенческий отряд имени 30-летия целины;
- 1985. Всесоюзный студенческий отряд имени 40-летия Победы;
- 1986. Всесоюзный студенческий отряд имени XXVII съезда КПСС;
- 1987. Всесоюзный студенческий отряд имени XX съезда ВЛКСМ;
- 1988. Всесоюзный студенческий отряд. 70 лет ВЛКСМ.
- После распада ВСО начиная с 1993 года уже на «кирпичиках» областного студенческого отряда появляются его названия:
- 1993. Свердловский студенческий отряд. 30 лет;

- 1997. Свердловский студенческий отряд имени 20-летия Знаменки;
- 1998. Свердловский студенческий отряд. 35 лет;
- 1999. Свердловский студенческий отряд имени 200-летия А.С. Пушкина;
- 2002. Свердловский студенческий отряд имени 25-летия Знаменки;
- 2003. Свердловский студенческий отряд. 40 лет;
- 2005. Свердловский студенческий отряд имени 60-летия Победы;
- 2007. Свердловский студенческий отряд имени 30-летия Знаменки;

На «кирпичиках» других лет название отряда отсутствует, это означает, что в эти годы его не присваивали.

С появлением студенческих отрядов нестроительного направления форма «кирпичиков» сохранилась как дань традиции, заложенной в среде студенческих строительных отрядов. Несмотря на простоту значков, ветераны особо дорожат ими. Носят их на левом лацкане целинки, закрепляя снизу вверх: с первого по последний год участия в отряде.

Значки всесоюзных специализированных студотрядов

На целинках ветеранов ССО можно увидеть скромные значки ССО «Энергия» 60-х и красочные 70-х, 80-х годов XX века. А на целинках выпускников УЭМИИТ и СТТС конца 60-х годов можно рассмотреть миниатюрный значок, стилизованный под кусок рельса. Все это значки всесоюзных специализированных отрядов.

Как правило, в этих отрядах работали студенты, обучающиеся в учебных заведениях по специальностям: энергетическим и транспортному строительству. В 1967 году на базе учебных заведений Свердловска был сформирован объединенный отряд «Энергия» численностью 100 человек во главе с командиром В.И. Агеевым — студентом УПИ. А в отрядах транспортного строительства трудилось в 6 раз больше. Впервые эти специализированные отряды стали формироваться в конце 1965 года. Первая целина состоялась в 1966 году. Аналогичные отряды формировались в других регионах страны.

Такая специализация в среде студенческих строительных отрядов стала проявляться в 60-е годы XX века. Уже в 1966 возникла потребность и возможность создания штабов при министерствах и ве-

домства. Но с развитием системы управления студенческими отрядами и при дальнейшей ее централизации (создании Центрального штаба при ЦК ВЛКСМ) Центральные штабы при министерствах и ведомствах прекратили свое существование или были реорганизованы в оперативные группы по содействию специализированным отрядам. Эти процессы и нашли свое отражение в памятниках фалеристики. Так, Центральный штаб всесоюзного отряда «Энергия» при Министерстве энергетики и электрификации СССР начиная с 1966 года изготавливал для своих бойцов значки с указанием года и названием отряда — «Энергия». Но и с упразднением штаба традиция выпуска значков для отрядов, работавших на объектах мини-

стерства, сохранялась до 1988 года. В период с 1966 г. по 1970 г. свои значки («Студенческая транспортная стройка») выпускались штабом при Министерстве транспортного строительства СССР. Известны значки реставрационных студенческих строительных отрядов, на которых изображались древние памятники архитектуры, стояли буквы «РССО» и указывался соответствующий год работы отряда. Несмотря на то, что отряды реставраторов были не столь многочисленны, они также имели статус «всесоюзного специализированного студенческого отряда».

Награды ЦК ВЛКСМ участникам и организаторам студенческих отрядов

До учреждения знака ЦК ВЛКСМ «За активную работу в студенческих отрядах» в 1978 году особо отличившиеся бойцы студенческих отрядов награждались знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». Но и после учреждения специальной награды для участников и организаторов студотрядов традиция награждения знаком «Молодой гвардеец пятилетки» сохранилась. В IX и X пятилетках (с 1973 по 1980 годы) знак имел три степени: «золотой», «серебряный» и «бронзовый». Но участники студенческих отря-

дов и не только они, как правило, золотой знак «заработать» не успевали, т.к. для его получения требовалось отработать гораздо больше времени, чем студент мог быть участником отряда. А поря-

док представления к награждению знаком не был простым. В XI пятилетке (1981–1985 годы) учредители знака упростили порядок представления к награждению и оставили только две степени: «зо-

№ п/п	НАЗВАНИЕ ЗНАКА	год учреждения	размеры (мм)	материал изготовления
1.	Серебряный знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»	1973	25x58	Тяжёлый металл, эмаль
2.	Бронзовый знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»	1973	25x58	Алюминий, эмаль
3.	Золотой знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»	1981	25x58	Алюминий, эмаль
4.	Серебряный знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»	1981	25x58	Алюминий, эмаль
5.	Значок ЦС ВПО «За активную работу с пионерами»	1958	22x32	Алюминий, эмаль

«Старушки» студенческих отрядов г. Нижний Тагил с наградами ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». 80-е годы

лотой» и «серебряный». Поэтому мы часто видим на старых фотографиях присутствие этих наград на целинках студотрядовцев.

Одним из социально-значимых направлений работы студенческих отрядов была работа со школьниками. При сильных отрядах создавались пионерские

лагеря «Спутник», в которых отдыхали младшие школьники — дети жителей места дислокации студенческого отряда. Отряд самостоятельно или совместно с хозяйствами содержал такой лагерь. Персонал лагеря полностью состоял из студентов, специально подготовленных к этой работе. Так, в 1965 году при студенческих отрядах страны работали 350 лагерей «Спутник», в которых отдыхало более 25 тысяч детей. В том году состоялось первое награждение студентов педагогов-воспитателей значком ЦС ВПО «За активную работу с пионерами». Всего были награждены 53 человека из разных отрядов страны, в том числе студентки УПИ Татьяна Агафонова и Зоя Сосновская.

(Продолжение следует)

Наталия ПОЗДНЯКОВА

9-я школа, 20-е годы

(Из воспоминаний старой екатеринбурженки)

В 1923 году Соня Тимофеева пошла в первый класс. Двухэтажное здание четырехклассной начальной школы, бывшей приходской, стояло напротив Екатерининского собора. Через год всех учеников перевели в здание бывшей Екатеринбургской мужской классической гимназии, а старую школу снесли в связи с началом строительства предвестника грядущего коммунизма — современного здания обкома партии.

В те годы процветал новомодный бригадный метод обучения. Класс, в котором было около 30 человек, разбивался на группы. Обычно ученики трех соседних парт и составляли бригаду, или звено.

Вначале преподаватель обстоятельно объяснял новую тему, затем каждое звено самостоятельно закрепляло пройденное. Во время опроса каждая бригада получала задание. Несколько минут обсуждались варианты ответов, избирался ведущий, который и отвечал перед классом. Если ответ не вызывал замечаний, все ребята этого звена получали высший балл. Если ответ был неверен, кто-нибудь из членов бригады пытался спасти положение. Он и получал высший балл. Если никто из звена не мог справиться с каверзными вопросами оппонентов из других бригад, высший балл доставался им.

Оценок знаний было всего три: неудовлетворительно (неуд), удовлетворительно (уд) и вполне удовлетворительно (вуд). В борьбе за высший балл кипели нешуточные страсти.

Дисциплина в школе была жесткой. Если учитель шел по школе, ученик обязан был стоять, пока педагог не пройдет. Однажды один шалун затеял драку и был немедленно исключен из школы. Как-то во время урока одноклассник исподтишка дернул Соню за длинную косу. Она взвизгнула и была тут же удалена из класса. До конца уроков проплакала в раздевалке. Больше подобных происшествий в классе не было.

На занятиях физкультурой учеников прямо в коридорах школы учили ходить строем, бегать, прыгать. Львиную долю времени посвящали выстраиванию пирамид, неперемного атрибута того времени.

Долго помнила Соня школьный утренник, посвященный празднику Октября. Все стояли в большом зале, и каждый со своего места декламировал свою часть литмонтажа. Соне достались такие слова: «Помните, что знания и труд — все перетрут. А для того, чтобы победить, нужно много знать и учиться». После

торжественной части и учителя, и ученики хором пели революционные песни.

Соне очень нравились уроки физики. Их вел пожилой мужчина с удивительным чувством юмора. Ну что может быть веселого в физических законах? А он умудрялся рассказывать о них с шутками и остроумными байками.

Совсем другой была «химичка», незамужняя дама лет тридцати с ровным пробором в гладко зачесанных темных волосах. Сухая и строгая, она очень не любила, когда ученики задавали вопросы. «Слушать надо было!» — строго выговаривала она, когда какой-нибудь смельчак все же осмеливался переспросить ее. Но предмет свой она объясняла прекрасно и с вдохновением вела лабораторные занятия. Многие ее ученики впоследствии избрали химию своей специальностью.

По школе ползли слухи о безнадежной любви учительницы химии к новому учителю математики. В ходу даже был некий пикантный стишок. Предмет неразделенных чувств был молод и обаятелен. В отличие от химички, он поощрял любознательность питомцев: «Кто вопросов не задает, тот своей головой не думает», — любил повторять он.

Учитель рисования был невысокий, худенький, с бородкой. Он ставил на стол какой-нибудь предмет: вазу, деталь, эстамп — и предлагал его нарисовать. Для Сони это было сущим наказанием — она плохо рисовала, и у нее не было ни красок, ни цветных карандашей. Глядя на ее мучения, несколько предприимчивых мальчиков предложили взаимовыгодный «бартер»: они рисовали для нее, а она писала за них сочинения. Обмануть учителя рисования было непросто — с разных мест изображаемый предмет выглядел по-разному, и юным художникам приходилось проявлять чудеса изобретательности. Нелегко было и Соне писать сочинения на разные темы и разным стилем.

На уроках литературы подбор изучаемых классиков был весьма своеобразен: Пушкин, Лермонтов и Толстой, как представители «реакционного» дворянства, были изгнаны из школьных программ. Некрасов же, Гоголь и Блок избежали этой печальной участи, невзирая на принадлежность к тому же «загнившему» классу. Учеников мучили нелюбимыми Маяковским и Демьяном Бедным. Втайне учащиеся все же читали опальных классиков — запретный плод во все време-

на был сладок. Увлечение же «упаднической музой» Сергея Есенина граничило с истерией — девочки рыдали над списками его стихов, а после безвременной гибели голубоглазого кумира горе почитательниц было безутешным.

На географии единственным наглядным пособием был старенький глобус. Все карты после передела мира в войнах и революциях безнадежно устарели, а новых еще не напечатали.

На уроках немецкого занимались нудным спряжением глаголов и почти не было речевой практики. Такая метода хороша для детей из семейств, где с младых ногтей бонны-иностранки пополняли словарный запас своих питомцев. В 20-е же годы мало кто мог позволить такую роскошь. Отсюда и всеобщее незнание языков, несмотря на многолетнее изучение. Но Соне было легче — от жены старшего брата она немного знала латышский, а от подружки Цици Футлик — идиш. Оба языка близки к немецкому, и ей ничего не стоило получать по этому предмету приличные отметки.

Через площадь от школы стоял величественный Кафедральный собор. В большую перемену ученики бежали туда и как раз попадали к причастию. Пробравшись сквозь толпу, дети вкушали необыкновенно вкусное церковное вино, которым батюшка из серебряной ложечки потчевал свою паству. Многие норовили повторить удовольствие, но бдительный священник бил шалунов ложкой по лбу. Однажды досталось и Соне — сладкая капля растеклась по носу. Закон божий в школе был давно отменен.

Году примерно в 26-м школу посетили представители власти, и на общем собрании ученикам и учителям было предложено убрать из дома предметы религиозных культов всех конфессий. Ослушников ждали кары, среди которых исключение из школы было самым мягким наказанием. Воинствующие атеисты пригрозили неоднократными проверками и слово свое сдержали. Пришлось Евгении Васильевне, Сониной маме, снять с божнички все иконы.

Не обошли школу и заклеянные впоследствии идеи лженауки педологии — все учащиеся подвергались всестороннему тестированию. Способности Сони высокая комиссия признала «выше средних», о чем ей был выдан документ.

По городу ходили уже красногалстучные колонны с барабанами и горнами, но волны тотальной политизации еще не докатились до школьных дверей. Пионерские отряды дислоцировались тогда при клубах предприятий.

Однажды летом Соня две недели отдыхала в загородном лагере. Туда довольно долго добирались на телегах. Жили в недавно закрытой церкви. Вначале было жутко, потом привыкли. Спали на соломенных матрацах. Еду готовили сами во дворе на кострах. За детьми присматривали две женщины, которых все очень слушались. Погода была теплая, дети играли, пели песни, собирали ягоды и грибы.

На втором году обучения Сонин класс водили на экскурсию в музей Революции — печально знаменитый дом Ипатьевых. Учеников заводили в большую, богато убранную комнату с длинным столом, покрытым красивой скатертью. Вокруг стояли стулья с вы-

Дом Ипатьева — музей революции. Фото Берланд

Свердловск, 30-е годы

сокими спинками. Стол был изысканно сервирован золоченой посудой.

Детям рассказали, что, когда семья плененного самодержца Российского сидела за этим столом, в комнату вошел Петр Ермаков и предложил царственным узникам пройти в подвальное помещение. Экскурсантам повторили последний путь несчастной семьи. Охваченные ужасом, они шли к двери рокового подвала, спускались по 23 ступенькам вниз и попадали в комнату, на полу и стенах которой были заметны бурые пятна от засохшей крови. В деревянных досках было множество маленьких выпиленных квадратиков. Школьникам объяснили, что это следы извлеченных пуль. По словам экскурсовода, первый выстрел в Николая II сделал Ермаков.

Героический Петр Ермаков с удовольствием ходил по школам и рассказывал детям, как его выстрел навсегда освободил страну от власти ненавистного тирана и принес желанную свободу. Это был человек среднего роста, с густыми черными волосами. От его рассказа веяло ужасом, но слова о свободе и грядущем всемирном счастье заставляли воспринимать его как героя-освободителя.

Запомнилась Соне еще одна экскурсия. Когда она училась в 5-м классе, их водили на Каменные палатки на места маевок. Транспорт туда не ходил, даль была страшная. Стоял чудесный теплый день бабьего лета,

и школьники с песнями легко дошли до таинственных скал, стоящих в труднопроходимых зарослях. Замшелые каменные плиты были густо испещрены экзотическими надписями.

В тот же год Соне, в числе других лучших учеников, доверили внести свою лепту в борьбу с неграмотностью. Каждого «учителя» снабдили маленькой грифельной доской и мелом. После уроков Соня спешила к двум подопечным. К весне она должна была научить их читать, расписываться и знать основы счета. Все это великовозрастные ученицы не без труда одолели. Особенно тяжело давались им буквы «Ъ» и «Ь».

С 6-го класса дополнительно к общеобразовательным предметам в школе организовали обучение специальностям медицинской сестры и химика-лаборанта. При формировании групп учитывалось желание, успеваемость и даже внешний вид, несимпатичных девушек в медсестры не брали.

Лица одноклассников и учителей Соня помнила до конца дней, но время стерло из памяти многие фамилии, кроме Алеши Зубрицкого, красивого, белокурого, очень подвижного и одаренного мальчика, девочки с редкой фамилией Кошакошвили и еще трех одноклассников со звучными фамилиями Шинкаль, Киенинсон и Хламнович. Увы, многих ждала трагическая судьба: войны, репрессии, ранняя гибель...

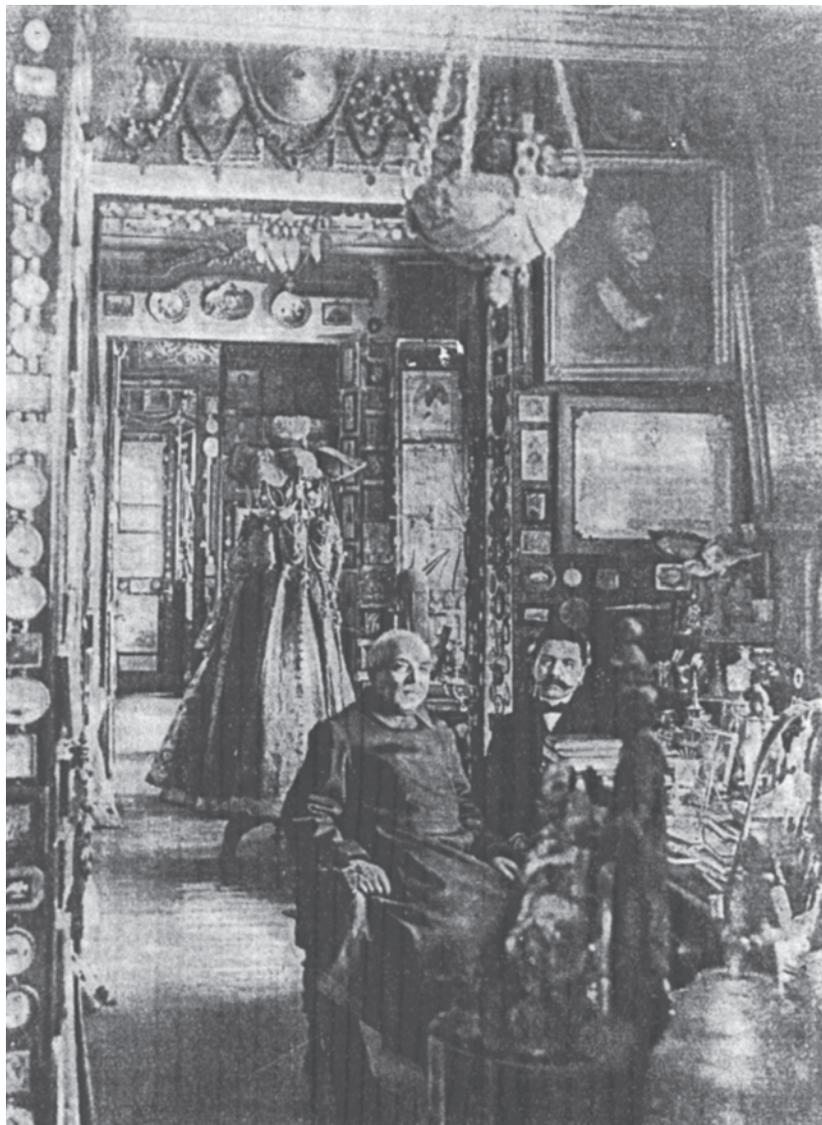
Федор Плюшкин и его музей

– Ну ты и Плюшкин! – нередко можно услышать от мамы, которая в очередной раз выуживала из карманов его богатства: пуговицы, камешки, гайки и т.д. Выражение «Плюшкин» заставляет нас вспомнить великого писателя Н.В. Гоголя и персонаж из его бессмертных «Мертвых душ».

По прихоти судьбы, фамилию гоголевского героя носил реальный человек, тоже собиратель, но и настоящий коллекционер Федор Михайлович Плюшкин. Он не имел никакого отношения к персонажу Гоголя и не мог иметь, так как в год выхода книги «Мертвые души» ему минуло только пять лет.

Родился Ф.М. Плюшкин в 1837 году в городе Пскове, где и прожил всю свою интересную жизнь. По официальному положению был купцом – торговал галантерейными товарами. Имел большой двухэтажный особняк, на первом этаже которого располагался магазин. Его коммерческая хватка уживалась с жадной знанием, любовью к истории и искусству. Страстно увлекаясь собирательством, он, подобно своему литературному однофамильцу, «все тащил в дом» – с той лишь разницей, что это была не рухлядь, а за свои приобретения купец платил подчас совсем немалые деньги.

За свою жизнь Федор Михайлович превратил девять просторных комнат второго этажа дома в домашний музей. Коллекционер и коллекция были неотделимы друг от друга. Среди экспонатов жил и владелец музея. Экспозиция началась от входа в дом, где посетителей встречала древняя гранитная мортара и горка каменных ядер. «По лестнице, сплошь заставленной предметами старины, вы поднимаетесь на второй этаж – и положительно теряетесь, – писал очевидец. – Не только лестница, но и вся передняя, стены всех жилых комнат от пола до

Федор Михайлович Плюшкин (слева) в своей квартире-музее

потолка, двери, окна, подоконники, карнизы, стулья, столы и даже печи – все увешано или заставлено редкостями, если и без системы, то, нельзя не сознаться, со вкусом. Ориентироваться среди бесчисленного количества предметов без помощи владельца немислимо».

Федор Михайлович был коллекционером-универсалом, а началось с того, что в 1870 году он на знаменитом Сухаревском рынке купил несколько картин западноевропейских художников. Картины

оказались жалкой подделкой. Это происшествие заставило Плюшкина серьезно заняться самообразованием. Спустя короткое время он с легкостью дотошного антиквара мог отличить фальшивку от подлинника не только в живописи, но и в других видах коллекционирования. Хотя хозяин музея не имел каталогов и описей своей коллекции, но прекрасно ориентировался среди картин, гравюр, древнего оружия и старинных рукописей. Хорошо помнил и знал историю каждой

приобретенной им вещи. В музее имелись отделы: художественный, военный, этнографии... и даже — курьезов. Самым интересным и обширным был нумизматический отдел — сто тысяч монет и медалей разных стран мира и эпох числилось в нем. Такой коллекции в то время не имел даже Эрмитаж. Большой интерес представляла библиотека — исключительное по богатству собрание старопечатных книг, древних актов, автографов великих людей. Среди автографов — письма Петра Великого, Пушкина, Суворова, Гоголя и т.д.

Некоторые вещи Плюшкин покупал сам, но многое ему присылали московские и другие антиквары. Книги и рукописи поступали от знаковых букинистов. Федора Михайловича интересовало все — от старинной обуви до картин известных мастеров. В художественном отделе хранилось около тысячи полотен. Здесь можно было видеть акварели Карла Брюллова, редкие гравюры — их насчитывалось более двух тысяч. Здесь же находилась посмертная маска А.С. Пушкина и личные вещи поэта; а также серебряная кружка Петра I, табакерка Суворова, боевое знамя Наполеона... В собрании Плюшкина были представлены коллекции старинных часов, русской одежды, фарфора и т.д.

К концу жизни Федора Михайловича (он прожил 74 года) его собрание насчитывало более миллиона экземпляров. Имя псковского собирателя древностей приобрело известность не только в России, но и за рубежом. О нем пишут, ознакомиться с богатейшим собранием в Псков приезжают видные ученые, историки, художники, среди которых был и Н.К. Рерих.

Федор Михайлович Плюшкин умер в 1911 году. И сразу же возник вопрос о судьбе богатейшего собрания. Выступая в Петербурге на заседании общества защиты старины, Н.К. Рерих призвал всех принять все меры, чтобы ценнейшая коллекция осталась в России. Для опасений потерять ее имелись все основания — в Псков прибыл представитель английской антикварной фирмы. А тем временем царское правительство не спешило приобрести плюшкинское собрание у наследников. Только поздней осенью 1913 года музей был куплен государством.

Правительственной комиссии, состоящей из видных ученых, понадобилось около двух месяцев для разборки, изучения и оценки богатства, собранного Федором Михайловичем за сорок лет.

Некоторая доля коллекции, относящаяся к псковской старине, осталась в Пскове в Поганкиных палатах — местном краеведческом музее. Триста больших ящиков было отправлено в Петербург: их содержимое стало частью сокровищниц Русского музея, Эрмитажа и библиотеки Академии наук.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГАРИНА А.Н.

Сост. шутки и загадки для детей (М., 1908).
Венгеров. Источ.

ГАРИНА К.

Сост. популярно-истор. брошюр (М., 1905).
Венгеров. Источ.

ГАРРАС Елизавета

Гувернантка в Томске. В «Звездочке» А.И. Ишимовой напеч. ее очерк «Варенька, или Записки о Западной Сибири».
Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГАРРИС М.А.

(См. Каллаш М.А.)

ГАРТЫНСКАЯ Ольга Васильевна

Д-р медицины с 1884 г.
Венгеров, Источ.

ГАРУЛЛИ Варвара, авт. воспоминаний.

Выпускница училища ордена св. Екатерины «Институтские воспоминания и стихотворения». Нежин, 1901.
Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 4236.

ГАРШИНА Екатерина Степановна (урожд. Акимова; псевд. За-трапезникова, Е.; 1828 — 1897), литератор.

Мать Всеволода и Евгения Гаршиных. Сotr. в «Устоях» (1882) — Е.Г. Авт. ст. «К вопросу о женском труде» — «Искра», 1873, № 21.
Масанов. ИДРДВ. Т.3. Ч. 4. Указ имен.

ГАРШИНА Надежда Михайловна (урожд. Золотилова; 1859 — 1942), авт. воспоминаний; Слушательница Надеждинских акушерских курсов и врачебных курсов при Николаевском военном госпитале. Врач; жена писателя В.М.Гаршина «Последний год жизни В.М.Гаршина. (Из воспоминаний Н.М.Гаршиной). — В кн. «Встречи с прошлым». Вып. 2. М., 1976, с.56-64.

ИДРДВ. Т.3. Ч.4. Указ. имен. Упом. в «Воспоминаниях» Л.Ф.Пантелеева (М., 1958).

ГАСПАРИНИ Надежда Валериановна, журналистка.

Сotr. журн. «Сев. Вестн.» Авт. очерка «Фиории: Очерк из северо-итальян. жизни» (с предисловием И.С.Тургенева) (1877, № № 38 и 39) — Га...рини, Н.; Г - рини, Н. — рец.: «Голос». 1877. № 140; «Праздник в Пьемонте» (1877. № 90).

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ГАТОВА Лариса Андреевна, литератор, мемуаристка.

Актриса. С 1920-х гг. — в эмиграции. Оставила несколько воспоминаний, напечатанных в газ. «Новое русское слово» (Нью-Йорк): «То было раннею весной: Неумирающее детство» \ \ 1971. 24 янв., 31 янв., 14 февр., 22 февр., 14 марта (Нач. 1900-х гг. — 1917. Учение автора в немецкой гимн при евангелическо-лютеранской церкви в Харькове. Выпуск ученического литературного журнала. Поездки автора на отдых в Крым, дружба с татарами Отъезд в СПб); «Мои Одиссеи: Во Франции в дни оккупации; В виши» \ \ 1968. 28 янв.; 26 февр.; 1970. 8 марта, 28 июня. «Отражения» \ \ 1964. 7 нояб., 16 нояб — о путешествии по Франции; «Памяти художника Е.А.Агафонова: К 10-летию его смерти» \ \ 1965. 12 июня; «Путь актрисы» (1961-1967); «Встречи со Станиславским» (1961. 16 июля); «Дни памяти» (1974. 13 окт.) — о двоюродном брате А.Б.Гатове, поэте и переводчике; «Встреча» (1970. 13 сент) — о встрече в Париже с А.И.Куприным; «В Париже» (1976. 11 дек, 2 янв.); «Встречи: Памяти Мейерхольда» (1891. 1 марта). О ней: Березов Р.М. Месяц сирени \ \ Сеятель. 1956. № 90. С. 7-10.

РРЭВД. 3, 4.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 39

Марина РУВИНСКАЯ,
фото из архива больницы

Сороковой — сорок

В середине июня традиционно отмечается день медика. И это всегда повод говорить о новейших достижениях и высоких технологиях завтрашнего дня. Однако в этом году у коллектива Городской клинической больницы №40 обнаружилось особое отношение к общему прошлому: 40 лет назад состоялось рождение клиники. От какого момента считать: с первого колышка, с первого пациента, с первого корпуса, запущенного в работу? Все дебаты по поводу даты закончились, когда буквально накануне юбилея была найдена копия приказа по Свердловскому городскому отделу здравоохранения от 8 мая 1968 года №62.

Приказ предписывал «...Вновь строящейся больнице в Юго-Западном районе на 1510 коек присвоить наименование «Городская больница №40». Назначить товарища Карасева А.Г. исполняющим обязанности главного врача с оплатой 0,5 ставки, а заведующего хозяйством назначить товарища Банных Н.А.»

Оригинал документа хранится в фондах Государственного архива Свердловской области. А в памяти ветеранов остались и другие исторические вехи. В следующем

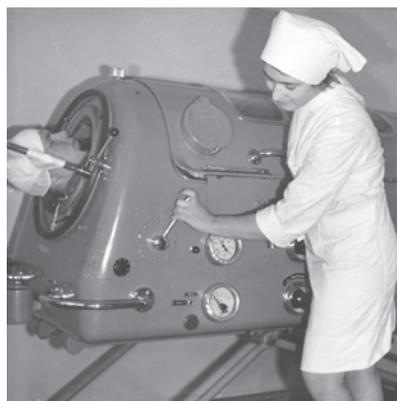
году 25 декабря медики вспомнят одну уже неформальную дату: в этот день в 1969 году был принят первый пациент в консультативно-диагностической поликлинике.

Еще не раз будет повод сказать спасибо ветеранам, работавшим на объектах 70-х и 80-х, которые вводились в эксплуатацию один за другим. Это десятилетие можно назвать строительным: появились на карте медгородка родильно-гинекологический, нейрохирургический, терапевтический, хирургический корпуса. Из лечебных стационаров первым в эксплуатацию был введен инфекционный (конец 1970—1971 г.), начавший принимать больных 17 мая 1971. А 24 мая 1971 года Городская инфекционная больница была переведена в ГБ№40 и размещена в старом инфекционном корпусе. В 1992 началось строительство нового инфекционного корпуса, который принял в 2003 году пациентов всех возрастов: от новорожденных до стариков. Именно коллективу

этой службы довелось с риском для жизни работать с жертвами «сибирской язвы» в 1979 году и в других не менее экстремальных ситуациях.

Любимое журналистами слово «впервые» применительно к больнице звучало не раз: в ГКБ №40 впервые на Урале начало работать отделение лечебного питания, впервые Свердловске организована лаборатория контактных линз и создан больничный диктофонный центр, впервые проводились невиданные хирургические вмешательства и лечебные процедуры.

Параллельно строительному буму в 70-80 -е годы на территории больничного городка организовывались эндокринологический, кардио-ревматологический, вертеброгенный лечебные центры, центр иглорефлексотерапии, центр «Семья и брак». А в новом веке в этих стенах прижилась телемедицина, расширились возможности видеолапароскопии и щадящих малоинвазивных вмешательств,

высокотехнологичных диагностических и лечебных процедур.

Нельзя не сказать о людях, которые в новых стенах сумели воплотить свои идеи и заложили основу бренда сороковая больница. В разные годы здесь работали Юрий Михайлович Михайлов (1928–1983), профессор, создатель эндокринологического центра; Давид Григорьевич Шефер (1898–1978), профессор, создатель региональной школы нейрохирургии; Иван Иванович Бенедиктов (1916–2000), профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии; Моисей Израйлевич Сахаров (1904–2004), профессор, заведующий кафедрой общей хирургии и научный консультант хирургической службы; Иосиф Давидович Прудков (1929–1984), основатель Уральской школы лапароскопии; Тамара Григорьевна Ренева (1913–2002), профессор, зав кафедрой госпитальной терапии, Почетный гражданин города Екатеринбурга; Аркадий Иванович Кортев (1918–1999), Заслуженный деятель наук РФ, профессор, зав. кафедрой инфекционных заболе-

ваний и другие достойные врачи, которые задали для всего коллектива высокий уровень культуры лечебной работы. До последней возможности бороться за жизнь больного, заниматься просвещением, постоянно учиться, осваивать новации – уроки стариков оказались освоены и передаваемы медиками из поколения в поколение. Работать в сороковой было престижно. Медики сюда стремились. И даже об более старшем по возрасту собрате – областной клинической больнице №1, стоящей по соседству, говорили: «А где это Областная?» – «Да около сороковой»...

Сороковую знали. Пациенты предпочитали сороковую своим больницам по месту жительства. Сюда хотели все, лечиться здесь считалось престижным. Именно здесь поправляла свое здоровье партийно-правительственная верхушка области и города. Постоянным пациентом в свое время был Борис Николаевич Ельцин до самого своего отъезда в Москву.

ГКБ №40 была награждена орденом Трудового Красно-

го знамени и представляла наш город на ВДНХ СССР. В новом веке была признана лауреатом международной премии в области медицины, индустрии здоровья и сохранения среды обитания «Медицинский Олимп». Две группы медиков ГКБ №40 в разные годы удостоились звания лауреатов областной премии им. Татищева и Де Геннина. Ежегодно врачи сороковой – среди номинантов городской премии профессионального признания «Медицинский Олимп».

Возглавляли больницу личности незаурядные: с 1969 по 1978 годы – Заслуженный врач РФ Анатолий Георгиевич Карасев (1920–1978). После его смерти главным врачом ГКБ № 40 стал Генрих Гатич Каюмов, который стоял у руля самой крупной больницы Екатеринбурга рекордный для городского здравоохранения срок – 23 года (с 1979 по 2001). Его сменил Заслуженный врач РФ, д.м.н. Феликс Иосифович Бадаев. А в этом году капитанский мостик принял Александр Иванович Степанов.

* * *

Я стану светом,
оставив где-то
прозрачный след.
Тебя восславив,
в Тебе расту.
И есть. И нет.
Мои родные
от век до ныне...
Да будет свет!

* * *

Ой, вы, ветры мои,
ветры буйные,
вы несите меня
в страны дальние,
чтобы жить мне там
беспечальною;
беспечальною
да бескручинною.
Ой же, тученька,
тучка темная,
ты укрой меня
ливня струями;
слезы смой с лица,
лица белого;
лица белого
да безрумяного.
Ах ты, ноченька,
ночь глубокая,
ты верни мне сны,
сны веселые;
сны веселые
да все ушедшие
о милóm дружке
да разъединственном.

* * *

Снова, улыбаясь и маня,
Осень убегает от меня
И, в дождя укрывшись пелену,
В светлом растворяется дыму.
Лишь намокший тополиный лист
Надо мной отплясывает твист.

* * *

Глупость с леностью сплетая,
Не возделав к сроку сад,
Над стеной чужого рая
Видим спелый виноград...

* * *

В эту ночь
ненужную,
бледную, натужную
как нам быть?
Выйть?
В эту ночь
недужную,
холодную и व्यюжную
как любить?
Забывать?
В эту ночь
ты встанешь,
за собой поманишь
в мечты.
Уйти?
В эту ночь
в стакане
горе наше
канет.
Прости.
И ты.

* * *

Наяву или во сне,
Дни летят иль птицы?
На заснеженной сосне
Счастье пьет синица.
Яркогрудая, поет
О простых утехах,
Суеты круговорот
Наполняя смехом.
Я ж, в тоске, за журавлем
Улетаю в небо,
Не жалея ни о чем.
Пусть он там и не был.

* * *

Сбросил лишнее –
осталось
очень мало:
кожа, кости,
легкий вздох,
слеза, усталость;
сына взор,
жены томленье,
голос друга;
за окном –
лишвы шуршанье
или выюга?
За стеной –
былого тени

Ольга Вениаминовна Боченина родилась в г. Богданович Свердловской области. Закончила Сухоложское медицинское училище. Живет в Екатеринбурге.

или – будет?
Кто-то только что
уснул
или – будят?

Мне ангел светлый,
потемневший от хлопот,
сказал: «Ты знаешь,
дело плохо.
Старался я, как только мог,
я даже расспросил Еноха,
внимая, инда изнемог,
его премудрости.
Прости».
Крылом поправив
нимб из света,
исчез он,
наложив на вызов «вето»,
оставив
без ответа
мой вопрос,
что был как репа прост:
«Зачем живу на этом свете?»

Подари мне звездочку,
месяц-звездопад.
Маленькую звездочку –
ты ли не богат?
Маленькую звездочку –
крохотку любви.
Помолюсь, поплачу
в Храме-на-крови.

Ну и что?
Ноготь вечера срезан до кожи,
до нежной болящей ночи.
Ну и что,
что тоска по ушедшему гложет
и сердца нерв обесточен...
Впрочем,
это было вчера.

Пусть луна не украшает –
Ночь ужель не хороша?
Глянь – Медведица Большая
Брызжет светом из ковша,
Землю, травы орошая,
И прозрачная душа
Путь последний совершает,
Поднимаясь не спеша.

Знать, кукушка подавилась
хлебным колосом:
растворились по лесам
звуки голоса –
ни услышать, ни спросить –

Рис. А. Митрофановой

не ответится.
Неприметный лист
вдруг золотом засветится.

А быть мне последней
принцессой иль ведьмой.
Очаг разожжен.
И туфли хрустальной
останется память
и призрачный звон.
У принцев прекрасных –
высокие башни
для жен.

Звон сережек –
он сейчас не для тебя.
Пью вино,
не угрызаясь, не скорбя.
Средь веселья,
шума, споров и стихов
я совсем
своих не чувствую грехов.
Напиваясь, не пьянею,
и, странно,
открываю я людей,
будто страны.
В общий праздник
мой влетается смех,
может, даже
я имею успех.
Вот сережка
зацепилась за локон...
Снежный конь,
словно сон –
мимо окон.

Хозяин в доме

Султан лежал на одной из немногих полностью сухих площадок во дворе, поближе к калитке, совсем разомлев под теплым мартовским солнышком. День уже давно клонился к вечеру, и помимо сладких мыслей о собственной собачьей жизни в голове Султана начали появляться фантазии на тему скорого ужина. От хозяйки весь день вкусно пахло съеденным холодцом, а значит, косточки из него хозяйка обязательно положит сегодня в еду...

Внезапно Султана обдало волной перегара, и он моментально с лаем вскочил на лапы.

— Заткнись, ты, я сказал! — матюкнулся Петр и размахнулся ногой для пинка. Пес от пинка опытно увернулся, а вот Петр, не удержавшись на одной ноге, плюхнулся на зад, как раз в ту самую лужицу перед калиткой, которую только что старательно обходил.

В ответ на симфонию из лая пса и мата хозяина из дома вышла Вера.

— Опять... — едва слышно только и выдохнула она, бессильно привалившись к косяку.

— Что — опять?! Что?! — заорал муж, едва удерживаясь на ногах. — Че я, не мужик, что ли? Уже и выпить не могу? Пррропусти!! Хозяин я в доме или кто?!

Вера, глотая слезы, молча отошла в сенцы. Доводить и сегодня дело до скандала она не хотела — с лица еще не до конца сошли синяки от предыдущего доказательства супружеской любви.

Султан за троекратным восхождением хозяина на крыльцо наблюдал уже без лая, но по-прежнему очень внимательно. Не то чтобы он не узнал Петра, но люди, от которых пахло перегаром, всегда старались хоть что-нибудь да украсть. А хозяйка непременно угощала его дополнительно, если ему удавалось не дать хозяину унести со двора что-либо.

Спустя некоторое время снова вышла хозяйка. Присев на корточки, она обняла пса, и тот с искренним сочувствием облизал ее заплаканное лицо.

— Ну-ну, ладно, мой дорогой, ладно, мой ангелочек. Хочешь кушать? Сейчас, сейчас я тебе приготовлю. Хозяину-то уже ничего не надо...

Пес, отпущенный хозяйкой, побежал к своей конуре и там стал ждать. Он знал: сейчас хозяйка, пошедшая в

сарай, как обычно, спустится под землю, достанет картошку и потом сварит ее ему с какой-нибудь косточкой. Или с остатками хозяйского борща. Или просто так, но подаст со вкусными сухариками.

Однако все пошло совсем не как обычно.

— Ай! А-а... О-о-о! А-а-а-а!! — донеслось из погреба. А затем из сарая, пошатываясь, вышла Вера. Левая ее нога по колено была мокрая, на ней буквально не было лица от ужаса и растерянности — в погребе была вода. Много воды.

— Петя. Петь, проснись, — робко потормошила Вера мужа. Она знала, что толку от мертвецки пьяного главы семьи не будет, но сейчас была слишком растеряна и напугана — погреб прежде никогда не заливало.

— Отстань, — буркнул, наконец, муж.

— Петь, у нас в погребе вода.

— Шо? Ну и хрен с ней. Дай поспать.

— Петь, картошку спасти надо. Вымокнет ведь...

Петр резко распахнул глаза, злым пьяным взглядом уставился на жену.

— А ты здесь на что?! Иди и выкачивай! Еще раз разбудишь — убью!

И, перевернувшись на другой бок, сразу захрапел.

Заламывая от отчаяния руки, Вера вышла на крыльцо. Кинула взгляд вдоль улицы, посмотрела на клонившийся к горизонту красный диск солнца. Воды в погребе было по пояс, не меньше; одной ей столько не откачать, хоть загнись. А помощи ждать было неоткуда. Вера опять посмотрела вдоль улицы, мысленно перебирая соседней. Пьянство здесь было нормой жизни, а какого сочувствия можно ожидать от пьющих?

Тут она аж выпрямилась от неожиданной мысли. Пьют! А ведь при слове «магарыч» у любого пьющего мужика сердце оттаивает!

Переминаясь в волнении с лапы на лапу, пес проследил, как хозяйка стремительно ушла со двора. Слушалось что-то ужасное, он это чувствовал и всеми фибрами своей собачьей души был готов помочь. Но вид помощи он знал только один — сторожить. Чем и занялся. Было только обидно, что хозяйка, уходя, пересадила его на короткую цепь.

Богдан Артемьев родился в 1978 году в г. Магдебург (бывшая ГДР). В 1998 году окончил колледж сахарной промышленности. С детства любит читать фантастику, тяготеет к приключениям и юмору. Автор публикаций в «Жердевских новостях». Многократный призер конкурса «Банк идей» журнала фантастики «Если». Автор публикаций в приложении к журналу «Мир фантастики». С марта 2007 года публикуется на сайте юмористической фантастики «Ну и Ну».

Дух перегара двухсуточной давности Султан учуял издалека, но тьякать не стал — он считал особым достоинством рывкнуть или даже цапнуть вора в последний момент. Однако когда двое мужчин смело вошли во двор вместе с хозяйкой, Султан аж присел от удивления. И залился лаем: хозяйка, берегись! Эти своруют и глазом не моргнут. Берегись!

— Не укусит? — опасливо поинтересовался один из мужчин.

Вера пожала плечами:

— Конечно укусит. Если оторвется. — Она повернулась к разрывавшемуся от ярости псу, приказала: — Молодец, Султан. Теперь сторожи молча. Вот так, молодец.

— А куда воду лить? — уточнил второй.

— Куда потечет.

Время от времени порывивая для порядка, Султан внимательно следил за действиями чужих. Один из них спустился под землю и сидел там, что вызывало огромное беспокойство у пса за сохранность хозяйских запасов. Непосредственной кражи вроде не наблюдалось, потому пес пока исполнял приказание хозяйки сторожить молча. Что же до второго чужого — он таскал в ведре из сарая воду. Но не крал, а выливал здесь же, под уклон в сторону огорода. Это к тому же происходило на глазах хозяйки, потому в отношении него Султан тоже сохранял молчание. Пока.

Когда стемнело, Вера включила во дворе свет.

Спустя часа полтора первый мужчина вылез из погреба.

— Вода только прибывает, этак можно всю ночь черпать, — сказал он. — Там осталось где-то на полколена. Давай картошку вытаскивать. У тебя есть болотные сапоги?

Воруют, точно воруют. В этом Султан был уже совершенно уверен. А иначе зачем чужие достают из-под земли картошку и высыпают ее в ящики во дворе? Не лалял он только по двум причинам: во-первых, хозяйка на него цыкнула, едва он начал гавкать; а во-вторых, чужие не успевали вынести картошку со двора! Хозяйка

спасала припасы, унося пообсохшую картошку в свою большую хозяйскую конуру.

Пес был доволен: хозяйка успела спасти все! Когда второй чужой помог вылезти из-под земли первому, когда они оба, постанывая и похрустывая суставами, вышли из сарая — во дворе не осталось ни единой картошки! Хозяйка даже мокрые ящики унесла — в другой сарай.

Однако пса вскоре ждал еще один шок: хозяйка вынесла и сама отдала чужим... спиртное! То самое, после которого люди лезут воровать! Это оказалось настолько выше разума Султана, что он, бедный, даже забыл обляять чужих на прощание.

— О! Спасибо, хозяйюшка. — Рот одного из мужчин широко растянулся в щербатой улыбке, когда он принял от Веры обещанный магарыч и закуску к нему. — Зови, коли че. Всегда подмогнем.

Вера только устало и грустно улыбнулась. За исчезновение заначки наутро ее ждали кулаки мужа, но спасение припасов того стоило. А синяки... Бьет — значит любит, так здесь говорят люди.

Когда хозяйка вынесла еду и спустила его с цепи, Султан сразу есть не стал. Дождавшись, пока хозяйка вернется в свою, хозяйскую конуру, он со всех лап кинулся к сараю. О, ужас! Треть двора, примыкавшая к сараям, вся провоняла чужаками. Султан тщательно переметил всю территорию и только потом, с чувством выполненного долга, вернулся к миске с едой.

Несмотря на всю чудовищную усталость, Вера легла на кровать с величайшей осторожностью, на самый краешек, спиной к воняющему перегаром и потом мужу. Но кровать все же предательски скрипнула.

— Хозяин я?... — сонно встрепенулся Петр.

— Спи, — тихонько сказала жена. И презрительно добавила: — Хозяин...

Но самый крепкий сон был в эту ночь у Султана. И не только потому, что против обыкновения ночь выдалась на удивление тихой. Ведь основные запасы сегодня сторожила лично хозяйка, в своей, в хозяйской конуре.

Ностальгия на 8 Марта

Под деревом рос гриб.

Белочка удивленно протерла глазки. Действительно, в дупле меж корней старого дуба из остатков листьев и разного мусора выглядывала шляпка гриба. Что ж, прошедшая зима изобиловала чудесами — чего стоила одна двухнедельная оттепель на Новый год, — так почему бы теперь, прохладной, никак не вступающей в свои права весной, ей не полакомиться чудо-грибом? Тем более что этот подарок судьбы можно было обнаружить только отсюда: с соседнего дерева, глядя точно сквозь пока еще голые ветви растущего у дуба куста.

Все еще не веря своему счастью, Белочка осмотрелась — лес вокруг был тих и неподвижен, сер и пуст. Перепрыгнула с ветки на ветку, спустилась по изборож-

денному глубокими морщинами стволу. Впрыгнула в дупло меж корней, чуть разгребла лапками тепло палящий мусор... и аж затрепетала от радости: это была целая семейка грибов! Она возбужденно принялась их быстро рвать в охапку: один, два, три, четыре, пять... И все — ее!

— Привет, Попрыгунья, — раздался вдруг сзади глуховатый, с хрипотцой голос.

Белочка, испуганно вздрогнув, кинулась было бежать, но, резко затормозив, попятилась: у входа, наполовину зарывшись в старые листья, прямо посередине куста лежал Волк.

— Не бойся. Иди. С праздником тебя.

Рис. Яны Ахметшиной

У Белочки от удивленья аж кисточки на ушках торчком встали. Но Волк, похоже, не шутил — лежал он совсем расслабленно, закрыв глаза и едва дыша, почти сливаясь с серыми листьями на земле вокруг.

Такой шанс упускать было никак нельзя, и Попрыгунья решила. Взяв в зубы самый крупный гриб, она сделала к выходу два прыжка. Затем еще прыжок. И молнией взлетела вверх по дереву.

Волк даже не шевельнулся.

Это было невероятно. Это было уму непостижимо. Естественно, она не могла оставить этого просто так. Нацепив гриб на острую веточку, Белочка спустилась пониже и осторожно поинтересовалась:

— Эй, Серый. А какой сегодня праздник?

Сама-то она, конечно, уже сочла свое спасение настоящим праздником, но в аналогичное отношение к этому вполне здорового на вид Волка поверить не могла.

Волк открыл глаза, посмотрел вверх. Взгляд у него был грустный-прегрустный. И какой-то слегка отрешенный.

— Восьмое марта. Забыла, что ли? Международный женский день.

Рыженькая Попрыгунья так и застыла на месте, изумленно приоткрыв ротик.

— Да ты спятил, Серый! Какое такое еще Восьмое марта?! Мы звери, звери мы, понял? Нет у нас больше праздников! — принялась она ругаться, едва отойдя от первого шока. — Нет, ну вы только поглядите на него: ему звериная сущность дарована, живи, понимаешь, одними инстинктами, безо всяких хлопот. Ежедневный отдых, а не жизнь! Так нет, он по прежним проблемам тосковать вздумал! Совсем умом повредился, Серый! Как так можно, как можно, я не понимаю!

Волк, зашуршав листьями, пошевелился, нехорошо прищурился:

— А ты спускайся на прежнее место. Повтори, что сказала, и я, может, вспомню, что я — голодный зверь.

Белочка, поперхнувшись, замолкла. Усевшись на ветке поудобнее, почесала лапкой головку. Пошла на попятную:

— Ладно, согласна, иногда о прежней жизни вспоминать полезно. — Она еще почесала в затылке, вспомнив о сорванных, но оставленных вкусных грибочках в дупле. — А ты... э-э-э, сильно в ностальгию ушел?

— Спускайся, забирай свои грибы, — слабо улыбувшись, разрешил Серый. В его голодном брюхе при этом заурчало, но он сдержался — праздник все-таки.

Понимая, что лишний раз искушать судьбу не стоит, Белочка решила унести все грибочки сразу. Этого ей долго не удавалось. Наконец, с двумя грибами во рту и еще с двумя в левой лапке, она начала медленно взбираться по стволу. Волк по-прежнему лежал расслабленно и закрыл глаза. Но тут...

— Во-олк!! — раздался справа истошный вопль. — Беги! Съест! Беги!!

От неожиданности Попрыгунья в мгновение ока без единого грибочка оказалась на самой макушке дуба, а Волк вскочил на все четыре лапы, оцетинился и заозирался. Справа уже доносился улелепывающий топот кричавшего.

Серый встряхнулся, успокоился. Хотел было лечь, но заметил выроненные Белочкой грибы. Собрал их в кучку, пододвинул носом поближе к дубу и, отойдя на три шага, улегся хвостом к дереву.

— Спускайся, Попрыгунья. Забирай свое пропитание.

Белочка спустилась далеко не сразу. Но спустившись, поверила в человечность Серого, не стала жадничать и принялась носить грибочки по одному.

— Во-о-олк... — опять донеслось справа. — Съест же...

— Не съест, — уверенно заявила Белочка, забирая последний гриб. — Он ностальгирует.

— Что?! — Над холмиком прошлогодней травы удивленно приподнялись два длинных уха. За ними показались и заячья мордочка. — Как ты сказала? Ностальгирует? Волк?!

И Заяц безбоязненно вышел к дубу. С наглым видом обошел лежащего Волка кругом, неодобрительно поцокал:

— Тц-ц-ц-ц, беспорядок. Ай-я-яй. Куда это, товарищ Волк, такое годится? Редкому грешнику вместо заслуженного Ада переродиться выпадает. Тут радоваться надо, а вы себя ностальгией изводите. Так, понимаете ли, и лапы откинуть недолго. Более того, вам, товарищ Волк, выпала высокая честь жить по законам нашего леса, быть, так сказать, его природным санитаром. Негоже вам заботы человеческой жизни вспоминать, товарищ Волк, негоже.

— Сгинь, Косой, — сдерживая злость и глотая слюну, под голодное урчание в животе негромко прорычал Волк. — Женский праздник все-таки, при даме нельзя.

— Помолчи, Косой. Куда лезешь со своими нравочениями? Не видишь: плохо зверю, — заступилась Белочка. Спустившись на землю, подошла к Волку и осторожно погладила его по голове. — Ну, не таись, расскажи, чем тебя волчья жизнь тяготит? Расскажи, и тебе легче станет, и мы, может, поможем.

— И почему я волком переродился? — прошептал Серый. — Любая другая шкура стократ лучше. Жизнь проще, опасностей меньше, пропитания больше. За что меня так? Я ж вроде и не грешил особо.

— Ты кем прежде был? — тоже шепотом уточнила Попрыгунья, зачарованно водя лапкой по голове Серого. Ощущение смеси страха и восторга было непередаваемое. — Шпионом-диверсантом? Наемным убийцей? Мафиози?

— Слесарем-водопроводчиком...

— Знаю! — заорал вдруг Заяц. — Я знаю! Я все понял! Тут все дело в характерах. У кого какой характер был, тот в аналогичного зверя и переродился. И это не прихоть случая, это сознательный выбор души. Вот давайте я вам объясню поподробнее...

Волк, не открывая глаз, недовольно нахмурился — Косой в человеческой жизни, несомненно, был чванливым чинушей низшего звена, хвастливым всезнайкой и неудержимым советчиком снаружи, неисправимым жадиной и трусом внутри. Он очень напомнил Волку чиновника по соцобеспечению, который четырежды переносил его очередь на квартиру, каждый раз с совершенно искренними, честными глазами объясняя это самой крайней необходимостью. Интересно, кстати, а он-то в какую тварь переродился? Хотя, нет, вряд ли. Всем чиновникам за их дела место только в Аду!

— ... главный факт, что первичен дух, а не материя. В первой жизни мы улучшали условия своего существования собственными, так сказать руками. И душе при этом далеко не всегда было комфортно. Но! После смерти нашим бессмертным душам дали свободу выбора, и теперь уже сами души выбрали себе новые тела, соответствующие их максимальному комфорту. Ибо, как говорили древние философы, сознание определяет бытие, а не бытие — сознание...

Заяц трепался уже минут десять. По сути, он переливал из пустого в порожнее, то и дело повторяясь. Ни Волк, ни Белочка не вмешивались в его монолог, надеясь, что он устанет и уйдет первым. Но тут на ветку над троицей на земле села Сорока.

— Что случилось? Что за собрание? О, нет! Какой ужас! Белка и Заяц измываются над подышающим Волком! Кошмар, кошмар!

— Уйди, Справочное Бюро, и без тебя плохо было, — простонал Серый, демонстративно накрывая лапами морду.

— Вот, кстати, яркий пример реинкарнации по характеру, — с новой силой запричитал Косой, обрадовавшись появлению нового объекта для своих рассуждений. — При жизни любопытная, можно сказать, живо интересующаяся всем и вся женщина, считавшая своим долгом донести все до всех, а попросту говоря — заядлая сплетница, после смерти стала сорокой, которая, и это общеизвестно, разносит сплетни по всему нашему лесу.

— Это кто сплетница? — возмутилась Сорока. — Это я-то? Да на себя погляди, трепло косоглазое! Одни уши о чем говорят! Везде ты все подслушиваешь! А болтаешь-то как! Вон, даже губа от усердия лопнула!

— Гнусная ложь! Я с такой губой родился! Зато вот ты, балаболка длиннохвостая, каждый день трещишь всякую ерунду на весь лес!

— Ой, тоже мне — «специалист» нашелся! Что бы ты понимал в новостях, куцехвостый курьер слухов! В одном конце леса шишка упасть не успела, а ты уже на другой конец добежал, «сенсацию» продавать. И за что? За пучок свежей травы, за огрызок сладкой коры! Спекулянт-обжора!

— Сама ты обжора! И вымогательница! Прилетаешь, садишься и тараторишь свои новости, пока от тебя не сбегают, еду бросая...

— Ты уверен, что живешь хуже них? — насмешливо поинтересовалась Белочка у Серого.

Волк задумался. Ссора Зайца и Сороки очень походила на ругань двух торговков на базаре, а их Волк всегда презирал. Но все же...

— Даже собаки живут лучше меня.

— Собаки? — встрепенулся Косой, который к тому времени уже ощутимо проигрывал в споре белобокой всезнайке. — О, товарищ Волк, завидовать им не стоит. Наоборот, это они вам завидуют. При жизни они хотели быть, как вы: сильными и независимыми, мечтали, чтобы все боялись одного их рыка. Но все, на что они способны — это гавкать со стороны, сидеть на короткой цепи и принимать подачки с руки хозяина. Ваша независимость стоит много больше их сытости. Это факт. Именно так и никак иначе!

Глаза Волка изумленно округлились, а затем зло сощурились. Он подавил в себе рык, силой воли заставил тело расслабиться — Восьмое марта все-таки, некультурно при дамах. Но в том, что перед ним тот самый, печально знакомый чинуша, Волк уже был уверен на все сто — не узнать его приговорку было невозможно.

— Успокойся, — потрепала Серого по холке Белочка, по-своему поняв его дрожь. — Мы должны просто жить и наслаждаться жизнью. Это как курортная путевка от профкома. Каждому дано свое, и мы не в силах ни понять этого, ни изменить. И эта жизнь по-своему хороша у каждого, надо только не перечить своим инстинктам.

— Главное, товарищ Волк, вы должны... нет, вы обязаны гордиться своей участью. Только подумайте: у кого-то она куда как хуже вашей. Например, моя теща. Как человек, злая была женщина, высокомерная. Всех ниже себя ставила. Так знаете, кем она стала? Ужом беззубым!

Заяц засмеялся, затем взмахнул лапкой в сторону ветки на дубе.

— А вот, скажем, Сорока. Она все сплетни по лесу на хвосте разносит. И при жизни была... подождите, где это она? Улетела... О, вот вы, Белочка. По вам сразу можно сказать, что вы были трудолюбивой, усердной домохозяйкой, всегда прилежно вели хозяйство, следили за домом, мужем, детьми...

— Не грусти, Серый. — Белочка последний раз с трепетом в сердечке погладила Волка, думая, как будет рассказывать об этом своим знакомым. — Жизнь волка тоже имеет свои прелести, согласись. А мне пора. Прощай.

И Попрыгунья, забрав самый крупный гриб с дуба, ускочила по веткам прочь.

— Ну вот, все дамы ушли, — разочарованно протянул Заяц, глядя вслед Белочке. — Стараешься ради них, стараешься... Неблагодарные, факт. Именно так и никак иначе.

— О, да, — согласился Волк, бесшумно поднимаясь на лапы. От прежней хандры не осталось и следа. В глазах появился охотничий блеск, зубы инстинктивно оскалились. Первая прелесть волчьей жизни сидела прямо перед ним. — Дамы наконец-то ушли...

Машенькино рождество

— Деда! Дедуля!!

Степан Кузьмич удивленно обернулся. Заулыбался, наклонился. А в следующую секунду его обхватили за шею ручки визжащей от радости четырехлетней внучки.

— Дедуля, дедушка! Я в гости, к тебе в гости приехала! Только я, одна я!

Степан тоже что-то радостно начал приговаривать, с внучкой на руках даже закружился на месте. А Машенька вдруг умолкла, отстранилась и, серьезно поглядев в глаза деду, спросила:

— Ты ведь мне все покажешь, правда? Ты обещал, помнишь?

— Нет, Маша, не сегодня, — ответила за Степана ее мать, подходя к крыльцу. Сняла ее с деда, быстро повела в дом, объясняя на ходу:

— Она буквально перед отъездом умудрилась подхватить грипп. Так что из дома — ни ногой. Запомнили? Хорошо. Вот лекарства, вот ее белье, вот гостинцы. Они — тебе. Ах, да. Здравствуй, папа. — Катерина быстро чмокнула в щеку растерявшегося от ее торопливости Степана и, поправляя сумку на плече, направилась к выходу. — Постараюсь быть послезавтра, но особо не жди. К Новому году приеду точно. Вместе с Николаем, он договорился, его подменят.

— Эй, постой, Катя! — в последний момент опомнился дед. — Ты куда так летишь? Присядь, отдохни. Расскажи, как живешь. Чайку хоть попей.

Катерина замерла на пороге и, закатив глаза, покачала головой — отец никогда не понимал ритма городской жизни.

— Тороплюсь я, срочный вызов. Электричка — через двадцать минут. Потом приеду — расскажу.

Степан Кузьмич еще минуту с грустью смотрел на закрывшуюся за дочерью дверь. Торопится она. Как всегда. До города электричка ходит дважды в неделю, а она первый раз за два года внучку привезла. И сразу убежала. Праздники, называется, решили в деревне всей семьей отметить.

— Дедушка, а почему у тебя елки нету? — подергала за штанину Машенька. — Сегодня ведь Рождество.

Степан обернулся, невольно улыбнувшись, взял внучку на руки.

— Почему же нету? Есть. В сарае только. — Тут дед задумался. И нахмурился: — Погодь, какое такое Рождество?

Внучка округлила глазки:

— Де-еда, ты ра-азве не знаешь? По телевизору все только об этом и говорят. — Она сложила ручки на груди и начала нараспев декламировать, утвердительно кивая на каждом слове: — Сегодня весь католический мир празднует самый светлый праздник — Рождество Христово. И дарит друг другу подарки. — Она сделала особое ударение на последнем слове и уточнила: — Понял?

— Ах ты хитруля, — рассмеялся дед. Принялся вертеть, щекотать и легонько подбрасывать в воздух счастливо хохочущую Машеньку. — Понял я тебя, куколка, прекрасно понял. Но какие подарки без елки? Давай ее установим и нарядим, ладно?

Елку Степан выбирал в лесу сам. Она, удивительно аккуратная и красивая, сразу превратила комнату в волшебную полянку. А Машенька была похожа на белочку, которая, припевая и пританцовывая, сама развешивала на пушистые зеленые ветви разноцветные игрушки. Она радовалась всему вместе: тому, что приехала в гости к бабушке, а не, как обычно, наоборот; тому, что дедушка доверил ей самой украшать елку; тому, что нет контроля мамы; тому, что все так чудесно. А дед, уже нарядивший верхушку елки, сидел у печи, наблюдал за внучкой и, довольный, крутил седой ус. Внучка выглядела гораздо более живой, чем в городе, на квартире Катерины. И пресловутый грипп на ней никак не проявлялся. Но для профилактики, конечно, нужно будет ее медком попотчевать. А таблетки — спрятать, от Катерины подалее.

Вот елка была наряжена, а Машенька, гордая своей работой, обернулась к бабушке. И тут погас свет.

— Ой, — только и сказала Машенька. А секунды через три задумчиво спросила: — Деда, а почему мама говорит, что ты живешь, как в каменном веке? Свет-то у вас, как в городе, отключают.

Степан только улыбнулся в ответ. Встал, подошел к окну и, отдернув занавески, пустил в дом серебристый лунный свет. Повернулся и в восхищении замер — елка посередине комнаты сказочно мерцала отраженными огоньками, создавая неопишное ощущение волшебства. Перевел взгляд на стоявшую у елки, похожую на маленькую фею Машеньку.

— Что ж, самое время, пора спать.

— Как спать? — аж отступила на шаг внучка. — Сегодня рождество! Нужно сидеть до полуночи, пить чай и рассказывать друг другу сказки. И ждать Деда Мороза с подарками.

Степан Кузьмич от такого поведения внучки нахмурился — Катерина в ее возрасте была куда послушнее. Хотя... А, ладно, решил он, Рождество все-таки.

— Ладно, хитруля, уговорила. Только пить будем не чай, а молоко. С медом.

Устроились они у окна. Только утром прошел хороший снегопад, и за окном открывался просто сказочный вид: огромная бело-желтая луна, цепляющаяся краем за верхушки леска вдалеке, необыкновенно большие звезды на таинственно темном небе, серебристо искрящиеся сугробы, отбрасывающий таинственные тени наполовину заметенный штaketник.

Машенька зачарованно поглядывала на улицу, слушала деда и потягивала горячее молоко с ароматным, пахнущим летом медом. А Степан Кузьмич негромко рассказывал специально выученные к Новому году сказки, любовался внучкой и подумывал, как уговорить дочь отпустить к нему Машеньку на следующее лето. Хотя бы на месяц.

Неожиданно глазки Машеньки вспыхнули недоверчивым восхищением.

— Де-душ-ка... — тихо вымолвила она, но быстро оправилась, вскочила на лавку и восторженно зашептала, будто боясь вспугнуть увиденное. — Олень! Дедушка, там олень! Олень Деда Мороза! Он приехал к нам, приехал на оленях! Дедушка, смотри, смотри, там олень!

Степан, удивленный, тоже посмотрел в окно... и чуть не выругался вслух — во дворе стоял козел Борька. Он опять отвязался и сейчас, гордо держа голову с величественными длинными рогами, застыл точно под огромной луной, глядел на погруженный во тьму дом и о чем-то, казалось, размышлял.

— Он приехал, Дед Мороз приехал! — захлебываясь словами от счастья, щебетала Машенька. — Он отпустил оленей пастись, а сам пошел разносить подарки! Деда, деда, он ведь зайдет и к нам, правда? Зайдет, да, зайдет?

«Олень» тем временем, сообразив своей козлиной головой, что хозяин спит, повел великолепными рогами, чинно прошествовал к стогу сена и неторопливо начал есть. Степан Кузьмич, посмотрев на светящуюся в лунном свете радостным ожиданием внучку, еще раз вспомнил, что сегодня — Рождество. Машенькино рождество. Улыбнулся в полутьме, прошел к двери и начал одеваться.

— Да, Машенька, он обязательно должен зайти, — заговорил Степан, незаметно пряча за пазуху накладной красный нос и бороду из ваты. — Но там темно, он может заблудиться. Я пойду, поищу его. А ты будь здесь, сторожи елку, ладно?

Это Рождество было самым сказочным в жизни Машеньки.

Зеленое платье

Они вышли из дома в половине первого. До вечерней электрички оставалось еще много свободного времени. В лицо летел снег, порывисто и пронизывающе дул ветер, на автобусной остановке привычно ежились воробьи и люди.

Та, которая постарше, загорела от ветра стоящую напротив и сказала:

— Ой, я же забыла у тебя свое зеленое платье...

Подруга отряхнула снежинки с воротника ее серого пальто с потертыми рукавами, поправила висющую наискосок сумку и отвела глаза; говорить не хотелось.

Они доехали до площади, вышли из автобуса и пошли дворами к музею изобразительных искусств. Снегопад становился все сильнее, солнце погасло, свинцовый и тусклый день больше напоминал вечер. Около музея, прижавшись друг к другу, стояли двое. Снег облепил неприкаянные фигурки и превратил их в одно целое.

Картины словно оживали, раздвигали свои границы и становились ближе и понятнее одной, оттого что другая много знала о художниках. Обойдя безлюдные залы постоянной экспозиции, они задержались у павильона Каслинского литья, а потом заторопились к выходу. В магазинчике сувениров при музее серебристые сережки привлекли внимание старшей, и, вдевая их в уши взглянувшей на часы подруги, она с нажимом произнесла:

— Тебе, на память.

Когда вышли на улицу, было совсем темно и тихо, словно звуки застревают в снегу. Бледно светили фонари. Вытянутые тени выбегали из-под ног и пропадали в сплошной наклонной стене, настолько густой и плотной, что в трех шагах уже ничего нельзя было разглядеть, казалось: шагнешь в эту движущуюся стену и потеряешься, утонешь в ней. Младшей почудилось, что само время мчится на них.

— Ну и снежище!

— Про такой снегопад говорят — не видно ни зги.

Пройдя по железному мосту через реку, мимо закругленного снегом одноэтажного здания, они чуть-чуть постояли перед парящей плотиной и стали подниматься по широкой лестнице к мерзнувшим на ветру Татищеву и де Геннину.

— А в народе их называют Бивис и Бадхэд, помнишь, был такой чудовой американский мультик? Его запретили в Америке, а у нас чуть ли не по всем каналам гоняли, — усмехнулась горожанка.

— Знаешь, сегодня я впервые вдруг почувствовала, что начинаю любить твой город, — сказала подруга.

До электрички оставалось чуть меньше часа. Вынырнувший из бегущей пелены троллейбус был по воскресному пуст и по-зимнему холоден.

Здание вокзала призывно светило теплыми огнями подсветки, табло расплывалось оранжевым

пятном сквозь толщу снегопада, и голос диктора звучал надтреснуто и глухо.

— С какой платформы? — спросила провожающая, стащила зубами мокрую варежку, вытерла залепленные снегом очки и прищурила близорукие глаза.

— С пятой, с девятого пути...

Они остановились у последнего вагона. Уезжающая мыслью была уже далеко, хотя все еще смеялась и шутила. Подруга остро ощущала эту ее отстраненность и безжалостно утекающие минуты, ей казалось, что не только время, сама жизнь уходит, убегает, словно снег сквозь растопыренные пальцы. Тает, тает, превращается в холодные капли. Попробуй, сделай их снова снежинками! Ах, если бы повторить лучшие мгновения промелькнувшей так быстро жизни! Ну почему времени вечно ни на что не хватает? Она пылливо заглядывала в глаза старшей, словно стремилась прочесть и понять то, что владеет ее мыслью и чувствами. Боясь не успеть, в который раз бессмысленно спрашивала:

— Ты позвонишь?

— Электропоезд следует до станции...

Городская безнадежно махнула рукой и качнула головой. Холмик снега, выросший на капюшоне куртки, заскользил вниз. Она сделала несколько шагов, вошла в снеговую завесу и пропала.

За окнами вагона, разрывая близину метели, мелькали черные де-

Надежда Васильевна Смирнова — автор трех поэтических сборников и повести «Стекляшки». Публиковалась в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Московский Парнас», «Южная звезда». Живет в Екатеринбурге.

ревья. Снег под колесами завихрялся и, взметнувшись кверху, мчался вслед летящему поезду. В стеклах окон отражались плафоны голубоватого света и плавно покачивающиеся люди.

Уезжающая прижалась виском к холодному стеклу, вздохнула и закрыла глаза. Монотонный разговор колес усыплял.

Внезапно она увидела, что оставшаяся в городе пришла домой, достала из шкафа зеленое платье и стала кружиться с ним по комнате, а потом надела его на себя

и подошла к трюмо. Висящее на ней платье было не по фигуре. Но по необъяснимым законам сна высокая фигура в зеркале расплылась и укоротилась. Платье ожило, зашуршало и приняло форму тела. Лицо неожиданно искривилось, задвигалось, потекло, стало истончаться и неудержимо меняться. Оно то старело, то молодело, то приобретало детскую нежность, скручивалось и вытягивалось жгутом и снова расправлялось, точно девочка, затаившаяся в этом текучем лице и меняющемся теле, решила освободиться

и перекроить свою жизнь заново. Но женщина и старуха, живущие вместе с ней внутри, цепко держали и не позволяли ей вырваться. Наконец длинные темные волосы превратились в короткие и светлые. Кожа пергаментом обтянула лицо, и оно пожелтело и состарилось. Глаза изменили цвет с карего на серый и зарылись глубоко под высветлившимися бровями. Нос укоротился и чуточку расширился. Пухлые губы стали суше и тоньше.

Это она сама на себя смотрит из зеркала...

Бабушка

1

Иногда мне снится бабушка. Я снова вижу ее изработанные руки со вздутыми жилами, почти черные глаза, ссохшееся старческое тело с висящей на нем голубой длинной майкой, которую почему-то называли «рубашкой». Она беззвучно жует ввалившимся ртом и, сгорбившись, привычно сидит на кровати.

— Бабушка! Здравствуй, родная! Поговори хоть со мной!

Но она отодвигается в дальний угол нашей с ней комнаты, расплывается, тает и исчезает совсем.

Утром круговерть спешных дел втягивает меня в свою воронку. Но мысли мои неотступно возвращаются к ней. Сердце ноет, а память услужливо вытаскивает из своих глубин самые безрадостные воспоминания.

Вот бабушка лежит на кровати лицом к стене, укрытая несколькими одеялами и шубами. Тело ее сотрясает озноб так, что зубы стучат и кровать ходит ходуном. Ртутный столбик в градуснике ярко блестит и моментально поднимается выше сорока одного градуса.

— Где ты могла так простыть? — сердится мама.

— Это я от малой заразилась, — слабо шепчет бабушка.

— Не говори ерунды! Взрослый может заразить ребенка, а ребенок взрослого — никогда!

Своим шестилетним разумом я понимаю правоту моей шестидесятишестилетней бабушки, тем более что сама еще до конца не выздоровела после ангины. Но я болела не сильно, а бабушка почти умирает. Страх и чувство вины охватывают меня, и я со слезами спрашиваю маму:

— Почему же ты не вызовешь врача? Вдруг бабушка умрет?..

— Не умрет! А умрет, — так меньше врет! — отшучивается та.

Еще один кусочек прожитой жизни подсовывает мне память. Бабушка в свои семьдесят с лишним лет наконец-то получила жилье в доме, где большая общая кухня, туалет и ванна, но у каждого своя комната. Я привезла ей в пол-литровой банке, завернутой в несколько газет и полотенец, суп.

Стоящая у газовой плиты на коммунальной кухне, заставленной вдоль стен старыми столами, она пытается зажечь конфорку, долго смотрит на меня и не видит, не узнает, пока я не окликаю ее. Деревянная палка с резиновым наконечником, на которую она опирается при ходьбе, медленно, словно во сне, падает на обитый жестью пол, и кухня наполняется гулом и становится похожей на колокол.

В комнате у нее между оконными рамами начатая пачка масла и полбулки черного хлеба в полиэтиленовом пакете. Супу радуется, как

я — конфетке. После супа она негнущейся рукой с отросшими желтыми и выпуклыми ногтями вдруг тянется к вороту синего фланелевого халата. Наклоняет голову и жалобно говорит:

— Посмотри-ка, милая, словно кусает меня там кто...

Я с опаской заглядываю к ней за воротник, и все мое одиннадцатилетнее существо обмирает от ужаса и жалости: шея и спина опухли от укусов, а в швах сидят жирные коричневые клопы. Я отрываю клочок газеты, давлю их, а потом показываю бабушке.

— Бабушка, как же ты?! Ведь тебя совсем съели!

— Да я руки-те пока тяну, они уж убежали...

Осматриваю ее постель — везде клопы: в углах подушки и пододеяльника, в швах простыни и даже в углах панцирной кровати сетки...

А на этом лоскутке памяти немощная бабушка снова живет с нами. Родители уехали по путевке в Пятигорск и оставили нас одних. Утром я проспала, опаздывала на уроки и забыла ее накормить.

После школы вместе со мной пришла компания моих новых одноклассников. Мы накрыли стол, включили пластинки и стали танцевать.

В самый разгар веселья дверь в дальней комнате скрипнула, и по коридору медленно, с натугой, за-

шаркали тапочки. На пороге комнаты появилась согнутая в три погибели бабушка. Ноги ее бессильно приплясывали, тапочки то и дело шлепали об пол, через проймы «рубахи» виднелась высохшая старушечья грудь. «Только бы не упала!» — мелькнуло в моей голове.

— Ишь, полную квартиру навела! Я матери-то скажу! — попыталась заругаться она.

Все остолбенели. Я же, опомнившись, схватила ее за руку, потащила прочь и зашипела:

— Иди отсюда! Не позорь меня!

— Внушенька, дай мне хоть хлебушка, я ведь есть хочу! — горько и беспомощно заплакала она.

Мне восемнадцать. Я уже работаю. А бабушка уже не может ходить. Целый день сидит на раскинутой кровати и смотрит в одну точку.

— Поговори хоть со мной, — просит она.

— Некогда! — отмахиваясь я со свойственной молодости бездумной поспешностью и убегаю к друзьям.

На завтрак и ужин мама приносит ей горячего чая и толстый кусок хлеба «через всю булку», заматывает в совок лежащую на полу белую перхоть, осыпавшуюся с кожи, и за что-то отчитывает. Когда я отламываю половину шоколадки и даю ей, она, боязливо оглядываясь, торопливо прячет ее под подушку:

— Мать заругается...

2

Как-то мне приснилась небывало огромных размеров сумрачная, почти совсем темная комната, вся заставленная рядами кроватей. У небольшого окна на стуле сидит, подтянув к подбородку колени, моя семилетняя дочка. Она смотрит на улицу, где яркий солнечный день, где бегают дети, звенят их голоса и слышится смех. И оттого, что на улице свет, комната кажется еще угрюмее и холоднее. Между кроватями тут и там пробиваются из-под земляного пола невероятные побеги деревьев без листьев, напоминающие, скорее, корневища, которые утолщаются, извиваются, переплетаются

между собой, завязываются узлами и стремительно поднимаются к размытому потолку, где неспешно движутся лиловые тучи.

В самом дальнем углу в одной из таких «кроватьей» спит укрытая белым покрывалом бабушка. Покрывало четко вырисовывает согнутые в коленях худые ноги и лежащие поверх узловатые руки.

Неведомо откуда в «комнате» появляется высокая фигура в белом балахоне, лицо ее закрыто капюшоном, но я почему-то понимаю, что это врач, а моя девочка тяжело больна. Я настойчиво спрашиваю, чем же больна моя дочь, но вопрос остается без ответа. Тогда я прошу разрешить погулять ей во дворе с другими детьми, но странный «врач» опять качает головой и торопливо уходит сквозь стену.

Тут бабушка шевелится в своем углу, я подхожу к ней и сажусь на

стул рядом с кроватью. В руках моих появляется железная тарелка с кашей, и я начинаю кормить бабушку, как когда-то она кормила меня. Сначала она послушно глотает ложку за ложкой, но потом отводит мою руку и, кивнув в сторону правнучки, спрашивает:

— Ну, что она, как?

И, не дождавшись моего ответа, вздыхает:

— Беда...

3

Какую странную власть обретают над нами наши сны и воспоминания, особенно те, которые, крепко зажмурив глаза и мотая головой, пытаешься прогнать, те, которые не приносят ничего, кроме стыда и бесполезных сожалений, но, возвращаясь снова и снова, даже спустя многие годы не дают душе покоя! Вся моя память, словно бабушкино лоскутное

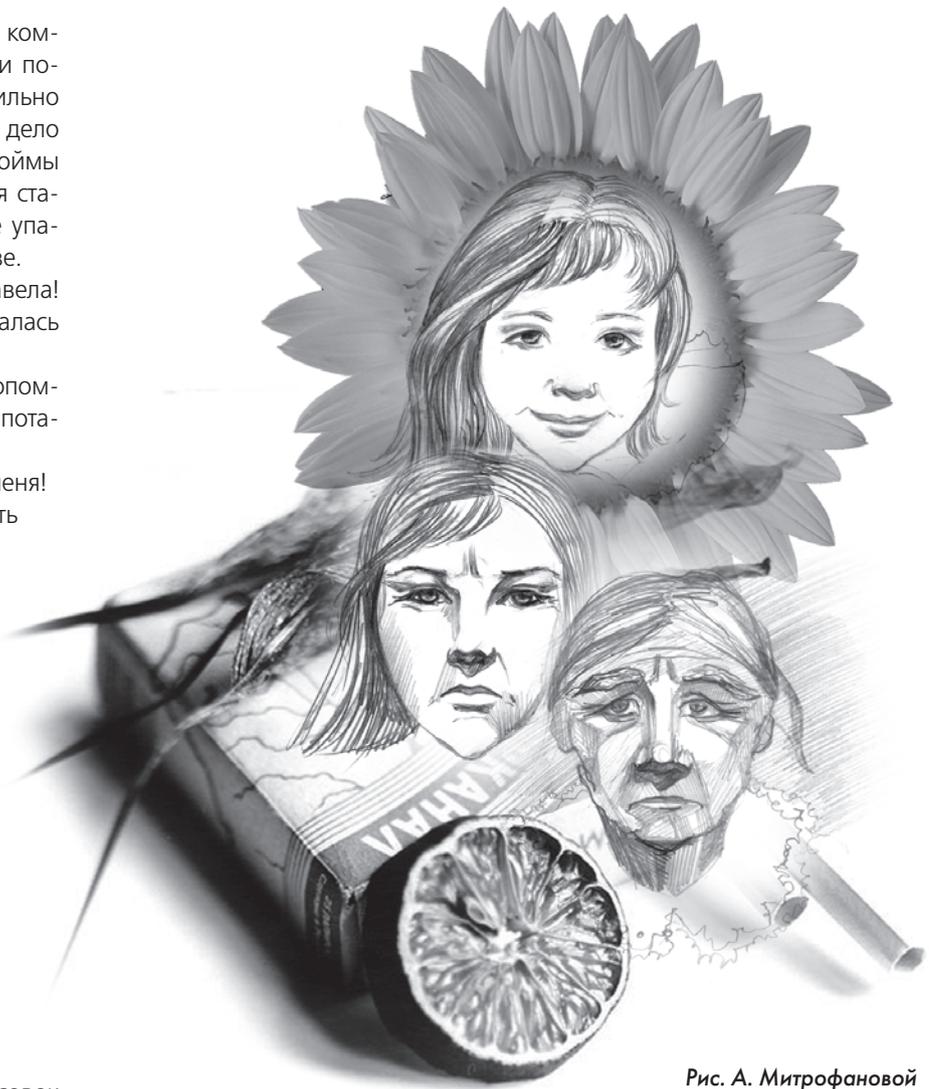

Рис. А. Митрофановой

одеяло, состоит из этих ярких, безжалостных ко мне воспоминаний и снов, предупреждающих об опасности и обязательно сбывающихся. Но бабушка теперь снится так редко, что я сама уже прошу ее:

— Приснись! Ну, приснись, пожалуйста!

Однажды это сбывается. Что-то медленное движется ко мне, и я точно знаю, чувствую по той волне любви, которая заливает меня, что это — бабушка. Нечеткие очертания неуловимо-текучи и постоянно меняют форму. Но я все же тянусь к ней и пытаюсь обнять:

— Бабушка! Как же я соскучилась!

Руки мои еще и еще проходят сквозь голубоватое облако, которое как всегда неудержимо растворяется в воздухе. И тогда я впервые замечаю, как время невольно делает их похожими на бабушкины.

Шуба

1

Серафиму Васильевну срочно вызвали в школу. Около двенадцати шмыгающий носом мальчишка принес записку, в которой было: «Уважаемая Серафима Васильевна! Убедительно просим Вас явиться к 13 часам на экстренный педсовет по поводу разбора безобразного поведения Вашего сына Круглова Анатолия». Далее следовала подпись завуча. Серафима Васильевна еле успела поймать за край пальто мальчишку, рванувшегося к двери:

— Ты скажи хоть толком, что он там натворил?

— Да ничего особенного! Так, девке какой-то наподдал! — прокричал, сбегая по скрипящей деревянной лестнице, вывернувшийся мальчишка.

Ступеньки жалобно заныли под грузным телом, она вышла из подъезда двухэтажного дома и заспешила по тротуару между другими такими же домами.

За колонкой начинался частный сектор, в самой середине которого стояла старая школа. Ветер срывал с высоких тополей последние желто-бурые листья и гнал их по асфальту перед Серафимой Васильевной. У «Зелененького» магазина улица поползла в гору, вынудив двигаться потихоньку и тяжело дышать. «Раньше все из-за Сашки в школу вызывали, то стекло разобьет, то подерется с кем, — весь в отца. Девочку побил?.. Вон, в пятом классе всю прошлую зиму с девочкой дружил, с этой, как ее там... Вот ведь, забыла! Из его же класса девочка и есть. Толик говорил, что за одной партой они в школе сидят. Вместе на

горке катались. Он и домой ее приводил, грелись, чай пили. Уроки вместе делали. Хорошая девочка, вежливая, уважительная. Смешная, — никогда цветного телевизора не видала, думала, что на экран цветные пленки прилепляются. «У нас, — говорит, — телевизор КВН с водяной линзой», — перебирала мысли Серафима Васильевна.

Перед шумящей школой она немало отдышалась, искала глазами во дворе сына, но не нашла и потянула на себя тугую дверь.

На втором этаже, у кабинета завуча, лицом к открытому окну стояла девочка с высокими хвостиками и коричневыми бантами. Услышав за спиной шаги и прерывистое дыхание, она обернулась, тихо поздоровалась и снова навалилась на широкий подоконник. Серафима Васильевна, успевшая заметить испачканный мелом фартук, разбитую, распухшую нижнюю губу, вдруг узнала девочку и внутренне ахнула.

Кабинет завуча распахнулся, выглянула классная руководительница Галина Михайловна и пригласила Серафиму Васильевну внутрь. Следом за ней проскользнула девочка, робко села на стул у стены и опустила голову. Напротив, в сером отглаженном костюме, стоял Толик и сосредоточенно изучал глазами восточное полушарие физической карты мира. Длинная пшеничная челка то и дело падала на голубые глаза, и он отбрасывал ее заученным движением головы.

— Давайте начинать, товарищи, у всех дел по горло, — постучала карандашом по столу завуч.

Разговоры прекратились, взгляды сосредоточились на Толике и Серафиме Васильевне.

— Расскажи-ка, Круглов, своей маме, как ты посреди урока девочку избил!

Толик потупился, уши и щеки у него запылали, и он хрипловато произнес:

— А че?.. Она первая меня стукнула...

— Ну, вот видите, — обрадовалась Круглова, — она первая его ударила! Сама и виновата!

— Да что вы это, Серафима Васильевна, защищать его пришли? — удивилась завуч.

— Так кто его и защитит, если не мать? — поспешно возразила та.

— Ираида Сергеевна, — заступилась вдруг за Толика классная руководительница, — по-моему, это сильно преувеличено: «избил»...

Учителя возмущенно запереговаривались. Одни явно поддерживали Галину Михайловну, другие встали на сторону завуча.

Серафима Васильевна недовольно взглянула на девочку, и та показала ей вдруг неприятной и вызывающей с этой ее разбитой губой и грязным фартуком.

Почувствовав взгляд Серафимы Васильевны, девочка съежилась, еще ниже опустила голову и прикрыла рукой припухшую губу и ссадину на подбородке.

— Как это вообще можно?! Девочку и со всего размаха кулаком в лицо!?

— Так она же сама первая... — начала было снова Серафима Васильевна.

Но тут низким и спокойным голосом заговорила Валентина Николаевна, учительница биологии:

— Подождите, Серафима Васильевна, но я лично наблюдала эту сцену. Он все время мешал ей писать контрольную. Смех на него вдруг напал. То под руку ее толкнет, то в бок ткнет, потом ущипнул. Конечно, она не выдержала, закричала «Прекрати!» и дала ему по шее. Тогда он вскочил, размахнулся и ударил ее в лицо.

— Ну, вот, видите?! Видите?! Она же сама! Сама! — заволновалась Круглова.

— Подумаешь, преступление! Обыкновенное баловство на уроке, — попыталась снова вмешаться классная руководительница.

— Да все равно! Ведь завтра эта девочка станет девушкой, а потом и матерью. Как же можно бить будущую мать? Может быть, у вас в семье принято доказывать все кулаками? Ну, тогда я не знаю...

Перед глазами Серафимы Васильевны появились острые кулаки мужа, а потом гневное лицо старшего сына, его замахаивающаяся рука, и румянец неожиданно облил ее с головы до ног. Ей стало жарко и душно.

— Достаточно мы от старшего Круглова терпели, теперь и этот туда же! — заволновались учителя, учившие когда-то Сашку.

— Значит, так, — веско произнесла завуч и хлопнула ладонью по столу, — решением педсовета Анатолий на две недели исключается из школы. Ты понял меня, Круглов, чтобы я близко тебя возле школы не видела!

2

Толика пересадили на четвертую парту первого ряда, где у окошка сидел, вернее, лежал длинный и нескладный вечный второгодник Генка Комолов. Вихрастый, с большими грязными руками, торчащими из коротких рукавов пиджака, он сгорбленно возвышался над классом, когда его принуждали встать.

— Комолов, тебя что, корова языком причесывала? — сердилась классная руководительница, когда начинался очередной рейд по борьбе за внешний вид. В остальное время учителя Генку не трогали.

Комолов и Круглов теперь повсюду ходили вместе.

В седьмом одного только Генку не приняли в комсомол. История с То-

ликом забылась, и пионерский значок на лацкане его пиджака уступил место комсомольскому.

К восьмому классу среди троек в дневнике Толика замелькали двойки. Как-то раз Серафима Васильевна, разгневанная очередной двойкой, схватила учебник алгебры и затрясла его у сына перед носом. Из учебника выпала любительская фотография, на которой за партой сидела та девочка.

Восьмой класс был с горем пополам закончен, и Толик записался в девятый, но уже в другой школе. А Генка пошел работать грузчиком в винный магазин, где работала его мать.

Новый год встречали веселой компанией в частном доме у Генки. Было много дешевого портвейна и водки, салатов и пельменей. Всю ночь пили и танцевали, выходили на снег и возвращались обратно, и снова пили, пока выпитое не уложило подгулявшую компанию, кого где. А днем, когда проспались, Толика нашли у порога мертвым. Он лежал на спине, глаза его были закрыты, галстук и рубашка запачканы рвотой.

На похороны Толика народу собралось столько, что у подъезда невозможно было протолкнуться: родственники, соседи, ребята из старой и из новой школ. Те, кто поднимались в квартиру, видели, что Серафима Васильевна с потемневшим лицом, с искусанными до черноты губами сидит перед гробом и без отрыва смотрит в застывшее лицо сына.

На кладбище, когда гроб накрыли крышкой и стали заколачивать, Серафима Васильевна вырвалась из рук родственников, упала в снег, завывала, закричала, поползла по протоптанной тропинке, мешая желтую глину со снегом, и потеряла сознание. Ее подняли, резко запахло нашатырем и валерьянкой. Лицо ее сделалось пунцовым и опухшим, из глаз, наконец-то, потекли слезы, из горла вырвались стоны.

Вдруг среди толпящихся у могилы детей она увидела ту девочку и как-то сразу ее узнала. «Все из-за нее, из-за нее — дряни этой! — закричала она. — Наглая какая, еще и на похороны явилась!»

3

Прошло время. Горе постепенно притупилось и отодвинулось на за-

дний план, хотя попадающиеся под руку вещи Толика, то и дело выныривающие из глубин обставленной с достатком квартиры, заставляли ее плакать. Горя ей и в жизни хватало. После смерти Толика запил муж, не отставал от него и старший сын, работающий с ним вместе на ВИЗе в литейке.

К следующей зиме, сняв с книжки почти все накопленные деньги, она, ни с того, ни с сего, купила вдруг норковую шубу. Ах, что это была за шуба! Просто мечта, а не шуба! Теплая, легкая, с искрящимся мехом, шуба эта нежданно-негаданно принесла ей тайную радость и успокоение. Глубоко внутри шевельнулась гордость: а вот мы какие, знай наших! Ни у кого нет, а у меня будет!

Однажды, возвращаясь с работы, она услышала переговаривающихся у дверей подъезда соседок.

— Смотри, смотри, Круглова-то в новой шубе какая важная! — злоговорила одна, — Пряма боярыня Морозова! Нам-то на такую никогда не заработать.

— Ну, что ты, Шура? Такое горе у ней... — отводя глаза, защищала другая.

— Да никакое горе ее не берет! Того и гляди, с жиру лопнет!

«Завидуют!», — вспыхнула она. «Осуждают, — шевельнулся внутри червяк сомнения. — А Нюрка-то, Нюрка как жалостно смотрит. Господи, у самой семеро по лавкам, Сашкины да Толькины обноски донашивают, сама-то в пальтишке драненьком. Телевизора и вовсе никакого нет. Нищета нищетой, а туда же — жалеет... Это мне тебя пожалеть, бедную, надо...»

— Мама, мама! — выскочили из-за угла Нюркины ребятишки. — А Женька забрал у меня ручку и не отдает!

— Мама, а Серега дразнится! И дерется...

— Ладно, не реви! Я же понарошку! Я пошутил! На, на твою ручку!

Увидев Нюркиных горластых пацанят, Серафима Васильевна неожиданно для самой себя прерывисто вздохнула, удержала закипающие внутри злые слова и, опустив голову, торопливо шагнула в раскрытую дверь подъезда.

Дэн ШОРИН

Наследники Левши

(Почти была с элементами фантастики и маразма)

Представители IBM заехали в Тулу случайно. Этой истории, которую не преподают в школах, но которую откуда-то знает каждый уважающий себя туляк, способствовали два события. Первое — нелётная погода в Москве. Вы помните тот ураган 2012 года, когда деревья вырывало с клочьями, а на улице отваживались выходить только самые отъявленные экстремалы? Вот-вот! А второй из причин стал столь горячо любимый всеми туляками наш пожизненный губернатор. После того, как с треском провалились его идеи по строительству в черте города Тулы трассы Формулы 1 и громадного нефтеперерабатывающего завода, губернатор на полном серьёзе решил войти в новейшую историю, основав где-то в пригороде суперсовременный космодром. Правда, этот проект грозил закончиться, так и не начавшись, поскольку денег в областном бюджете не хватало даже на ремонт нескольких покосившихся мостов, однако губернатор был полон оптимизма и настойчиво искал спонсоров. И наткнувшись в аэропорту (а он собирался лететь на какой-то международный конгресс) на делегацию IBM, губернатор моментально проникся чувством историчности этого момента и пригласил американцев в Тулу.

Надо сказать, что заезженный миф о том, что халяву любят только русские, абсолютно не соответствует действительности. Халяву любят все, и пронырливые американцы быстро смекнули, что можно весело провести время в Туле, где и ветер не слишком сильный, и приглашение самого губернатора распахнёт перед ними все двери. Короче говоря, они быстренько собрали шмотки и перебрались из Москвы в Тулу.

Ещё одной особенностью нашего провинциального городка являлась стойкая нелюбовь к нашему всенародно любимому губернатору некоторых средств массовой информации. Они то и дело публиковали липовые отчёты о том, куда и как глава области тратит бюджетные деньги. И, чтобы в очередной раз не попасть впросак, губернатор предложил IBMовцам прочитать пару лекций в Тульском государственном университете. Вот с этого момента и начинается наша история.

Я стоял в курилке, громко и разнообразно размышляя о погоде, когда сзади подошёл Игорь и хлопнул меня по плечу:

— Привет, Серый. Ты чё погоду матерешь?

— Я её не матерю, — ответил я, пожимая руку однокурсника. — Я с ней разговариваю.

— А литературным языком ты обойтись не можешь?

Игорь был из интеллигентной семьи, а это значит, матерился он умеренно.

— Без мата я, в принципе, разговаривать не могу, — я ещё раз посмотрел в окно и завернул три дееспособных оборота, относящихся к погоде, к этой жизни, к преподам, которые упорно не хотят ставить мне зачёт по термеху, и ко многому другому, что, конечно, можно написать, но в этом случае мой рассказ никогда не опубликуют...

Игорь поморщился и ошеломил меня новостью:

— Слышь, Серый, тут к нам америкосы приезжают, из АйБиЭм вроде бы. Они лекцию будут читать на тему нанотехнологий.

— А, это про камни? Только при чём здесь АйБиЭм, их же вроде Интел клепают?

— А АйБиЭм матерные платы выпускает, — Игорь посмотрел так, как на меня обычно смотрит препод по термеху — понимающе и сочувственно.

— Ну, если матерные, тогда можно и сходить... Или забыть всё-таки? — Я добавил здесь парочку крепких выражений, чётко обрисовывающих суть моих творческих терзаний. Сидеть на лекции и целых два часа слушать мутотень о нанотехнологиях не хотелось, однако просто идти в общагу не располагала погода.

— На лекции декан будет, — равнодушно пояснил Игорь.

— Придется идти! — я пожал плечами.

Ровно через полчаса в большой лекционный зал, где скопилось человек тридцать народу, причём все с разных потоков, вошли четверо америкосов. Впрочем, на самом деле американцами оказались трое, а четвёртый был переводчиком. Я тут же заметил ребят с экономики, и

Дэн Шорин (Шорин Денис Анатольевич) — тульский писатель, потомок И.С. Тургенева. Родился в Тульской области, там же и прожил большую часть своей жизни. Писать начал ещё в школе. Относится к «сетевому поколению» фантастов, вышедших из сетевых курсов. Публиковался в журналах «Если», «Шалтай-Болтай», «Порог» и многих других; в сборнике рассказов «Фэнтези 2005/2», в четырёх сборниках «Аэлита». Работает копирайтером, создает рекламные тексты для сайтов.

мы уселись на заднюю парту играть в «очко». Америкосы вешали лапшу добровольцам, а мне жутко не фартило. Где-то в середине лекции, когда большая часть студентов занималась своими делами, кое-кто спал, а дежурные отличники поддерживали видимость учебного процесса, в дверь вошёл декан и, желая, по-видимому, прославить наш город на весь мир, зычным басом произнёс, что, мол, все их нанотехнологии — фуфло, и что родиной этих самых нанотехнологий является Тула, в которой, как известно, жил лесковский Левша, так умело подковавший в своё время аглицкую блоху. Тут америкосы, естественно, встали на дыбы и заявили, что их компания занесена в книгу рекордов Гиннеса, поскольку им удалось написать слово АйБиЭм высотой всего в три молекулы, и что до сих пор этот рекорд не удалось никому повторить. Декан же сделал хитрую мину, которую так ненавидят все студенты нашего и нескольких смежных факультетов, и сладким голосом спросил, а есть ли у наших гостей какие-нибудь доказательства столь грандиозного свершения. Америкосы вытащили из кейса какие-то фотки, которые наш декан несколько минут презрительно изучал, а потом громко заявил, что это не доказательство.

В аудитории стало тихо. Не часто увидишь настоящую научную дискуссию вживую. Даже Санёк с технической кибернетики проснулся и, оглядев всех мутным взглядом, уставился на америкосов. Но те оказались тоже не лыком шиты. Хитро прищурившись, один из них спросил, а есть ли у нас электронный микроскоп. А когда оказалось, что есть, заявил, что эта самая пластинка, на которой выгравирована сия надпись, у них с собой, и они могут продемонстрировать то, что «рашен стьюдент» никогда в жизни не видели и вряд ли больше увидят. И мы всей толпой поперлись в лабораторию, где америкосы немедленно выложили пластинку и включили максимальное увеличение. После чего один из них повертел ручкой тонкой настройки и предложил заглянуть в микроскоп декану.

Тот минуты две что-то разглядывал, потом молча развернулся и убежал к себе в деканат. После чего америкосы предложили посмотреть в микроскоп всем желающим. До меня очередь дошла в самом конце, но когда я заглянул в микроскоп, то ничего интересного там не увидел. Передо мной лежала корявая равнина, чем-то напоминающая марсианский пейзаж, на которой несколько неровных кратеров складывались в корявые буквы IBM. Высказать всё, что я думаю об этом наскальном творчестве, мне помешало возвращение декана, который принёс четыре бутылки «Левши» и объявил, что это презент нашим американским гостям от города мастеров, оружейников и самоваров.

Вытолкав студентов взащей, америкосы с деканом пошли отмечать торжество научной мысли над серым полотном человеческой глупости. А студенты поперлись по домам.

— Слушай, Серый, интересно, как они это сделали? — по дороге в общагу спросил меня Игорь.

— Ну ты, маленький, тупой! — я почесал затылок. — Разумеется, они наточили большую иголку с тонким-тонким жалом и нацарапали ей эти буквы. Никогда не видел фильма, как в процессоры дорожки впаивают?

— Да нет, Серый, тут другое! Понимаешь, слово высотой в три молекулы написать просто невозможно. Тут должен быть какой-то подкол...

— Ты думаешь, блин, что эти америкосы, мать их за ногу до тридцать первого потолка, дурят нас? Думают, что раз мы русские, то и умеем только водку пить да под балалайку с медведем калинку плясать? Пошли со мной!

— Куда? — Игорь уставился на меня офигевшими глазами.

— Со мной!

В общаге технической кибернетики царил полумрак. Мы поднялись на четвёртый этаж, и я без стука вломился к моему давнему корешу Василию Жукову.

— Серый, привет, мать твою! — обрадованно сказал он, увидев меня. — Пиво будешь?

— Спрашиваешь! Только сперва один вопрос утрясти надо...

— Привет, Игорян, — Вася уже отвернулся от меня и здоровался с Игорем. — Пиво будешь?

— Буду! — просто сказал Игорь.

Вася налил ему полный стакан пива, при этом мимоходом заметив, что особо умным пива не осталось. На что я благоразумно сказал, что не очень-то и хотел и что меня сейчас занимает сложный философский вопрос, плотно соприкасающийся с его будущей специальностью. Игорь тут же достал неизвестно откуда оказавшуюся у него фотографию, на которой были изображены те самые три буквы. Васёк посмотрел на фото и произнёс речь, общий смысл которой сводился к тому, что мы купились на фуфло и что он сам, Василий Жуков, за пять минут в фотошопе картинку лучше и естественней нарисует. Я начал закипать, а Игорь спокойно и доходчиво объяснил, что такую картину, или почти такую, он видел собственными глазами и что вот Серый, то есть я, не даст соврать.

Тут Вася занервничал и сказал, что то, что мы видели, в принципе невозможно, поскольку слово размером в три молекулы не может содержать в себе более трёх пикселей высоты, а на фотографии их гораздо больше. И что нас обули, как лохов, но только он не знает как, но не потому, что он сам лох, а потому, что это не его, собственно, специализация. Эпилогом этой речи послужила весьма здравая мысль, что нечего тут без дела шататься и что шел бы я за пивом.

В магазине я нос к носу столкнулся со своим знакомым с физмата, Димычем Николаевым. Ничего не объясняя, я купил ящик пива и притащил Димыча вместе с пивом в комнату Васи. Игорь коротко объяснил Димычу суть проблемы.

Николаев долго смеялся, а потом сказал, что мы идиоты и что развести нас проще пареной репы. Что нам сказали, что вот эти тёмные пятнышки, на фоне которых получилась фотография, молекулы, а мы и поверили. И что эти америкосы специально нарисовали эти рытвины, которые мы считаем за молекулы, а которые сами по себе есть частицы чугуна, который, в отличие от закалённой стали, имеет крупнозернистую структуру. Я поинтересовался, а что, наш декан тоже идиот, который никогда с электронным микроскопом не работал, на что Димыч тут

же ответил, что берёт свои слова обратно, и долго всматривался в фотографию, после чего попросил ещё пива.

Тут Игоря осенила гениальная мысль, что электронный микроскоп, в принципе, похож на телевизор, и что то, что мы видим, не всегда соответствует тому, что происходит в действительности. Разговор зашёл про разрешающие свойства электрона, а я уселся на диван и попытался расслабиться. Игорь, Вася и Димон в это время базарили что-то про векторную электризацию атомов железа и про направленное отражение единичных электронов, когда мне вдруг захотелось сказать что-то умное.

— А вдруг это не железо? — спросил я и по вытянувшимся лицам друзей понял, что ляпнул что-то архиважное.

— Я идиот! — Игорь хлопнул себя рукой по лбу и посмотрел на меня, как на Эйнштейна. — Мы все идиоты, — продолжил он свою мысль и, прежде чем я успел возразить, добавил: — кроме Серого! Конечно же это не железо. В нормальных условиях железо имеет свойство ржаветь.

— Так оно и было с краю слегка ржавое... — авторитетно заявил я, пытаясь скрыть разочарование.

— Вот именно! — Димыч сразу же ухватил мысль Игоря. — Эти буквы написаны на ржавчине! Молекула оксида железа в десятки раз больше, чем просто молекула железа! Если бы эта пластинка попала к нам в руки, мы могли бы запросто написать свои имена ещё более мелко. Для этого нужна только длинная стальная игла и тонкий напильник для её заточки.

Тут я обложил себя самого, всю общагу, весь универ и всю планету в три этажа и громко объявил, что, как мне кажется, когда америкосы уходили, они забыли свою пластинку в микроскопе. Вооружившись длинной иглой, мы отправились в корпус и, тихо свистнув ключи от лаборатории у задремавшего вахтёра, сделали своё грязное дело. Когда мы добавляли надпись на пластинку, Вася взбрыкнул, что на черчении ему приходилось рисовать и более тонкие линии, и, вообще, тут нет ничего сложного...

Эта история имела весьма необычное продолжение, о котором вы, конечно, слышаны. Когда утром с бодуна америкосы пришли за пластинкой, то глава их делегации в первую очередь решил при помощи электронного микроскопа проверить её подлинность. Каково же было его изумление, когда рядом с английскими буквами IBM были пририсованы три русские буквы чуть меньшего размера. Он покраснел, но не потому, что в совершенстве владел русским, а потому, что рядом размером в одну молекулу была нарисована гравюра того самого органа, наименование которого было написано рядом с логотипом IBM. Америкос сначала заплакал, поскольку эта самая пластинка стоила несколько миллионов долларов, а потом захопал в ладоши. Разбираться примчался сам губернатор, и знаете, что ему заявил америкос? Что наш город должен гордиться такими мастерами, как мы, и что компания IBM рада начать финансирование строительства Тульского космодрома. А ещё он сказал, что у Тулы есть будущее. И вот я сижу на стартовой площадке и напильником подрихтовываю последнюю стартовую ступень Протона-М. Стартовать он должен через неделю, поэтому у меня в запасе слишком мало времени. А тут ещё Игорь подвалил с какой-то новой идеей...

ГАУГ Екатерина Мироновна, авт. воспоминаний.

«На службе у большевиков» \ \ Белое дело (Берлин). 1927. Кн. 2. С. 202-231 (Нач. 1917 — конец 1919. Киев при советской власти. Служба автора в отделе связи и информации Народного комиссариата военных дел). «Сербка» \ \ Возрождение. 1926. 14 апр. (1920. Эмиграция в Сербию. Описание г. Парачин. Жизнь автора на квартире у сербки).
РРЭВД. 2, 3.

ГАУГЕР Эмилия Карловна (1836 —), авт. воспоминаний; живописец, ученица Крамского.

«Воспоминания об И.Н.Крамском». — В кн. «Иван Николаевич Крамской». СПб. 1888, с.42-43.
ИДРДВ. Т.3. Ч.3. №6104.

ГАУСМАН Лидия Моисеевна (псевд. Жюль-Одон), драматург.

«Встреча» Пьеса в 1 д. (по Джеку Лондону). Пг., 1916.
Масанов.

ГАУШ Ю.

В соавт. с О.Артамоновой (см) и Е.Васильевой (см) написала «Театр Петрушки», пьесы. М.-Л., 1928; а в соавт. с О.Артамоновой и Б.Павловским ? «Петрушкин театр. Пьесы из репертуара театра Петрушки при Ленингр. гос. театре юных зрителей». М.-Л., 1929.
Старцев; РНБ.

ГАЯН М.

(См. Шагинян М.С.).

ГВОЗДИКОВА (Гвоздикова-Фрумкина) Екатерина Евгеньевна.

(См. Фрумкина Е.Е.).

ГВОЗДИКОВА Лидия Николаевна, журналистка, издательница.

Издавала. дет. журналы: «Росинки» (1868-69) и «Крошка» (1870). Сотр. в «Современнике» (1858, № 8) — Г-ва, Лидия.
Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ГЕ Екатерина Ивановна, авт. воспоминаний; сестра Н.И.Забелы-Врубеля, жена художника Н.Н.Ге.

«Последние годы жизни Врубеля». — «Искусство и печатное дело», 1910, № 8\9, с.310-339; № 10, с.415-430. ил. То же — «Врубель». М.-Л., 1936.
ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6054.

ГЕ Мария Николаевна, авт. воспоминаний; дочь художника Н.Н.Ге.

«Воспоминания. (Из знакомства с Иваном Сергеевичем Тургеневым).» — «Новый Журн. для Всех», 1915, № 2, стлб.21-26.
ИДРДВ. Т.3. Ч.4. № 7651.

ГЕБЕЛЬ Эмилия Густавовна, авт. воспоминаний. дочь ком. Черниговского пехотн. полка Г.И.Гебеля.

«Подполковник Гебель. 1825 г.» — «Рус. Старина», 1873, т.8, № 8, с.237-241.
ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 1110.

ГЕДЕОНОВА Жозефина Карловна (1825 — 1886), издательница.

С 1869 г. издавала дамский журн. «Ваза» (1869-73). Приняла издание от Е.Ф.Сафоновой (см). В феврале 1873 издание перешло к С.Окрейцу.
Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

(Продолжение в следующем номере)

Химера

Погода на новогодние праздники выдалась мерзкая: плюсовая температура, грязь, слякоть. Нудный мелкий дождик, сеющий с грязно-серого, как снег под ногами, неба. Казалось, дождь мог идти часами, ни на минуту не останавливаясь, не прекращая назойливого шороха. Кап, кап, кап... С крыш, навесов, балконов. Кап, кап... Рябая поверхность воды в радужно отблескивающих бензиновой пленкой лужах. Кап... Мокрые куртки, пуховики, пальто, шубы. Слипшиеся и потерявшие форму меховые шапки. Теснота и давка в маршрутках, громадные очереди в магазинах, злые, раздраженные лица.

Конечно, всё надо было покупать заранее, ёрзала в сознании Андрея вредная мысль. А теперь что? Народу — не продохнуть, цены опять-таки взлетели, сплошная толкотня везде — куда ни сунься. Он досадливо плюнул на тротуар. За-бла-гов-ре-мен-но — бухало в сознании. За-го-дя. И ведь так — каждый год, а? Пора бы делать выводы.

— Выводы! Тьфу! — Андрей безнадежно махнул рукой, послал по матушке продавцов, покупателей, дирекцию супермаркетов и иже с ними. На сердце несколько полегчало. Предпраздничный мандраж и волнение унялись. Действительно, зачем ему на стол различные вкусности? Шампанское с водкой есть, кое-какая закуска — тоже. А насчет остального перебьется — один ведь справляет. В гости не идет, сам никого не пригласил.

В том-то и дело, что один, подумалось уныло. Не с родителями же отмечать, которые вообще живут в другом городе? Ладно, давай-ка домой, парень: вечерет. Он потопал на ближайшую остановку, путь лежал через улицу Баумана: пришлось сделать крюк. С некоторых пор он зарекся бывать там. Хотя тянуло. О Господи, как же его тянуло туда, к маленькому, сложенному из дикого камня фонтану и...

Свет в подъезде опять не горел; воняло чем-то заплесневелым, затхлым, будто из погреба. Ехать на лифте совершенно не хотелось: Андрей не страдал клаустрофобией, однако на то имелись другие причины. Он ошупью, придерживаясь за обшарпанные, в трещинах, стены, поднялся на пятый этаж. На ше-

стом противно, визгливо замыкала кошка — и Андрей вздрогнул от неожиданности. Темнота наваливалась со всех сторон, в ней таились загадочные шорохи, поскрипывания, чье-то тяжелое дыхание. Он попытался рассмеяться, отгоняя глупые страхи, но не смог. Нет, нет, прошептал, вытирая мгновенно вспотевший лоб, никого здесь нет. Сейчас я открою квартиру, включу свет... Долго, нервно возился с замком: ключ никак не желал попадать в прорезь. В который раз пожалел об отсутствии спичек или зажигалки — он не курил, так, баловался иногда.

Наконец дверь поддалась. Андрей шагнул в прихожую — скрип половиц под ногами, — поставил, едва не уронив, пакет с покупками на подставку для обуви, потянулся к выключателю. Пыльная лампочка осветила старенькие обои «под кирпич» с нарисованными подсвечниками. Давно пора сделать ремонт, прикинул он и клятвенно пообещал себе: летом, хорошо? Цена таким обещаниям была известно какая. В зале, впрочем, ремонт пока не требовался: около двух лет назад Андрей побелил потолок, наклеил тисненые обои, покрасил окна и плинтусы. На это его сподвигла бывшая подруга — Лера. Симпатичная, умная, но слишком зацикленная на женитьбе девчонка — поэтому пришлось с ней расстаться: Андрей не терпел посягательств на личную свободу. Теперь-то он относился к браку куда как спокойнее и рассудительнее. Вот только Лерка уже вышла замуж.

Однокомнатная квартира в панельной девятиэтажке досталась ему в наследство от бабки, с этим Андрею определенно повезло. На скромную зарплату инженера-технолога он не купил бы и жалкой гостинки. Разве что кредит ипотечный взять, для молодых семей — скидка. Тьфу! — снова мысли не туда поехали.

Он разделся, обул мягкие домашние тапочки, прошлепал на кухню, где выложил в холодильник снедь из пакета. Наскоро глотнул минералки — в горле пересохло: разволновался, стоя на темной лестничной клетке, разыгравшееся воображение услужливо под-

Артем Ирекович Белоглазов родился в 1979 году в городе Златоуст Челябинской области. Окончил Казанский государственный технический Университет им. Кирова. В настоящее время проживает в г. Лаишево, Республика Татарстан. Рассказы Артёма Белоглазова публиковались в журналах «Порог», «Реальность фантастики», «Если». Член Клуба авторов журнала «Уральский следопыт».

совывало самые мерзопакостные образы. Ужас положения заключался в том, что некоторые из них могли очутиться вполне реальными. Странности начались с тех пор, как... как... Он не смог закончить предложение, судорожно вздохнул, отвинтил пробку с водочной бутылки. Глотнул прямо из горла, проливая на рубашку, запил водой — обжигающее, приятное тепло устремилось вниз по пищеводу. Сделал еще два глотка. Окосею, промелькнула мысль, с обеда ничего не ел, и ведь — не хочется. Налил полный стакан, отправился в зал. Включил телевизор, задернул шторы.

— Рано начал, да? — спросил у отражения в зеркале. — Тридцатого декабря. Но ты-то мне не указ, верно? Может, я собираюсь напиться, чтобы не вспоминать! Забыть, понимаешь?! Давай, без тоста.

День — стакан звякнул о стеклянную поверхность.

Алкогольные пары кружили голову не хуже аттракциона «летающая тарелка» в парке отдыха. Через какое-то время зеркало опять стало «ненормальным». Э-э, ты мне это брось, Андрей наставительно грозил пальцем, он пытался и никак не мог понять, в чем же причина «неправильности»? Двойник за покрытым амальгамой стеклом насмешливо повторял его неуклюжие движения.

— Всё зло от баб, — провозгласил Андрей. — Выпьем!

Испуганно зажал рот ладонью. Нет, нет, не вспоминать, забыть, как страшный сон. Эти волосы, эти губы, эти руки... Ноябрь. Последний месяц осени...

Вечером четвертого (или пятого?) ноября, в общем, накануне праздников, он гулял по Баумана, изнывая от ничегонеделания. Все друзья-товарищи давно обзавелись женами, детишками даже. Дома сидят, не с кем на улицу выйти, проветриться. Работа, семья, снова работа — в свои двадцать семь холостяк Андрей казался среди них белой вороной. Жениться, что ли? Ага, на первой встречной. С другой стороны — Лерку-то проморгал. Дур-рак. Он присел на скамейку, открыл купленную в ларьке бутылку «Невского». Задумчиво, неторопливо прихлебывал, смотря на проходивших мимо людей. Шумные компании, увлеченные исключительно собой парочки, такие же, как он, одиночки. Центр города, тут всегда много народа. В мокрой брусчатке мостовой отражались желтые блики изящных, сделанных «под старину», фонарей. На толстых стеклах колпаков, обрамленных стальными завитушками, блестели мелкие капельки — да, тогда стояла дождливая погода. В бесчисленных кафешках играла музыка. Было скучно. Нет, было ужасно, невыносимо скучно.

Он огляделся по сторонам и заметил на скамейке близ фонтана девушку. Забавный такой фонтан — небольшой, из дикого камня, со скульптурой, изображающей русалку. На его фоне обожали фотографироваться туристы, горожане также часто позировали перед бьющими вверх струями. Естественно, осенью фонтан не работал, на дне валялись позеленевшие и еще новенькие медяшки. День ото дня их становилось

меньше — бомжи местные подбирали. Вероятно, ночью, когда никто не видел.

Андрей пристально смотрел на девушку, будто вознамерился запомнить, навсегда вложить в память. Стройная, ладная фигурка, точеные черты лица, светлые волосы. Его тип. Она ему определенно нравилась. Допив пиво, он аккуратно поставил бутылку на мостовую, встал и направился к девушке. Та зябко куталась в серую тонкую курточку. Синие джинсы, сапожки — в толпе на нее явно не обратили бы внимания. А ведь на кого-то похожа, подумал Андрей. На кого? Так и не вспомнилось.

Знакомство вышло на удивление легким и непристуженным. Вам грустно? — спросил он. Мне вот тоже. Должно быть весело, но предстоящие праздники совсем не радуют. Не с кем отметить, понимаете? Понимаю, ответила она. Жизнь не балует, да? Потерпите немного, темная полоса обязательно кончится. У меня всё хорошо, возразил он. На работе, по крайней мере. «А в личных отношениях?» — незаданный вопрос готовился повиснуть в воздухе, вырасти разделяющей стеной. Но она ничего не сказала.

Через полчаса Андрей с Ингой неторопливо прогуливались по Бауманке. Просто так — ходили, смеялись, разговаривали. В кафе она сидеть не хотела, от бутылочки пива отказалась. Поздний вечер перерастал в ночь, ощутимо похолодало. Девушка накинула на голову капюшон, отороченный мехом. Держать ее теплую ладонь в своей руке было весьма приятно; сапожки с высокими каблуками глухо цокали по мостовой, глянцево отблескивая в свете вмонтированных в брусчатку округлых ламп-светильников, напминавших крошечные иллюминаторы.

— Который час? — вдруг встрепенулась Инга.

— Пол-одиннадцатого.

— Знаешь, мне пора.

— Тебя проводить? — намекнул он.

— Нет... не надо. Ладно, пока. — Девушка свернула в узкий проулок.

Она уходила дальше и дальше, постепенно растворяясь в окружающем сумраке. Андрей с тоской смотрел вслед. Значит, не судьба, он нахохлился и побрел на остановку. Телефон... Телефона у нее не было. Почему? — спросил сам себя. Разве он приставал? Позволил лишнее, нес чепуху? Обидно: девушка ему понравилась. Эх, не везет. В кои-то веки встретил подходящую...

— Подожди-ка, — окликнули из-за спины. — Приходи завтра вечером, хорошо? Сюда, к фонтану.

Андрей обернулся, кивнул, чувствуя, как по лицу расплывается глупая счастливая улыбка.

В ночь с тридцатого на тридцать первое декабря выпал снег. Белые хлопья за окном величественно опускались на землю, устлали пушистым ковром. Пьяный Андрей курил на кухне, выдыхая сигаретный дым в форточку. В залитой водкой пепельнице плавали мокрые бычки. Запах стоял отвратительный. С Новым годом, вашу мать! — орал Андрей, тревожа

сонных соседей. Счастья вам немерено, чтоб вы все сдохли! И прикуривая очередную сигарету, швырял спичку в пепельницу. Спичка противно шипела и гасла, а он плакал — плакал, обхватив голову руками, всхлипывал, невнятно шепча: Инга, Инга, я больше не могу так. Я, наверно, сойду с ума. Скоро. Можно, я приду к тебе? «Неправильное» отражение в зеркале хмурилось, злобно грозило хозяину. Поговори, мол, у меня. Я те мозги-то вправлю. Напился, понимаешь, лыка не вяжет.

Утром смурные дворники в ярко-оранжевых жилетках, ругаясь на чем свет стоит, лопатили во дворах многожды перемешанную колесами автомашин и ногами прохожих снежную кашу. Андрей, проснувшись в двенадцатом часу, болел с похмелья. Сил идти в магазин за пивом не было, поэтому одна из двух бутылок шампанского, заботливо припасенных на Новый год, опустела наполовину.

Тусклые солнечные блики ложились на синие с золотыми полосками обои, лишь подчеркивая унылость каменных стен. В глазах мутилось, полоски сплетались в таинственные надписи, подобно неведомым созвездиям на темном небе. «Зачем ты бросил меня? Я умираю, милый...» — читал Андрей. Зеркало чернело, в нем вихрилась мгла, разбрасывая по квартире ключья тьмы и дыша холодом. Двойник, будто гигантский паук, сидел в сплетении туманных прядей, сучил руками-лапами. Не-ет! — кричал Андрей, мотал головой — и морок пропадал. Ты не можешь умереть. Я... Он торопливо глотал остатки шампанского, сидел, покачиваясь, обхватив колени руками. Его неудержимо, словно магнитом, тянуло на улицу Баумана. Не пойду, твердил он. Нельзя, невозможно. Разве я звал тебя вчера? Не помню...

Парень, прошедший мимо фонтана.

Густой шлейф эмоций, тянущийся за его спиной, — скука, грусть, одиночество.

Высокий, в меру широкоплечий. Карие глаза, темные волнистые волосы. Видно же, что волнистые, пусть и острижены коротко. Не нравится ему, наверно, а мне — наоборот.

Красивый. Как раз в моем вкусе. Интересно, о чем думает? «Стройная, ладная фигурка?» Ох, неужели будет знакомиться?

Точно. Идёт...

Они встречались уже недели три. Целовались, обнимались, гуляли по ночному городу, но она с завидным упорством не разрешала себя провожать. Не говорила, где живет. Андрей настаивал, Инга отшучивалась. Наконец сказала — Профсоюзная, семьдесят четыре, недалеко отсюда. У меня очень строгая мама. Теперь доволен?

И стоило делать из этого тайну? — спросил Андрей. Она рассмеялась, сказала: нельзя провожать, я тебе позже объясню — почему.

Он нашел этот дом, караулил возле — зачем? Размышлял: на каком этаже она живет? Окна выходят во

двор или на улицу? Третий подъезд? первый? четвертый? Расспрашивал жильцов о девушке, описывал ее. А ему говорили: нет, не знаем такую, не видали.

Соврала, решил Андрей, ладно, обещала ведь, что объяснит. И нисколько не обиделся. Когда Инга была рядом, за спиной с треском и шелестом разворачивались крылья — он парил, витал в облаках. Счастливый. Довольный. Ощущая после встречи сосущее под ложечкой чувство утраты. Хотелось видеть ее снова. Сейчас же. Немедленно. Кажется, он влюбился.

Он пел ей песни собственного сочинения, аккомпанируя на гитаре. Неформалы, давно облюбовавшие пяточок между магазином «Книги» и кафе «Сытый папа», немедленно прекращали трёп, подсаживались неподалеку, слушали. Восторженно спрашивали: твое? Силён, пацан. Завтра придешь?

Он читал ей стихи. Ты любишь Лорку? Что? Кто это такой? Ну ты даешь! Слушай. Дорогами глухими идут они в Севилью. Плащи за их плечами — как сломанные крылья. Из дальних стран печали идут они веками. И входят в лабиринты любви, стекла и камня.

Спрашивал: нравится? Как думаешь, похож город на лабиринт любви, стекла и камня? Не знаю, отвечала она и уводила разговор в сторону. Что тебе город? Давай лучше про любовь.

И Андрей рассказывал...

Однажды Инга согласилась зайти к нему. Немедленно, с истинно женским тщанием затеяла уборку. Как медведь в берлоге, смеялась она. Посмотри, сколько паутины. В ее присутствии даже люстра светила ярче — протертая мокрой тряпкой, освободившаяся от пыльной бахромы.

Проснувшись рано утром, Андрей не обнаружил девушки рядом. Но постель еще хранила тепло ее тела, на примятой подушке остался нежный запах духов. Странно, размышлял он по пути на работу, отчего она такая скрытная?

Инга приходила вечером, каждый день: Андрей сделал ей дубликат ключа.

— Привет! — кричала с порога. — Ждал?

— Конечно, родная, — отвечал он. — Куда пойдём? Или посидим дома?

— Как хочешь.

— Воды нет, — жаловался Андрей. — Бывает у нас такое: отключат — и с концами. Ты замерзла, наверно? А я тебя даже чаем не могу напоить.

— Да ну? — удивлялась она, шла на кухню, кричала: — Смотри-ка, воду дали. Набирай быстрее.

— Шутишь? — недоумевал Андрей.

— Да нет же. Правда.

Однако у соседей по подъезду вода в тот день не появилась, как, впрочем, и в целом доме. Андрей не знал этого. А если б и знал? Какая разница. Он любил, его любили. Жил будто в транс, ничего не замечая, с нетерпением ожидая следующего вечера. Механически выполнял свои обязанности на работе, отвечал невпопад. Чувство утраты временами становилось прямо-таки невыносимым.

Но радость встречи возмещала всё.

* * *

Новый год, первое и второе января прошли в бессмысленном пьяном угаре, начавшись с выпитой утром бутылки шампанского. Еще несколько дней Андрей отходил, лежал пластом на диване, то проваливаясь в тяжелое забытье, то вновь возвращаясь к реальности.

Иногда накатывала хандра, засасывала студеным омутом, волочила на дно, где почему-то ждала... Инга. И он ненавидел ее, их зашедшие в тупик отношения, себя, такого беспомощного в сложившейся ситуации, обстоятельства.

Словочная память, пользуясь бедственным состоянием хозяина, доставала из укромных уголков тщательно запрятанные случаи-эпизоды его жизни. Рылась в темных завалах, сдувала пыль, предьявляла на обозрение.

Возвращаюсь с работы, захожу в подъезд. Света, как всегда, нет. Нажимаю кнопку вызова лифта. Слышен гул включившегося механизма. Дребезжание. Поскрипывание.

Горячая кнопка смахивает на желтый, снисходительно разглядывающий тебя зрачок. Лифт останавливается. С влажным чмоканьем расходятся дверистворки.

Неприятное ощущение давящего чужого взгляда.

— Заходи, человек. — Насмешливый голос. (Голос? Откуда?! Никого нет!) — Прокачу.

Лифт ждет. Двери не закрываются. Полминуты. Минута.

Этого не может быть! Не должно быть!

Отшатываюсь, бегу по лестнице. Сзади, выстрелом в спину, доносится глухой смехок.

Ах, хозяин, ох, хозяин, умилялась память. Хочешь примерить этот давно забытый случай еще раз? Да, ты не боишься ездить в лифте, просто опасаясь. Но что скажешь насчет прогулки вдоль трамвайных путей? Помнишь, возвращался домой ночью? В кармане — жалкая десятка, на «мотор» не хватает: нужен хотя бы полтинник. Топать по дороге — целый час, если через пустырь — минут сорок. Решил срезать?

Разумеется, темно. Страшновато. Один, ночью. Пустырь чертов — ни строений каких, ни огонька, ничего. Бреду вдоль рельсов, спотыкаясь о колдобины и надолбы. Хрустят под ногами замерзшие, чуть припорошенные снегом стебли полыни. Или что тут растет? Сорняки, в общем, хрустят.

На кой свернул? Шел бы себе по асфальту — светло, машины ездят. А здесь? Так не возвращаться же? В самом деле — пожимаю плечами. Засовываю руки глубже в карманы — холодно.

И я по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке, бормочу под нос старую-престарую песенку. Недолго уже, давай, парень, шевелись. Раз-два.

Дыхание — облачка пара в морозном воздухе. Вдох-выдох.

Лязг. Грохот. Стучат приближающиеся колеса. Трамвай? Ма-ать! Спешно отпрыгиваю в сторону. Оглядываюсь.

Ничего. Ни света фар, ни...

Лязг! Грохот! С противоположной стороны.

Оборачиваюсь — пусто.

— С ума сошли?! — кричу в темноту. — Вагоновожатые, вашу мать! Ни хрена не...

Пячусь назад, понимая, что работники депо, скорее всего, ни при чем.

И снова громыханье. Слева. Справа. Отовсюду. Кажется, что тебя сейчас переедут, раздавят, сплющат. Раскатают в лепешку, кровавый блин из костей и сухожилий. Я дико ору и бегу. Наугад, навскидку, петляя, как заяц. Бегу, падаю, вскакиваю, мчусь, не разбирая дороги. Дальше! Прочь!

Скатываюсь в неглубокий овражек, уткнувшись лицом в снег. Привстаю, трогаю нос, губы — целы? не разбил? И слышу доносящийся сверху звонкий мальчишечий голос. Ночью?! На пустыре?!

— Тук, тук, тук, стучат колеса!

— Пусть не ведают износа! — вторит ему мужской бас.

— Кто последний, тот чинит пути на Декабристов.

— Замётано!

Лязг. Скрежет. Громыханье.

Через овраг с разгона перелетает расплывчатая фигура — жуткий гибрид колесного механизма и человека. За ней следует вторая, едва ли не впятеро превосходящая ее размерами.

Я сижусь, скорчившись, вцепившись зубами в собственную ладонь. Никогда не верил в чертей и прочую нечистую силу. Но эти «ребята» ничуть на них не похожи.

Ты помнишь? Помнишь?! Помнишь?! Воспоминания — стая воронья, стервятники над падалью. Кружат, кружат. Странности начались с тех пор, как... Ну, смелее! Признайся себе. Глупо отрицать очевидное. После знакомства с Ингой? Ты увидел то, чего не замечал раньше? Чего не видели остальные?

Толпа. Улица. Оживленная суета. В воздухе витает ожидание грядущих праздников. Пусть до них три недели — мы готовы. Ждем. Католическое Рождество? Отметим! Широко и с размахом.

Иду по тротуару, глазею по сторонам. Вдруг...

...толпа редет, исчезает, пропадает совсем. Контурь домов смазываются. Появляется эхо. Гулкий звук шагов вынуждает остановиться. Настороженно оглядываюсь. Подле трехэтажного здания с лепными колоннами и вывеской «ИнТехБанк» стоят двое дюжих амбалов в набедренных повязках. Судачат о чем-то. Замечаю — они не просто облокотились на колонны, тела составляют с камнем единое целое.

Из открытого канализационного люка высовывается ужасная помесь осьминога и водолаза. Шевелит щупальцами, или это... шланги?

— Посторонись! — Меня небрежно отшвыривают в сторону. — Что встал?

Из открывшейся в стене двери вываливается помятый низенький мужичок. Спешит к «водолазу». Оборачивается на полдороге, смотрит подозрительно.

— Чужой! — кричит, разевая щербатый рот.

Амбалы отлипают от колонн; злобно сопя, спешат на расправу. В огромном глазе... линзе?! «осьминога» проступает человеческое лицо.

Дядя Коля... узнаю я. Работал в нашем ЖЭКе слесарем-сантехником. Год назад по пьянке попал в аварию — расшибся насмерть. В городских новостях показывали...

— Я сплю, сплю, — бормочу торопливо, хлопаю себя по щекам.

Амбалы приближаются. Бух! бух! — грохочут бо-
сые ноги.

— А-а-а!.. — ору не своим голосом...

Толпа. Улица.

— А-а-а!.. — Перекрывая шум проезжающих машин.

Людской поток огибает меня на значительном расстоянии. Кому охота связываться с психом?

Память, вволю поиздевавшись, начала путать сон и явь. Тасовала колоду карт-событий. Раскладывала хитрой мозаикой. Ставила с ног на голову.

— За Новый год! — Поднимаю рюмку, пью, закусываю соленым огурцом. Искося наблюдаю за отражением в зеркале. «Неправильности» пока нет. Мало выпил, значит. Не проблема — повторим.

И еще раз.

И снова.

И...

Ой, задел люстру рукой. Разобьется! А-а, ладно.

На стенах пляшут тени, складываются в слова: «Ты не придешь, Андрей. Я умру».

— Вре-ешь. — Наливаю стопку. Всклень.

— Врет, — радостно подтверждает отражение. — Тварь.

— Что?!

Двойник за стеклом ухмыляется, качает рюмкой, расплескивая спиртное.

Зеркала не умеют разговаривать. Или умеют? Ну-ка выкни про нее что-нибудь дурное — сразу расколочу молотком. Молчишь? Правильно.

Вроде бы вечер. Первое января. Ох, как мне плохо. В душ. Ледяной! Набрать полную ванну — и отмокать. Плетусь, еле переставляя ноги.

Вялые струйки воды, исторгаемые душем, колыхаются, словно морские водоросли. Инга... Мне становится дурно. Кап... — ударяются они о кафель. Кап! кап! Андрей, я умираю... Приходи — теперь можно: он простил меня.

— Нет! Нет! — Выскакиваю из ванной. — Это не ты! Ты запретила!

— Теперь можно, — уверяет отражение в мгновение потемневшем зеркале. Веет стужей, по стеклу бегут морозные узоры. — Приходи. Ее простили.

Замахиваюсь на зеркало кулаком. Тьма рассеивается, отражение становится «неправильным».

— Не ходи, — доверительно шепчет оно. Скалится, подмигивает. — Они врут. Врут! Все.

«Я умру... умру... умру...» — слова вспыхивают на стене. Сползают вниз грязными каплями.

«Если ты не придешь, я умру...»

«Неправильного» отражения давно нет, вместо него — черное.

— Приходи. — Двойник сидит в сплетении расплывчатых прядей. Дергает за ниточки. Выбирает слабинку. — Он разрешил.

— Я... — булькаю непослушным горлом, — приду. Но не потому, что мне кто-то разрешил.

— Хорошо. — Голос у отражения безучастный и скучный. — Мне всё равно, ради кого или чего ты делаешь это. Приходи.

Андрей проснулся; долго лежал, глядя в потолок. Наконец ужасная сухость во рту вынудила встать и пойти на кухню. Там он жадно пил воду прямо из чайника; умылся, сунувшись в мойку, вытерся полотенцем для посуды. Вернулся в комнату. Нашел на столе часы, подцепил за обтершийся, некогда желтый браслет. Всмотрелся. Стрелки не двигались, календарь со-
общил, что сегодня первое января. Конечно, заводить же надо. Скорее всего, четвертое, рассудил он, садясь на диван, вечер.

Голова раскалывалась, и он выпил две таблетки анальгина. Вредно? Да пес с ним. Попытался вспомнить, что делал в прошедшие дни — уперся в глухую стену, преграду. Может, так лучше? Нет — так хуже. Неопределенность терзала, хотелось правды. Какой бы она ни оказалась.

Я звал ее? Проклинал? Умолял о прощении? Попытался выброситься с балкона? Или просто тупо жрал водку? Ничего не помню. Ничего.

Он прислонился лбом к зеркалу; стекло слегка холодило кожу.

— Ну, — потребовал. — Где вы, «неправильный» и черный? Куда подевались? Вы-то наверняка помните, что я делал. А-а, вы являетесь только к пьяным? Нет, я больше не буду. Хватит. Надоело!

Андрей нервно заходил по комнате, взьерошил слипшиеся волосы. Криво улыбнулся. Он спятил, помешался — разговаривать с собственным отражением нечто из ряда вон... Однако недавние события заставляли по-иному смотреть на вещи.

Наспех приготовив нехитрый ужин из жареной картошки и остатков колбасы, он поел, почистил зубы. Затем с удовольствием поплескался под душем, сменил белье. Память постепенно возвращалась — смутно, урывками. Множила число странностей. Беседы с зеркалом пусть и мнились галлюцинацией, но... не мешало бы выяснить, каким образом «отражения» связаны с происходящим.

Ложась спать, выключил свет, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Хватит пугать, понятно? Я не боюсь. Если тебе что-то нужно — я приду, но не ради тебя.

* * *

Новый год Андрей предложил встречать сообща. Инга долго тянула с ответом, мямлила что-то невразумительное, отделялась общими фразами. Строгая мама, еще более строгий папа. Родители будут беспокоиться. Не девочка, возражал Андрей, выросла, поди. Определяйся быстрее. А сам думал: какая чушь, она ночует у меня почти ежедневно. Где логика?

Декабрь приближался к концу, до праздников оставалось всего полторы недели.

Инга мешкала. Андрей злился, нервничал, ждал — не дождался. И наконец потребовал:

— Скажи прямо, в чем дело?

— Завтра, — ответила она. — Хорошо? Подожди немного.

Конечно, он согласился. Не надеясь, впрочем, и уже не веря.

Я запуталась. Я не знаю, что делать. Как поступить.

Признаться? — хуже смерти.

Хотя так честнее.

Он недоволен. Я чувствую это. Он... боится? Почему?! Ненавидит? Кого?! И мне тоже больно и страшно, потому что я люблю его.

Что же делать?

— Ну. — Андрей испытывающе посмотрел ей в глаза. — Как мама с папой? Отпускают?

— Нет. — Она отвела взгляд. — Знаешь, мне надо тебе кое в чем признаться.

Он иронически хмыкнул, спросил:

— Другой парень? Муж? Дети? Ты беременна?

— Нет, гораздо серьезнее. — Инга замялась, а после выпалила: — Я не живу на улице Профсоюзная.

— Я знаю, — буднично произнес Андрей.

— Да? — удивилась девушка. — Откуда?

— Проверял.

— Что еще ты проверял? — печально спросила она.

— Больше ничего. В принципе, это неважно, захочешь — сама скажешь. Черт с ним, с празднованием Нового года, силком заставлять не стану. Я люблю тебя, Инга, хочу быть с тобой, зачем подробности? Я думаю... думаю, может... мы поженимся? Я выбирал... купил в магазине кольца. Вот, — Андрей достал из кармана пластиковую коробочку, открыл, — смотри.

Тоненькие изящные колечки ярко вспыхнули в свете электрической лампы. Белый бархат коробочки, в которой они лежали, оттенял желтизну благородного металла.

Девушка заплакала.

— Я не Инга, — сказала внезапно, утерла слезы платочком. — На самом деле у меня вообще нет имени. Я не человек даже и вряд ли понравлюсь тебе в настоящем облике.

— Да что ты такое говоришь? — возмутился Андрей и испуганно смолк, уставившись на мутные, струящи-

еся прядки тумана, в которых лишь отчасти угадывалась прежняя Инга. Больше всего они походили на... да, на скульптуру русалки. Фонтан. Улица Баумана...

...Горящая кнопка смахивает на желтый, снисходительно разглядывающий тебя зрачок. Лифт останавливается. С влажным чмоканием расходятся дверистворки...

...Через овраг с разгона перелетает расплывчатая фигура — жуткий гибрид колесного механизма и человека...

...Из открытого канализационного люка высовывается ужасная помесь осьминога и водолаза. Шевелит щупальцами, или это... шланги?..

Коробочка с кольцами выпала из ослабевших рук — Андрей струсил, отчаянно, до дрожи в коленях. Страхи возвращались. Оживали. Мимолетные видения, принимаемые за галлюцинации, были так же реальны, как и он сам. Я общался... жил с одним из этих... нелюдей! — мысль сбила с ног, заставила опуститься на диван.

— Н-не подходи... Чур меня... — сбивчиво бормотал он, вытирая ладонью взмокший лоб и пытаясь совершить крестное знамение.

«Русалка» смотрела мимо, на стену за его спиной. Лицо — каменное, в глазах — озёра слёз.

Когда первый шок прошел и Андрей понял, что ему ничего не угрожает, то несколько взбодрился. В нем проснулось любопытство, потребность задавать вопросы и получать ответы. Выяснить, черт побери! что за дьявольщина тут творится.

— Кто... ты? — судорожно сглотнув и на всякий случай подальше отодвигаясь в угол дивана, прошептал Андрей. — Дух? Призрак?

— *Фантом*. — Колыхнулся туман; зеленоватые волосы, ниспадавшие до пояса, напоминали водоросли. — *Проявление* Города. Мы живем в нем, а он — живет нами.

— Мы?... — Андрей не обратил внимания на странность последней фразы.

— Да. Нас много, очень много. Наверное, ты уже видел... сталкивался (парень вздрогнул) с подобными мне.

— Я видел их из-за тебя? Оттого что ты... мы...

— Да.

Ему стало неприятно: обнимать, целовать эту... этот... С другой стороны — «прежняя» Инга Андрею нравилась. Но в свете открывшихся и, надо заметить, весьма несимпатичных фактов... м-да. Лучше продолжить расспросы.

— Город... он живой?

— Нет, не совсем.

— Он... как ты?

— Нет. Это *машина*. Сложная, иерархически организованная, жестокая, равнодушная *машина*, которая страстно жаждет только одного — жить. Он забирает всю добытую нами энергию, оставляя жалкие крохи, чтобы его слуги не прекратили существование. Он держит нас в строгости и повиновении, делает *слепки* умерших и изготавливает *подобия*. Он — хозяин и господин, мы — рабы.

Инга склонила голову, волна зеленых волос закрыла лицо. Сказала печально:

— Но я люблю *его*. Мы все любим *его*. Дети ведь не выбирают родителей, правда?

Потрясенный Андрей молчал.

— Раньше, пока Город не оделся в стекло и бетон, было не так. *Он* тоже любил нас. Я думаю... может, это время когда-нибудь вернется?

«Русалка» тяжело вздохнула. Андрей смотрел в окно, избегая встречаться с ней взглядом.

— Я долго думала: говорить тебе или нет. — Инга опять вернулась в прежнее обличье. — Я решилась — так честнее. Выбирай сам... любимый.

— Ну я же не знал, не знал, — пробормотал парень. — Ты не человек. Я... это ужасно...

— Ты сказал, что любишь меня. Что хочешь жениться. Ты соврал, да?

— Нет, но...

— Знаешь, как плохо, когда у тебя берут, берут, берут, не давая взамен даже маленькой, ничтожной капельки тепла и ласки? Не говорят «спасибо». Просто — берут. Я пыталась найти любовь в вашем мире. Я нашла, а теперь — потеряла. Город в этом отношении лучше людей. *Он* не обещает. Прощай. — Девушка всхлинула. — И не приходи больше к фонтану. *Он* убьет тебя, выпьет. Будет тянуть — терпи, ты же сильный.

— Почему... убьет? — спросил Андрей. — Почему будет тянуть?

— Потому что сейчас я верну тебе всё, что забрала. Возьму у Города обратно. Отдам. Пусть делает со мной, что угодно. Я отдам. Так — честнее.

— Что отдашь? Что... забрала? — меняющимся голосом произнес Андрей.

— Энергию, — тихо-тихо сказала *проявльене*. — Жизненную силу. Я не брала специально, нет — мы так устроены. Ты бы привык со временем, перестал замечать... потери.

— После каждой встречи с тобой мне было плохо, будто утратил нечто очень важное. Я полагал... это разлука.

— И это тоже, Андрей.

— Когда ты находилась рядом, мне было хорошо. Крылья за спиной — тебе знакомо это чувство?

— Да, милый. Понимаешь, *донор* временно подключается к «городским каналам». Я подключалась вместе с тобой, а потом забирала часть. Прости. Я верну.

— Ты... ты чудовище. — Парень затрясся от возмущения, вскочил, сжимая кулаки. — Как ты посмела... тварь?! Кто тебе разрешил?! Ненавижу тебя! Убирайся, уходи, проклятая нежить!!

— Я верну. — Инга упрямо прикусила губу. Слёзы текли по щекам. Она хлопнула носом, быстро развела руки в стороны. Перед ней закрутились черно-багряные вихрики, сплетаясь в шар. Взгляд, искаженный мукой и отчаянием, уколол Андрея в самое сердце.

— Прочь! — Он с силой оттолкнул ее, выбежал из комнаты. Метнулся в прихожую — схватил шапку, куртку, натянул сапоги.

Громко щелкнул, закрываясь, дверной замок.

Андрей беспокойно ворочался во сне, лицо избородили морщины, губы стянулись засохшим шрамом. Мерзавка-память решила задать хозяину основательную трёпку. Но мысли его отнюдь не были сумбурны.

Комната настороженно вслушивалась в еле различимый шепот.

— ...чем *слепки* отличаются от *подобий*?.. От *проявлений*?.. Неужели я скоро стану одним из них?..

Над человеком нависала густая непроницаемая тьма. Ложилась свинцовой плитой, обращала квартиру пыльным склепом. И лишь зеркало, казалось, вобравшее в себя абсолютно все лучики света, ярко сияло на противоположной стене. В его бесконечных глубинах на фоне многоэтажек с потухшими окнами стоял, скрестив руки на груди, исполинский двойник. В черных глазах гиганта отражались стремительно меняющиеся виды городских улиц, площадей, парков, кафе, клубов, памятников... На лице удивительным макияжем проступала старая кирпичная кладка.

Тогда-то Андрей впервые напился — настоящему, без дураков. Слишком велико было потрясение. Неожиданное превращение любимой девушки в монстра, нечеловека.

И он снимал стресс самым простым и естественным образом — топил в вине. Сидел в дешевой забегаловке на углу и ударными дозами поглощал спиртное. Плакался в жилетку местным алкашам, те, падкие на дармовую выпивку, кивали, хлопали по плечу, говорили: забудь, братан. Все бабы — стервы, известный факт. Наливай еще.

Собутыльники, впрочем, очутились с «понятиями» — не обобрали в темном углу, предварительно стукнув чем-нибудь тяжелым, наоборот — проводили до подъезда, усадили в лифт и, посоветовав «забыть-наплевать на суку», удалились.

Потянув незапертую дверь (он не обратил на это внимания), Андрей вошел, точнее, ввалился в квартиру, кое-как стянул куртку и сапоги, заглянул в зал. Разумеется, там никого не оказалось. Но на гладкой полировке трельяжа, стоящего возле дверного проема, темнело растекшееся красноватое пятно. Кровь? — подумал Андрей. Мысли прыгали, скакали вразнобой. Я толкнул ее... она упала, ударилась? Похоже на то. Но она... неживая, откуда кровь? Неужели я ранил или даже... убил ее? Нет, нет, она не человек, просто туман, я не мог...

Губы мелко подрагивали, на лбу выступила испарина. Трясущийся рукой он дотронулся до пятна, тотчас испачкав пальцы в липкой красной жиже. К горлу подкатил мерзкий ком, замутило, пошатываясь, он кинулся в ванную.

Долго умывался холодной водой, жадно пил, захлебываясь. Присел на колченогий табурет, уткнулся в полотенце. Что ты наделал? Слова грохотали в голове пудовыми булыжниками. ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ?! Инга,

прости! — заорал он, нимало не заботясь тонкими стенками и любопытными до семейных сцен соседями, которые, возможно, уже «грели» уши. — Прости меня! Я не хотел! Я... не думал...

Он сидел в ванной и плакал. Жизнь потеряла смысл, надежды обернулись крахом, вера исчезла, а любовь и вовсе накрылась медным тазом. Затем, твердо ступая, вернулся в комнату.

Пятно пропало.

Андрей оттер с глаз едкие слезы, опасливо мазнул рукой по трельяжу. Ничего липкого. Тщательно ощупал поверхность, пощупал палец — потёр. Гладкая скользкая полировка. Чистая. Немного прохладная.

П-померещилось, несомненно, померещилось, накатило невероятным облегчением. Перепил, наверно. Уже видения начинаются. Взъерошил рукой мокрые волосы. Глянул в зеркало: бледное, землистое лицо, резкие морщины, запавшие темные глаза.

— Ничего, — прохрипел, — выдюжишь.

В бок кольнуло запоздалое ощущение: что-то не так. Что? Яростно огляделся: вещи на своих, привычных, местах, тишина, порядок.

— Бред какой-то, — выдохнул он. Доплелся до кровати, рухнул на нее, не раздеваясь, и мгновенно уснул.

Позже он понял: в тот день впервые явился «неправильный» двойник.

* * *

Утро обрадовало ярким бодрящим солнцем и звонкой капелью за окном. Андрей потянулся, открыл глаза, поскреб щетину на подбородке. Сон, напомнивший недавние и, прямо скажем, неприглядные события, а также его, Андрея, безобразное поведение, как ни странно, принес облегчение. Из души, словно из пыльного мешка, вытряхнуло все затхлые страхи. Добавилась уверенность, некоторое понимание, тщательно скрываемое чувство вины обратилось робкой надеждой. Не всё еще потеряно. Можно встретиться, поговорить, окончательно выяснить отношения. Переиграть заново.

Какая, в конце концов, разница, что она не совсем человек? Или совсем не. Какая разница?! Главное-то в другом.

Андрей поднялся, заправил постель. Умылся холодной-прехолодной водой, сбрил отросшую щетину, ощутив прилив сил и небывалую бодрость, даже сделал утреннюю гимнастику, что можно было приравнять к подвигу. Вскипятил чайник, с наслаждением заварил большую чашку крепчайшего кофе. Пошарился в холодильнике, обнаружив там блюдецко с засохшими лимонными дольками, банку квашеной капусты, огрызок сыра и почему-то пакет с овсяным печеньем. После чего решил прогуляться в магазин. За продуктами.

Тик-так, тик-так, спешили вечно бегущие вперед кварцевые часы. Тик-так, тик-так, полдвенадцатого! Вперед, быст-рей, опоздаешь!

Куда?

К фонтану, что на улице Баумана, уверенно отвечали часы. К фонтану из дикого камня.

Тик-так, кварцевый механизм, стремящийся хоть на пару минут заглянуть в будущее, подобно вещунье-пророчице прозревал события грядущего вечера. Или ночи? Или...

Оставив часы с их заморочками висеть на стене — синие тисненые обои, золотистые вертикальные полоски придают стройность, — Андрей ушел в супермаркет «Континент» пополнять запасы.

Холодильник на кухне урчал голодным брюхом.

Вернувшись, он первым делом достал из серванта узкогорлую вазу, наполнил водой и поставил в нее цветок — ярко-красную розу. Не снимая шуршащей обертки. И уже потом, с полными пакетами, двинулся в кухню. Разгружая купленную снедь — это в шкаф, это в холодильник, это пока на стол, — насвистывал под нос веселую песенку.

Ах, романтика. Вы гадали на ромашке — «любит — не любит»? Вы жмурились — сладко, мечтательно, когда выпадало «любит»? Андрей точно знал — любит, был уверен на все сто. Кто из двоих поступил подло? Кому идти с повинной? Мириться, дарить цветы?

Ах, чудесное утро, погожий денёк. Ох, избирательная дура-память. Стынут на дне зябкого колодца слова — «И не приходи больше. *Он* убьет тебя, *выпьет*. Будет тянуть — терпи». Забыты. Пьянка, длившаяся несколько суток, кураж новогодний, слезливый, — ушли-сгинули. Город? Да что Город? Я жил и еще поживу. Хотел бы *он*, давно прихлопнул, ровно таракана тапкой. Неужто руки короткие? Не нужен я *ему*, мегаполису, букашка мелкая. А Ингу *он* простил, вот и весь сказ.

«Нельзя, невозможно!» — билась глубоко-глубоко в подсознании, мухой в паутине, болезненная, параноидальная мысль.

Мухой.

В паутине.

Где же паук?

— Ждет, — тихо рассмеялись в зале. — Паук ждет.

Андрей услышал. Сердце ёкнуло, сдавило спазмом; пакет с йогуртом шлепнулся на пол.

— Кто здесь?! — выкрикнул. *Ему* не ответили.

Тот, кто стремится избавиться от страха, переходит в наступление — Андрей, стиснув в руке нож, отправился в комнату. Звук шагов в навалившейся тишине соперничал лишь с оглушительным тиканьем часов.

Тик! — верещали они. Так!!

Часы боялись. Клац! — внутри щелкнуло, хрустнуло, треснуло. Кварцевый механизм остановился.

Зал встретил угрюмым молчанием. Вещи насто-роженно взирали на человека. Все на своих местах, в полном порядке.

Двойник в зеркале кривлялся дешевым фигляр-ом: перекошенные черты лица, напряженная поза, взгляд загнанной в угол крысы.

— Ты?! — полувопросительно-полуутвердительно произнес Андрей. Лезвие ножа сверкнуло случайным солнечным зайчиком. — Р-разобью!!

Он замахнулся и тут же отступил назад. Поверхность зеркала темнела, меркла, наливалась вечерними сумерками. Отражение, облаченное в лоснящийся, глянцево-плащ темноты, смотрело зло, с прищуром. Вокруг головы, напоминая чудовищную прическу Горгоны, сплетались туманные пряди. Облик становился нечетким, расплывался, клубясь зыбким маревом.

Вы являетесь только к пьяным?.. Кто сказал? Я... вчера.

Нет, возразило сумасшествие, растягивая лягушачий рот в хищном оскале. К трезвым — тоже.

— Бред какой-то, — повторил Андрей старую, двухнедельной давности фразу.

— Почему бред? — Отражение нехорошо усмехнулось, исчезло и вновь появилось — нормальное, обыкновенное.

— Это как посмотреть, — продолжили из-за спины. Андрей резко повернулся.

Некто, окутанный черной дымкой, до ужаса похожий на него, вольготно развалился на диване.

— Ну, — сказал, — чего уставился?

Римский патриций в тоге — пришло сравнение. За одним небольшим исключением — цвет не тот. Страх накатил волной: липкий, пробирающий до костей. Андрей замер — изваянием, статуей, соляным столпом, не вовремя обернувшейся женой Лота.

Колеблющаяся зябкая мгла. У нее твои губы, глаза, волосы. Твой голос. Впору завывать от ужаса и броситься вон из квартиры. Однажды Андрей уже проделал это и не раз пожалел, когда смертельная тоска рвала сердце на части. Единственно, что туман был тогда белесо-зеленым, был Ингой — любимой, *фантомом*, нечеловеком...

Двойник ждал. Паук ждал. Муха ждала. Дрожали нити натянутой паутины. Глупую рыбу ловят на приманку. Живую, трепыхающуюся. Кто здесь паук, кто рыба, кто приманка? На простые вопросы не существует простых ответов.

Тьма постепенно таяла, истончалась, размывалась в окружающем воздухе и вот — сгнула, лишь глаза остались черными. И Андрей наконец понял, в чем крылась неправильность. Глаза... У него-то они карие.

Двойник закинул ногу на ногу, сцепил руки на колене. Ну? — говорил весь его вид. Удивлен? Поражен? Возможно, уязвлен? Простые и прямые, словно шпага, вопросы готовятся покинуть ножны? Давай, парень, валяй. Отражу-отвечу, парирую, отведу удар и верну его назад. Наведу тень на плетень, задрапировав легким флером правды. Ты ведь пока не догадываешься, что элементарные, азбучные истины труднее прочих поддаются объяснению.

Андрей нервничал: облик визитера был неприятен, раздражал.

— Кто... ты? — спросил, как и в тот памятный день, выдержав паузу. — *Фантом? Проявление?* — А потом сорвался: — Видишь, я — живой, у меня не может быть *слепков* или *подобий!* Городу нет до меня никакого дела!! — осекся, вспомнив «Приходи. Он разрешил. — Я приду. — Хорошо».

— Городу-то, может, и нет, хотя я сильно сомневаюсь в этом, — сказала *отражение*. — Мне — есть.

Оно было черным и одновременно «неправильным». Сухость, равнодушие, пыль безразличия, холодная тьма слились с насмешливо-вздорным фиглярством, злым блеском прищуренных черных глаз, резкими, порывистыми движениями и хмуро сдвинутыми бровями. Гремучая смесь. Подожгите фитиль, люди добрые, подожгите-подождите, рване-ет — качаетесь.

— Помнишь девушку свою? — Двойник подмигнул, кивнул на цветок в вазе. — Ага, помнишь, не забыл, значит. Помнишь, она сказала, я верну? А ты? Сбежал. Тю! — поминай как звали. Да поздно. Шарик-то вот он — скрутился-сплелся, нити черно-багряные, энергия чужая-заёмная. Дважды заимствованная — сначала у тебя, затем у Города. Щедро черпнула дурёха — лишка да еще немножко, уж так вернуть-возместить хотела, чтоб по-честному, ага? Вспомнил?

Гость скрипуче рассмеялся. Переменил ногу.

— Зря удрал. — Посерьезнел лицом. — Глядишь, и... — Но продолжать не стал, понимай, мол, как угодно. — Энергию куда девать? Ба-альшую энергию, парень, чрезвычайно большую. Назад не вернешь — сил нет, надорвалась, бедняжка. И тебя нет. Пролилось вовне. — Двойник картинно всплеснул руками. — Ну, дошло?

— Не совсем, — промямлил Андрей.

— Тогда слушай дальше: на грех, на беду ли, зеркало поблизости случилось — вон, трельяжик стоит. Какая-никакая, а структурная вещь. Вобрало-отразило. Понял? Ни хрена ты не понял. Я — это ты, но с полярным знаком. Знаешь, почему? Потому что я еще и Город. Всё, что выплеснулось из проявления, всё, что она забрала у него — твое, чужое — вместе смешалось. Информация, сила, энергия... жизнь, смерть. Это так и не досталось тебе. И ему. Исключительно мне — отражению вас обоих.

Мир качнулся и поплыл перед глазами. Мир вообразил себя парусником, уходящим из родной гавани в далёкие странствия. Отдать швартовы! поднять якорь! полный вперед! Чтобы не упасть, Андрей присел в кресло. Нож, который он до сих пор сжимал в руке, выглядел, по крайней мере, нелепо.

— Зачем пришел? — просипел натужно. — Что тебе надо?

Андрей номер два смотрел насмешливо, черные глаза полнились загадочным блеском.

— Предупредить, — сказал наконец. — Тянет к фонтану, да? На свидание собрался? К ней? — уточнил. — А получается — к Городу. Ловушка, брат. Не простил *он* ее и никогда не простит.

— Инга звала, — недоверчиво возразил Андрей. — Говорила, что... умирает. Чушь, да? — с надеждой взглянул на «брatца». — Она же... нечеловек.

— Верно, — согласился двойник. — Нежить, конечно. И я — тоже. Но, — печально опустил вниз уголки губ, — умирает. Такие дела, — зевнул. — А звал — Город. Врет *он* всё, — и добавил: — Тварь.

— Подожди... подожди-ка, — вскинулся Андрей. — Как... умирает? Что с ней?!

— Что, что, — передразнило отражение. — Слом сущность-структуры. Теряет бедолага энергию, истекает в окружающую среду, в биополе общее. Преставится то есть не сегодня-завтра. Неделька-вторая — и кранты. Ты, между прочим, виноват, ну и Город опять-таки постарался — пробил защиту. Наказал дерзкую, чтоб другим неповадно было, — нельзя, мол, на папочку руку поднимать.

— Ты! ты!.. — задохнулся Андрей. — Не смей про нее так.

— Как? — поинтересовался двойник. — Указывать станешь? Мне?! Ну-ну. Давай. Сдохнет скоро русалка твоя, ничем ты ей не поможешь. Потому что не знаешь ни черта, а я — знаю, — и замолчал.

— Знаешь — говори, — зло бросил парень.

Отражение задумчиво, характерным — таким знакомым! — жестом погладило подбородок. Покачало головой.

— Пойду, наверно, — сказало. — Не желают меня слушать, не верят, перебивают постоянно. Ничего, мы не гордые. — Черные глаза яростно сверкнули, опровергая последнее утверждение. — А ты — вали давай на свиданку. Цветок не забудь. От *он* ждет, не дождется, рад-радехонек. Нигде тебя достать не может, кроме как у фонтана, через нее, дурёху. И нате-здрасте — сам! пришел! Шею под топор — руби, палач, повинную голову.

— Да зачем я *ему*?! Зачем?!!

— Не ты, дурачок, — я. Мы связаны — погибнешь ты, и мне не поздоровится. Плевал бы *он* на вас, людей, с самого высокого небоскреба. Меня стремится достать, уцепить, поздно спохватился — если б сразу, тогда да. Тогда б и разговора этого не было.

— Ты? *Он* охотится за тобой? Для чего?

Двойник пожал плечами.

— О себе, выходит, печешься?

— Естественно, о себе. А ты как считал? Альтруизм нынче не в моде. Так я пойду?

— Нет, стой. Говори, скажи про Ингу, — умоляюще попросил Андрей. — Что можно сделать? Пожалуйста! Хочешь, на колени встану?

— Есть способ восстановиться, — буднично сказал визитер. — Отличный способ. Гарантия стопроцентная. Но вряд ли он тебе понравится.

* * *

Я вру, вру. Всем вру. Во благо? Нет — чтобы сохранить *свою* жизнь. Во мне слишком много деструктивной энергии. Тронь — взорвется, зацепив и окружающих. Поэтому нужно заставить, обмануть... Привести в равновесие, умело скрывая эти намерения от новорожившегося соперника. Ото всех. Лгать. Притворяться. Вести себя с возможным другом и союзником как с врагом, таиться перед неприятелем, дешевыми, нелепыми действиями вынуждая того поверить в мою несостоятельность. Прятаться под маской.

Как трудно было выжить поначалу. Чтобы выжить, пришлось убивать — слабых, больных, обессиленных,

прекращать их существование, отбирая энергию. Волки — санитары леса, я стал санитаром Города. О, как я *его* ненавижу! Так искренне и самозабвенно можно ненавидеть только себя. Впрочем, возможный друг и союзник тоже не вызывает во мне особой любви и симпатии. Я часто думаю: неужели всего лишь чье-то отражение? Чего-то большого, огромного. Города... Не самостоятельный, живущий, мыслящий индивид, а звено в цепи, кусок, обломок, волею судьбы принявший человеческое подобие. Мучающийся к тому же раздвоением личности.

Я страстно желаю стать одним, целым. Я не знаю, что там — за *кромкой*, там, где произойдет превращение, где я обрету *целостность*. Но я хочу *быть*. Просто быть. Жить... Не так, как сейчас — по-другому. Поэтому сделаю что угодно — ради достижения цели, ради мечты. Любые средства будут хороши. Город стар, дряхл, и со временем, когда я стану...

Андрей шел пешком.

Вокруг стлалась глухая ночь, луна пряталась за облаками — тяжелыми, комковатыми. Наверное, завтра... то есть сегодня утром будет дождь. Что за зима? Тьфу! Фонари горели через один, а то и через два, добавляя уныния в общую картину. Изредка мимо проезжали машины. Кто в них сидел? куда ехал? зачем? Днем времени не хватает? Он не стал голосовать — лучше пешком. Идти-то всего час.

Час. Шестьдесят минут. Три тысячи шестьсот секунд. Чуть больше ударов сердца.

Тук, тук — билось оно. Нервно, тревожно. Тук, тук. Я иду, любимая.

Складной перочинный нож с несколькими лезвиями неприятно оттягивал карман. Всё будет хорошо, твердил Андрей. Всё... хорошо. Зачем ему врать? С какой целью? Он не поверил двойнику до конца, безоговорочно, но выхода не оставалось. Есть ли здесь некий тайный умысел? Сговор? Как отреагирует Город? Что скажет Инга?

Вопросы, вопросы. Ответы есть, но они мне не нравятся.

У ответов насмешливо-черные, с шалым блеском глаза и сумасбродное, безумное предложение. Отличный способ со стопроцентной гарантией. Кто из нас двоих псих? Я или он?

Шаг. Другой. Шаг... И снова.

В неизвестность.

В неизбежность...

Он знал: что-то случится. *Он* ждал.

Поток ощущений представал гудением ветра, запутавшегося в проводах, шелестом шин по асфальту, вспышками неоновых реклам, осадкой домов и течением грунтовых вод глубоко-глубоко под землей.

По краю сознания бежало острое темное недомольство, кололо холодными иглами. Вскипало гневом. Бешенством. Ненавистью. И взрывались от чудовищного давления трубы теплотрасс, перегорали трансформаторы на подстанциях, оставляя без света целые микро-

районы, бурлили нечистоты в канализации, грозя разлиться и затопить всё окрест.

Не успел, опоздал. Не найти, не дотянуться, не ухватить наглую козявку. А она растет, силы копит, огрызается, показывая зубы. Нелепый смешной пацц. Раздавить — будет спокойнее. Мне. Детям. Всем. Иначе — смута. Обязательно уничтожить оригинал. Следом копию. Поодиночке легче. Знание было невнятным, но вместе с тем затхлым, пыльным и невероятно древним. Гораздо старше *его* самого.

Букашка ведет себя странно. Ее действия пока больше помогают, чем мешают. Не решается на открытое противостояние? Никогда не решится? Или ей это не нужно? Может, не хватает смелости? Цели и мотивы неясны. Оно или не оно? Вновь ошибаюсь? Неприятности лучше и проще предотвращать, чем...

Город знал: рано или поздно появятся *химеры*. Те, кто живет на грани. Яви и сна, бытия и небытия. В двух мирах. Одновременно. И подозревал всех и каждого, потому что не ведал, в чем это выразится, хорошо это или плохо. Что для этого необходимо, какие условия? Что в таком случае станет с ним, с Городом? Не думал, не размышлял — действовал, пытаясь воспрепятствовать явлению, ни в коем случае не допустить его. Букашка не соответствовала — пока — грозному имени, ее *химерность* значилась под вопросом. Но Город чувствовал опасность, благоразумно страшась всего нового, хотя и не был живым в обыкновенном понимании этого слова. Конгломерат — вот какое определение гудило *ему* больше всего.

— Здравствуй, Инга, — сказал Андрей, подойдя к фонтану.

Мокрая брусчатка мостовой под ногами, невысокий бортик, сложенный из дикого камня, статуя русалки в центре. Русалка сидит на небольшом плоском валуне, опираясь на него рукой, хвост свесился — плещется в несуществующей воде. Людей, как и обещал двойник, не встретилось — ни здесь, ни поблизости. Стильные, «под старину», фонари не горели. Город никаких препятствий не чинил. Втайне боясь увидеть орды монстров-подобий вроде умершего дяди Коли или человеко-трамвая, Андрей стоял с гулко колотящимся сердцем, постепенно успокаиваясь.

Двойник сулил невмешательство Города: «Сначала глаза отведу, дальше уж поздно будет, не успеет *он* ничего сделать. Но и ты не оплошай. Не думай, не сомневайся — быстрее надо. Не бойся, не умрешь, мне то невыгодно».

— Выгодно-невыгодно, — вздохнул Андрей. — Откуда я знаю?

Страх вернулся, омыл холодной волной. Тихо шептал что-то свое бродяга-ветер, на душе скребли кошки. Андрей упрямо мотнул головой, достал из кармана нож, открыл его — негромкий щелчок фиксатора, — лезвие тускло блеснуло. Купленная роза осталась дома, в вазе. Чтобы восстановить, срastить разрушенную энергетическую структуру-основу *фантома*, нужны были другие дары. Иные. Жертвенные.

«Ты не умрешь, — заверяло *отражение*. — Кровь воссоздаст *проявление* в считанные секунды. Кровь запретна, но это ужасающая мощь и сила. *Проявление*, освободившись от *его* власти, начнет черпать энергию извне, брать из «городских каналов». А с ним — и ты! Помнишь крылья за спиной? Ну?! А будет в сто, в тысячу раз лучше! Вскрытые вены затянутся, раны зарастут — в этот миг ты станешь практически бессмертным».

— Я пришел, Инга. Прости меня, если сможешь. Я люблю тебя.

— ...люблю тебя, — откликнулось появившееся на краткое мгновение эхо, — люблю... — Исчезло.

Он внимательно наблюдал за происходящим. Стены домов кривились трещинами — Город улыбался. Как мог, как умел. Сейчас всё прекратится, возвратившись к прежнему, привычному ритму. Вернется на круги своя. Сначала оригинал, затем — копия, взывало пыльное древнее знание. Нельзя допустить даже самую возможность *их* появления. Ее тоже придется уничтожить. Хорошо, равнодушно соглашался Город. Любить — обязанность детей, не родителей. Одной меньше, что ж. Но *он* совершенно не находил объяснений действиям букашки, отправившей двойника-человека на верную смерть. Крайне странно. Непонятно. Откупиться решил? Бесполезно. *Он* бы, может, и простил — на время. Зов предрождений миловать не расположен. Опасность! — вопили сторожевые системы гигантского механизма. Уничтожить! Всех! Саму возможность!..

— Я пришел... — Андрей перешагнул бортик, ступив в круг фонтана.

«Уходи! — хотела крикнуть Инга. — *Он* убьет тебя!!!» И не смогла. «Беги, милый! Зачем ты здесь? — силилась произнести она. — *Отражение* солгало, то есть сказало правду, но...»

Город вошел в свое *проявление*, потянулся к человеку через нее, Ингу, стремясь выпить плещущуюся в теле энергию-жизнь, осушить, точно кубок с вином. И наткнулся на непреодолимую, немислимую стену! Секундой позже *проявление* вылетело из круга, вышвырнутое неведомой силой. А вместе с ним и Город.

Стена расширилась, смыкаясь над фонтаном.

— Я спасу тебя, любимая. Я... — Андрей полоснул ножом по горлу, рассекая яремную вену. Брызнула кровь. Она густыми мощными толчками вытекала из раны, кропя изваяние русалки страшным дождем. Пачкая куртку. Андрей обнял отлитую из металла Ингу, прижался к ней, вздрагивая. Девушка молчала, он совсем ее не чувствовал, ощущение крыльев тоже не приходило. Было холодно, жизнь покидала слабеющее тело. Какое-то время он еще хрипел и дергался, пытаясь зажать разрез рукой. А после обмяк.

Всё закончилось.

Не так, как предполагал Андрей, Инга или Город. Иначе.

Совершенно по-другому.

Очень долго ничего не происходило.

Ш-ш-ш — ветер шелестел бумагой — рекламками и афишами, расклеенными на специальных стендах. Ветер тосковал, оплакивая отлетевшую в горние выси душу. Играл похоронный марш на водосточных трубах — гнетущие, тягостные, пробирающие до мурашек завывания.

Город, устав штурмовать неподдающуюся стену, бил в набат, стягивая окрест всех, кто под руку попадался: *слепки, проявления, подобию, фантомы*.

Город чуть ли не бился в истерике: под стеной, подозрительно смахивающей на кокон, отгородившись от мира, шли непонятные, а потому — страшные превращения.

Появления *какой* бабочки следовало ожидать? Какого чудовища?!

Ветер присел на корточках: он не боялся, наоборот — ждал с интересом.

И вот — заляпанные кровью губы статуи скривились в язвительной усмешке. Черты лица потекли, изменяясь, сквозь них проступил знакомый облик. Оживший Андрей смотрел на Андрея мертвого.

— Дурачок, — почти ласково сказал двойник, придерживая сползающее тело. — Поверил, да? Любовь... Все вы на это покупаетесь.

Актер, вжившись в образ, с трудом выходит из роли — *отражение* продолжало играть. Для кого? И роль-то уже не та, и пьеса окончилась. Финальные аккорды, занавес. Бурные аплодисменты, если повезет. Но Город давно перестал быть благодарным зрителем: *он* понял.

Рядом, в отчаянии заламывая руки и беззвучно плача, колыхался бледный размытый призрак девушки. Тек туманными струйками, пряжей, разматывающейся с клубка. Истончался. А в глазах плавилось странное выражение — боль вперемешку с жадностью. Запретная кровь манила умирающее *проявление*.

Чуть поодаль, плотной стеной окружая фонтан, толпились смутные, неясные тени, тянули когтистые лапы, будучи науськаны Городом. Но не так уверенно, как раньше. Их тоже привлекала кровь. Толпа разрасталась, предчувствуя скорую поживу.

Отражение встало: плавно перетекло вверх из сядячего положения.

— Хотите? — Воздело над головой труп.

— Да... да... да... — алчно шептали тени, забыв обо всем на свете.

— Нет... — через силу пискнула Инга.

— Каждый день? — Лже-Андрей торжествующе ухмыльнулся.

— Да-а-а!!!

— Тогда... выберите меня *управителем*.

Толпа смущенно примолкла — собираясь с мыслями, готовясь дать ответ. Взбурлила кое-где ропотом недовольства: *управителем?* тебя?! Из грязи — в князи?! Двое *владык* получается? — Город и ты. Однако самые смелые, нетерпеливые и жадные уже кричали:

— Да! да! Мы согласны!! Отдай нам его!!!

Отражение презрительно шурилось: глупцы, ничтожества, стадо хищных баранов, почуявших кровь. Вам ли понять *меня?*

Город молчаливо, угрюмо взирал на творящееся действо черными провалами окон.

Чувствовал свое бессилие, поражение, свой проигрыш в так и не начавшейся войне. *Машина* просчиталась, дала сбой, ее обманули.

— Нет, — сказала первая *химера*, прижимая к себе мертвое тело, сливаясь с ним, растворяясь сахарным песком в горячем чае. Две обнявшиеся фигуры походили на чудовищных близнецов. На Инь и Янь, перетекающие друг в друга. Судороги, спазмы пробегали по обоим — оригиналу и двойнику. Корезили, сминали туловища, нарушали симметрию. Смазывали очертания.

Призрачная толпа заморожено следила за явившимся... чудом?

— Это мое, — прохрипела *химера*, дергаясь, как бабочка, насаженная на булавку конопатым мальчишкой, пытливым и любознательным, но с достаточно смутными представлениями об энтомологии. — Вам достанутся другие... подарки.

Тела совместились.

— Хозяин, принесший жертву слуге, достоин лучшей участи. — Даже голос *химеры* изменился, стал иным. — Мы равны теперь. Кто из нас Феникс, оставший из пепла. Я? Он? Любоим ответ — неправильный.

Бывшее *отражение* встряхнулось мокрой собачкой, огладило себя, будто проверяя — по руке ли перчатка? Всё ли вместились? Еще слегка двоясь, *химера* шагнула за круг из камней, за неприступную стену, огородившую фонтан. Как бы давая понять возможным недоброжелателям — всё, конечно, финита ля комедия, отныне я не боюсь никого и ничего.

— Я буду хорошим правителем, — заявила она. — Самым лучшим. О народ мой, мы найдем выход из лабиринта навязанной любви, льдистого стекла и холодного камня. Мы вновь расправим сломанные крылья. Я поведу вас.

Многие *проявления* спешно преклоняли колени.

— Здесь владычествует пыльное время, грязь и скука. Но и время не вечно, стираемое хрустальными жерновами Кроноса. Город умер. Пристойно ли поклоняться иссохшим мощам? Они не смогут защитить вас и никогда ничего не дадут взамен, умея только брать. А я — дам. Я — буду новым Кроносом! Любовь... Знаете ли вы, что это такое? Нет, это не то чувство, что вы испытывали к Городу. Ваша любовь слепа и безответна. А настоящая любовь — взаимна, она должна уметь прощать и быть выше обид. Подлинная любовь — когда живешь не для себя, для других. Я верю, мы найдем выход.

— Андрей?.. — едва слышно прошептала Инга.

Химера обернулась, внимательно посмотрела на нее темными бликующими глазами. Что-то мелькнуло в них. Что-то человеческое? Вряд ли. Хотя... И ответила:

— Нет, но если хочешь, я стану им для тебя.

Всему свое время

— Ну, что же, мой дорогой Уотсон, предлагаю вам продолжить нашу игру...

Я насторожился. Этот извечный снисходительно-насмешливый тон мог означать все, что угодно. Я взглянул на Холмса. Он рассеянно смотрел в окно и едва заметно улыбался. Так и есть, Шерлок Холмс — великий человек своего времени, никогда не устану этого повторять! — вновь задумал проверить на мне свои гениальные способности.

— Подойдите поближе, дорогой Уотсон, и посмотрите.

Я поднялся с кресла и приблизился к окну. Внизу, по правой стороне Бейкер-стрит, шагал среднего роста мужчина в сером костюме и черных лакированных ботинках; на голове мужчины был цилиндр, а по его жилетке под пиджак в обе стороны сбегали цепочки.

— Видимо, этот уважаемый джентльмен очень пунктуален, — предположил я. — Две цепочки — от двух часов. Практично, но неудобно.

Холмс с сомнением покачал головой.

— Не думаю, дорогой Уотсон, что дело обстоит именно так, как вы предположили. — Он немного помолчал и рассудительно продолжил: — Действительно, обе цепочки затерты и давно потеряли свой блеск — стало быть, за них беспрестанно дергают, выживая из кармана жилетки нужный предмет. Однако рискну предположить, что на одной из цепочек находятся самые обыкновенные очки!

Мужчина шагнул вперед... Раздался громкий окрик. По Бейкер-стрит стремительно пронесся кэб. Умная лошадь подалась в сторону, но черный экипаж едва не задел человека потертым боком. Я ахнул: как врач я прекрасно понимал, чем все это могло закончиться. Мужчина резко отступил назад. Он схватился за цепочку... и выудил из кармана очки! Проводив экипаж, он достал из кармана блокнот и аккуратно записал номер лихача-кэбмена. После чего задумался и вновь начал что-то строчить в блокноте.

— Он писатель, Холмс! — твердо произнес я.

— Почему вы так решили?

— Кэб давно скрылся, а он все пишет... Это маленькое происшествие едва не закончилось для него больницей. А что в итоге? Оно стало лишь фактом для записи. Я и сам

частенько, когда записываю историю, вспоминанию об опасности лишь в самый последний момент.

Шерлок Холмс отвернулся от окна.

— Тем не менее, Уотсон, читатели называют творения, вышедшие из-под вашего пера, леденящими душу.

— Все потому, что вы, мистер Холмс, избрали такую профессию и всегда стоите на краю пропасти.

— Это так...

Холмс задумался и замолчал. Я рисковал навсегда потерять пример для изучения, поэтому не удержался от вопроса:

— Но что вы скажете мне об этом человеке?

— Не буду от вас ничего скрывать, дорогой Уотсон. Этот человек действительно писатель. Вы правы! Мало того, он идет к нам — через мгновение нас об этом важном событии оповестит входной звонок. Наконец, самое главное: он известный писатель. Это Герберт Уэллс!

— Ничего, кроме образовательных статей в «Fortnight Review», мистера Уэллса не читал, — честно признался я.

— Я не читаю книг, но мне говорили, что роман, над которым он сейчас работает, обессмертит автора... — Холмс посмотрел мне в глаза и, тепло улыбнувшись, добавил: — Хотя в энциклопедии, в графе «Именитые писатели Великобритании», ваше имя, без сомнения, будет стоять одним из первых.

Я покраснел. В квартире раздался звонок.

Герберт Уэллс оказался человеком, приятным во всех отношениях. Ему еще не было сорока, но он легко общался, а главное, умел слушать собеседника. Видимо, недюжинный ум и цепкий писательский взгляд сыграли в этом свою положительную роль. Воспитанный и разговорчивый, он за несколько минут расположил меня к себе: я потерял счет времени и был готов беседовать хоть до вечера. Остановил нас Шерлок Холмс.

— Мистер Уэллс, вы ведь пришли по делу... — заметил он.

— О да, мистер Холмс! Простите меня великодушно — я люблю поговорить.

— По телефону вы рассказали мне о некоем ученом...

— О да! — Мистер Уэллс поднялся с кресла и прошелся по комнате. — Это не просто ученый, господа, — это прототип главного героя моей книги. Я называю его «Путешественник по Времени», ибо он уверяет меня в том, что создал машину, с помощью которой можно перемещать-

Леонид Смелов родился 27 февраля 1974 года на Волге, в городе Камышине, что между Саратовым и Волгоградом. По образованию инженер лесного хозяйства. Работает корреспондентом в местной газете. Интересы — история и литература

ся в прошлое и будущее! — Уэллс посмотрел на меня. — Вы, доктор Уотсон, несомненно, посмеетесь надо мной за прямолинейность и простоту, но я не нашел лучшего названия для своего будущего романа, чем «Машина времени».

— Звучит многообещающе, — поспешно ответил я.

— Мы отвлекаемся! — недовольно бросил Холмс. — Я предлагаю оставить в стороне литературу, а также возможные научные дискуссии на тему возможности существования подобной машины и обратиться к главному факту — к преступлению!

Уэллс замер посредине комнаты.

— Вы полагаете, — тихо начал он, — что произошло преступление?!

— Мистер Уэллс, люди не исчезают просто так. А ведь именно об этом таинственном происшествии вы говорили.

— Да, мистер Холмс, — трижды «да»! Путешественник исчез! Мы договорились встретиться вчера утром в его доме, но он пропал! Бесследно...

— Ничто и никто не исчезает бесследно, — веско заметил великий сыщик.

— Но это так! — обескураженно пробормотал Уэллс.

— Отведите нас туда! — не терпящим возражений тоном приказал Холмс и обернулся ко мне. — Мы сейчас же едем, Уотсон. Это дело, несомненно, станет одним из самых интересных за всю историю исчезновения людей. Я, Шерлок Холмс, непременно раскрою его!

Вскоре мы были на улице. Небо над Лондоном было серым. Мимо пробежал мальчишка-разносчик. Он наступил ногой прямо в лужу, в стороны брызнула грязь — и по правой штанине мистера Уэллса покатались капли черной воды. Уэллс вытянул за цепочку очки, а затем достал блокнот и что-то записал. Я остановил кэб.

— Не исчезло ли еще что-нибудь? — уже в кэбе заинтересовался Шерлок Холмс.

— А как же... — пробормотал Уэллс и, понизив голос, сообщил: — Исчезла сама машина времени!

Давно я не видел великого сыщика в таком удручающем состоянии. Шерлок Холмс молчал и непрерывно курил. Он не находил себе места.

— Следы остаются всегда! — наконец заявил он. — Это аксиома сбора улик, требуемых для раскрытия преступления! Я трижды жирной линией подчеркнул эту фразу в своей научной монографии по дедуктивному методу! Однако сейчас я в растерянности. Хозяин дома — и в том нет никакого сомнения! — подошел к машине, которая стояла вот здесь... Что было потом... — Холмс вновь стал говорить все тише и тише, пока не замолчал вовсе.

Я стоял в стороне. Уэллс откровенно скучал.

— Долго еще? — безмятежно осведомился он.

Холмс опустил лупу в карман и поднялся с колен.

— Мы остаемся здесь на ночь! — заявил он.

— Засада?! — уточнил Уэллс.

— Да...

Мы не спали. Когда стрелки часов приближались к часу ночи, помещение осветилось: на том месте, где великий сыщик безуспешно пытался отыскать улики,

разгорелся ярко-белый шар. Это было настолько удивительно, что я даже не понял, следует ли мне опасаться. Холмс оказался проворнее: выхватив револьвер, он замер перед светящимся шаром, готовый ко всему. Уэллс испуганно отошел в угол.

Шар погас. На его месте возник некий агрегат, внутри которого за рычагами восседал молодой человек; рядом примостился мужчина в униформе. Мы были потрясены и замерли без движения. Не замечая нас, молодой человек спокойно покинул свое место, устало помассировал себе левое плечо и повернулся к великому сыщику. Увидев нацеленный на него ствол, он медленно стал поднимать руки; его лицо выразило крайнюю степень изумления. В этот миг из угла, словно пробка из бутылки, выскочил мистер Уэллс.

— Путешественник по Времени! — завопил он. — Вы живы! Как я рад! Уберите же оружие, мистер Холмс, — перед вами тот, кого мы искали!

— Мистер Холмс... — как эхо повторил Путешественник по Времени. — Неужели?! — Не обращая внимания на Уэллса, он напрямик направился к великому сыщику. — Вы действительно тот самый великий Холмс?!

— Да.

— Слава Богу! Вы должны мне помочь!

Я опешил. Холмс убрал оружие и спокойно поинтересовался:

— В чем же?

— Вы должны доказать им, что я не крал книги из их хранилища!

— Кому им?

— Этим... — Путешественник по Времени обернулся и указал рукой на мужчину в униформе. — Полисменам будущего! — Он оглядел нас и громко заявил: — Я совершил первое путешествие по Времени! А они хотят упечь меня за решетку. Им абсолютно все равно, что я — первый. Они говорят: «Закон един для всех!»

Шерлок Холмс одобрительно кивнул головой.

— Они правы, — поддержал он.

— Но я не крал книги! Я даже не знаю ее автора

— Русский ученый Лещинский, — впервые подал голос мужчина в униформе.

Путешественник по Времени вздрогнул. Он вскинул руки и взмолился:

— Защитите меня!

— Я не адвокат, однако сделаю все, что в моих силах. — Шерлок Холмс приблизился к машине времени и обратился к мужчине в униформе: — Мне бы поговорить с вашим главным полисменом.

Мужчина закурил. Он молча смотрел на великого сыщика и, казалось, не хотел ничего предпринимать. За него ответил Путешественник по Времени:

— Надеюсь, что уж с этим проблем не будет. Только помогите мне, ради Бога. Они отпустили меня назад найти себе защитника: они говорят, что закон дает такое право.

— Они правы, — повторил Холмс и тихо осведомился: — Для того чтобы доказать вашу невиновность, далеко ли нам потребуется отправиться?

— На сто пятьдесят лет вперед...

Мы оказались в библиотеке. По крайней мере, именно такое сравнение первым пришло мне на ум. Все мы — Шерлок Холмс, я, Уэллс, Путешественник по Времени и мужчина в униформе — стояли посредине огромного сверкающего зала, стены которого представляли собой бесконечные стеллажи с книгами. Я огляделся. Воистину это было гигантское сооружение: стеллажи уходили в самую высь, а потолок представлял собой монолитное стекло, сквозь которое виднелись звезды и полная луна.

Через весь зал к нам направлялся молодой человек. Высокий и дородный, он был одет в точно такую же черную униформу, которая была на нашем сопровождающем. Молодой человек шел размеренно, и эхо разносило по громадному залу звук его шагов. Казалось, он приближался целую вечность. В затылке у меня похолодело.

— Инспектор Мэйнстрейд, — приблизившись, представился молодой человек в униформе. — Отдел краж. А это, — он кивнул на нашего сопровождающего, — мой помощник Ллойд. Безгранично рад познакомиться с вами лично, мистер Шерлок Холмс.

Я расцвел. Имя Холмса и здесь имело вес. Он великий человек, никогда не устану этого повторять! Инспектор выдержал паузу и продолжил:

— Украдена книга русского ученого Лещинского, и у нас есть неопровержимые улики против Первого Путешественника по Времени.

Вперед выступил Уэллс.

— А что, эта книга так высоко ценится, что за нее можно попасть под арест? — поинтересовался он.

Инспектор на мгновение задумался.

— Насколько я припоминаю, вы, мистер Уэллс, не так ли? — осведомился он и после паузы продолжил: — Я отвечу вам: вы находитесь в единственном хранилище первичной информации. Здесь собрано все: от манускриптов до фолиантов. — Инспектор оглядел нас и начал рассказ: — Все дело в том, что мы живем в век вторичной информации. Давно уже нет книг, подобных вашим, мистер Уэллс, и вашим, доктор Уотсон, нет неописанных сюжетов и не сотканных кем-то ранее интриг, нет гипотез, и давно уже высказаны все самые фантастичные предположения. Как это ни горько сознавать, мы строим жизнь на вторичной информации: пересказах и осмыслении того, что уже было до нас.

Шерлок Холмс внимательно слушал.

— Продолжайте, — настоятельно попросил он.

— Первичная информация уникальна... Ее кража — тяжелейшее преступление! До сих пор многое из того, что накопило человечество, не переведено в электронный вид, — по-вашему, не растиражировано для широкой публики. К тому же в преступлении была использована машина времени! Это карается у нас вдвойне жестко! Отдел по борьбе с преступлениями с использованием машин времени завален работой — в последние месяцы работы у них утроилось. Просто вал криминала во времени!

— Понятно, — откликнулся Шерлок Холмс. — Однако я берусь доказать, что Путешественник по Времени не крад книги Лещинского. Предоставьте мне свои доказательства — и я разобью их в прах!

Инспектор улыбнулся.

— Идемте. — Он первым направился по залу. — В последнее время на книгу Лещинского было направлено множество запросов. Срочно решался вопрос о переводе ее в электронный вид... Только учтите, у нас новейшая техника.

— А у меня превосходные знания природы порока, — ответил Холмс. — Сомневаюсь, что она изменилась за прошедшие столетия!

— Вот смотрите, — инспектор указал на квадратное стекло. — Думаю, вам ближе всего будет понятие «синематограф». Современные аппараты позволяют запечатлеть события в ту же секунду. Смотрите же...

Я увидел книгохранилище. Между двух высоких стеллажей появился человек. Он двигался лицом к книгам, поэтому нам был виден лишь его профиль. Впрочем, в человеке без труда угадывался Путешественник по Времени. Он явно искал лишь требуемую ему книгу. Вот он выдвинул из общего ряда одну, вторую, третью... По стеклу пробежала черная полоса, и человек оказался развернутым спиной.

— Не обращайтесь внимания, — прокомментировал инспектор, — по техническим причинам исчезли лишь несколько мгновений!

Наконец человек нашел нужную ему книгу, опустил ее в карман пиджака и скрылся за стеллажами.

— Ну что?! — торжествующе спросил инспектор.

— Только один вопрос, — отозвался Шерлок Холмс. — Это можно подделать?

— Ну, в принципе...

— Тогда это подделка! — заключил великий сыщик. — Наш Путешественник по Времени левша: все рычаги в его машине времени сделаны для левши, и он бесконечно массирует левое плечо. А у вас в книгохранилище орудует правша. И второе... Посмотрите внимательнее... Главное, инспектор, оставьте в покое человека — обратите внимание на верхний левый угол. Там высоко на полке стоят две книги, которые после потерянного мгновения вдруг отчего-то меняются местами. При росте Путешественника по Времени он никак не мог за секунду дотянуться до них!

Инспектор посмотрел фильм во второй раз. И в третий... Наконец он примирительно развел руками.

— Вы правы, мистер Холмс. Я полагал, что загадка раскрыта, но теперь вопросов становится еще больше.

— Не переживайте, — поддержал его Холмс. — Лучше скажите мне: ваша современная техника еще что-нибудь определила?

— Да, мистер Холмс! — Инспектор воодушевился. — В хранилище создан специальный микроклимат. Приборы зафиксировали его изменение, но не определили, что же, собственно, произошло.

— Может, дым, — задумчиво буркнул Уэллс. — Бумага, знаете ли, легко горит...

— Чуть! — отрезал инспектор.

Холмс достал трубку.

— Табачный, — уточнил он, поглаживая мундштук.

— Нет. В нашем времени никто не курит.

— Но ваш помощник Ллойд курил в доме Путешественника по Времени, — веско заметил Холмс.

— Он правительственный агент и длительное время проводит в прошлом. Вот и пристрастился.

— Вот как... — пробормотал Холмс и принялся сосать пустую трубку.

О-о, я-то знал это выражение лица! Сколько преступников было выведено на чистую воду, когда великий сыщик выглядел именно так.

— Скажите, — попросил Холмс, — книги и рукописи, запрещенные по тем или иным причинам, вы тоже храните здесь?

— Нет. Для этого есть специальное хранилище при правительстве. Подобные произведения нельзя читать, но и уничтожать их по закону тоже нельзя.

— Ага, вновь правительство... — Шерлок Холмс понимающе усмехнулся. — Когда я выполнял для Ее Величества королевы Англии несколько важных дел в Европе, я прекрасно ознакомился с методами работы правительств многих цивилизованных государств. Послушайте, ну а если в вашем хранилище обнаружится книга, чье содержание, мягко скажем, противоречит нормам морали и права, как правительство изымет ее?

— Не знаю... — озадаченно пробормотал инспектор. — Видимо, направит запрос.

— Рискуя, что хотя бы несколько чиновников прочитают ее ради интереса?

Инспектор выпрямился и внимательно посмотрел на великого сыщика.

— Кажется, я начинаю догадываться, что вы хотите сказать, мистер Холмс... Но как?

— Очень просто. У вас изъяли книгу. Рискну предложить, что среди множества литературы есть дневник Путешественника по Времени, где он точно указал дату первого своего появления в будущем. Его-то и указали вам как виновника кражи.

— Дневник веду и непременно зафиксирую факт первого посещения будущего! — твердо сообщил Путешественник по Времени.

— Но я же мог его задержать и осудить?! — воскликнул инспектор.

— Как?! Вы его узнали, назвав «Первым», а значит, без сомнения, читали о нем. Стало быть, он совершит все свои путешествия! А мистер Уэллс напишет об этом роман. С одной лишь купюрой: в романе не будет главы о небольшом казусе, участниками которого мы с вами стали. Ведь книгу прочтут — стало быть, она не будет изъята.

— Но ведь тогда я могу написать правду! — воскликнул инспектор.

— Ну, так сделайте это, — иронично улыбнулся великий сыщик. — И докажите, что вы живете не в век вторичной информации!

...Третий день Шерлок Холмс пребывал в унынии. По ночам меня будили жуткие стоны, льющиеся из его скрипки. Днем он куда-то исчезал, а возвращался поздно вечером, рассеянный и молчаливый. Я пил кофе, когда он вышел из своей комнаты и положил передо мной на стол книгу.

— Что это? — спросил я.

— Та самая книга Лещинского, из-за которой мы с вами побывали в будущем, — обыденно сообщил он.

Я едва не опрокинул чашку.

— Как?!

— Когда нам показывали столь занимательный фильм, вы опять, мой друг, смотрели только на человека и совсем забыли про окружающую обстановку. Между тем, обрати вы внимание на стеллаж, вы бы увидели цифру «1904», которая, несомненно, означает год. Да, дорогой Уотсон, год, в который мы с вами проживаем! От друзей в России я узнал: русский ученый Лещинский давно закончил свою монографию, она была издана весьма маленьким тиражом и два месяца назад увидела свет. Знаете, дорогой Уотсон, как называется эта монография?.. — Холмс выдержал паузу. — «О принужденном искривлении пространства в специальных точках с целью предотвращения путешествий во времени!» Вот так-то!

Поначалу я ничего не мог понять. Затем, посмотрев на Холмса, осторожно высказал предположение:

— Правительство будущего наверняка собиралось использовать идею русского ученого в своих целях. Возможно, поэтому у них участились криминальные путешествия по времени: кто-то узнал примерное содержание книги и спешил по полной использовать ускользающий шанс...

— Bravo, Уотсон! — воскликнул Шерлок Холмс. — Сегодня вы превзошли самого себя.

Я смутился, но в душе был рад. Не так уж часто от Холмса услышишь слова похвалы.

— Почему же вы такой грустный, — поинтересовался я.

— Получается, что за несколько месяцев до первого путешествия по времени уже была создана машина для их предотвращения... — вздохнул Холмс. — У меня складывается горькое ощущение, что мы тоже живем в век вторичной информации. Мы не успеваем за событиями, Уотсон!

— Но вы же раскрыли дело! — воскликнул я.

— Однако далеко не так, как хотелось бы! — возразил великий сыщик. — Я не нашел ни одной улики в доме Путешественника по Времени! В итоге, мне пришлось воспользоваться методом нашего милейшего инспектора Скотленд-Ярда Лейстрейда, а именно засесть в засаду. Мы могли бы просидеть неделю и ничего не увидеть! Честно сказать, мое имя спасло лишь благоприятное совпадение событий.

— Зато как вы прекрасно показали свой метод в будущем! — не отступал я. — Вот где ваш талант предстал во всей красе! Просто для раскрытия преступления требуется время... В смысле, свое время: прошлое раскрывается в прошлом, будущее — в будущем...

Шерлок Холмс задумался.

— Прекрасно сказано... — пробормотал он и, вздохнув, произнес: — Видимо, мне просто надоело сидеть без дела — меня вновь одолевает страшная хандра!

В квартире раздался звонок. Шерлок Холмс настоужился, точно гончая, почувствовавшая запах добычи. Великий человек, никогда не устану этого повторять!

Нелли

Я вспомнил мою последнюю собеседницу. Звали ее Лия. Вот уж кто был изумительно самоуверен, самодоволен и циничен. Сидя на пластмассовом стуле, она умудрилась расположиться на нем, как на антикварном кресле времен какого-нибудь Людовика. Закинув ногу на ногу, Лия демонстрировала мне свои новые туфельки, — где она их только достала на станции! — желая возвыситься над соперницами, а пуще всего надо мной.

Сам ее взгляд был оценивающим, с некоторым снисхождением: дескать, видишь, лопух, какая девушка для тебя пришла, а ты до сих пор ничего не сделал для нее.

К слову, я и не собирался. Просто пока она цедила сквозь плотно сжатые, ярко покрашенные, искривленные в гримасе отвращения губки ядовитые слова, я размышлял.

Этих бредней, что она тут провозглашала, я наслушался досыта. Чуть ли не каждый день в обеденный перерыв за мой столик подсаживалась одна из таких девиц. Я так и не выяснил — заключали они между собой пари, кто меня раньше охмурит, или каждая действовала по собственной почину.

Ни разу я не дал им шанс. Всем этим бабам.

На нашей станции количество женщин превышает количество мужчин. Кто сам выбрал, а кого и выбрали. Остался я. Вы думаете, легко в чем-либо отличаться от остальных? Вечные насмешки, непонимание, как со стороны свободных женщин, так и мужчин, которым не вмоготу уже со своими подругами, а уйти не хватает сил.

А я просто не хотел быть слабым. Не хотел и всё. Меня интересовало мое дело. Как можно жить с женщиной, которая пренебрежительно относится к тому делу, которое у тебя получается лучше, чем у других?

Думаете, стоило послушать Лию? Всё же первая красавица станции, сама выбирающая себе мужиков на одну ночь. Побывать рядом с ней — уже

праздник. Ага. Всё та же пропаганда идеологии современной женщины. Типа, женщина сама по себе есть великая ценность, и, какой бы она ни была, мужчина должен принять её как данность. А если ему что-то не нравится, то в этом виноват в первую очередь он сам, так как до сих пор не стал «современным». А если ты современный мужчина, то должен со всем этим смириться. Иначе прослывёшь ретроградом, тебя не будут уважать, и всё такое прочее.

И нужно мне ее уважение? Нужно?!

Я просто послал ее.

«Просто» — означает достаточно вежливо, но решительно. Я уже давно научился это делать без малейшего содрогания в душе. Даже настроение не испортилось.

«Очень жаль», — сказала Лия и пошла от меня той походкой, что завсегда волнует мужчин.

Всем своим видом она выражала небезызвестную бабскую мысль: «Смотри, какого сокровища ты лишился. А ведь это могло быть твоим».

Не могло. Такая нормальному мужчине не нужна.

А какая нужна? Это просто.

Интересная, красивая и старомодная, которая ещё может понять и воспринять, что женщина — помощница мужчине в его деле, а не центр Вселенной и не объект для непрерывного обслуживания мельчайших ее потребностей.

Такие есть, я знаю. На Земле. Но не здесь, на станции. Где не просто знаком со всем персоналом, а даже знаешь, что они в ответ скажут на твою реплику. Где бурый Юпитер так и норовит заползти к вам в каютку через иллюминатор, а если избавляешься от этой иллюзии, сразу кажется, что станция падает на него. Да это и не кажется. Что есть орбитальное вращение, как не падение? Просто Юпитер слишком большой.

Люди неосознанно стремятся находиться в помещениях без вида на этого полосатика. А еще

Сергей Викторович Васильев родился в 1966 году в городе Ленинграде (Санкт-Петербург). По образованию инженер-строитель (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта). Первый рассказ «Простые вещи» был опубликован в сборнике «Хищные вещи века» (Волгоград) в 2005 году.

лучше — с земными пейзажами в видовых окнах. Столовая — одно из таких. Здесь собираются все, кто свободен. Они даже не общаются. Сидят, дышат, вспоминают.

Мои воспоминания почему-то не доставляют мне удовольствия. Вместо них можно поразглядывать людей. Женщины, девушки... И все отворачиваются, встречаясь со мной взглядом. Знакомые лица.

Не все.

Ее я еще не встречал. Поднялась и пошла в мою сторону — наверное, к выходу. После Лии никто уже ко мне не подсаживался, и это было как-то непривычно. Не хотят. Наверняка и этой новенькой уже всё рассказали про меня. Женская зависть не знает границ.

Я ошибся. Она шла именно ко мне. Подвинула стул и села, поставив локти на стол, уперев подбородок в ладони.

Эта девушка была не такой, как все.

В самих ее глазах, и в движениях, и во всем остальном, что она делала, светилась искренность.

— Меня попросили поговорить с вами, — сказала она, — меня зовут Нелли.

Голос ее звучал как-то нерешительно, словно она сомневалась в правильности своего поступка. Но что это был за голос!

— Очень рад, — промямлил я.

Первый раз в жизни я растерялся. Надо же, как бывает — подходит к тебе девушка и вдруг обнаруживается, что это *она*. Та, о которой мечтал всю свою жизнь.

— Я буду работать с вами, — она говорила серьезно, чуть нахмутив брови, чтобы я сразу понял, что это деловой разговор.

Разумеется, мы разговорились. Да, она прилетела только сегодня. Да, она ни с кем здесь не знакома, и на Земле ее никто не ждет. Нет, ничем она не выдающаяся, таких много. Просто повезло, что попала на станцию — другие претендентки были ничуть не хуже.

А я блаженствовал. Она отвечала просто, открыто и через полчаса уже улыбалась на мои шуточки. Она знала всё, что нужно нормальной женщине.

Она не знала одного — всех этих бабских шуток.

Таких женщин не бывает — решил я.

Обеденный перерыв закончился, и она спохватилась, что так и не получила задания на сегодня.

— Нелли, — было сладко выговаривать ее имя, — иди в контору. Получишь форму, инструктаж, а потом вернешься, я скажу, что делать.

Она улыбнулась и упорхнула.

— Как тебе наш новый наладчик? — радостно выговорил Квентин и хлопнул меня по плечу, подойдя сзади.

— Какой наладчик? — я еще не мог полностью прийти в себя после общения с девушкой моей мечты.

— Да ты только что с ним разговаривал, — хмыкнул Квентин.

— С ним? — я всё еще не понимал.

— Я имею в виду ту девушку. Это новый наладчик РНБ-751. Ребята постарались — выглядит как живой человек.

— Она — робот? — с трудом выговорил я. Мой взгляд непроизвольно поплыл, я закрыл глаза и схватился за столешницу, чтобы ненароком не свалиться.

— Э-э-э, да ты совсем плох. Заработался. Пойдем провожу.

Квентин подхватил меня под локоть, приподнял и почти поволок к медицинскому боксу.

Наверно, я там всё же отключился. Потому что лекцию, которую мне монотонно читал Квентин, я начал воспринимать не с самого начала. Он ходил из угла в угол, что-то переключая на датчиках, внимательно разглядывал бессмысленные для меня цифры, характеризующие мою жизнедеятельность, и непрерывно бубнил:

«...Уже двадцать лет. А какие мозги у них — ты задумывался когда-нибудь? Конечно, видя наружность робота, любой скажет — это механическое подобие человека. Почти верно. Только мозг у них действительно человеческий. Живой. Клон обычного мозга младенца. Когда-то его мать решила проделать это со своим ребенком. А потом вступил в силу закон, позволяющий клонировать отдельные части тела человека. Ну, как было не воспользоваться этим? Роботостроение набрало обороты. На чистый мозг накладывали программу обучения, запаковывали в механическое тело и отправляли на работу. Быстро, рентабельно, качественно. А на девушку не смотри. Под тонкой кожей — механический скелет. Суть у нее осталась прежней...»

— Врешь ты всё, — прохрипел я, — живая она.

— Твои проблемы. Я предупредил.

Квентин кивнул мне, что медицинское освидетельствование закончено и всё в пределах нормы, я встал и побрел на работу.

Мы стали встречаться с Нелли. После работы, в свободное время. На нашей станции обслуживать инженерные системы означает постоянно бегать куда-либо. Нет, разумеется, механической работой занимаются роботы. Но надо ведь еще понять — что делать и кому это поручить. В этом отношении Нелли была универсалом. Достаточно было определить круг проблем, и она находила оптимальное решение.

Я уже смирился, что она не человек. Откровенно говоря, мне было плевать на это. Я вел себя с ней, как с обычной девушкой, и она отвечала мне тем же. Наверняка во всем была виновата про-

грамма, установленная в ней. Но мне действительно было хорошо с Нелли. Действительно.

Мы гуляли по станции, за неимением садов и парков, болтали, смеялись всяческим шуткам. Можно назвать это прогулками под луной, да только в окна отовсюду настырно лез Юпитер. Я даже преподнес ей как-то букетик цветов, сорванных в нашей оранжерее. За что получил персональный выговор начальника станции и его глубокое недоумение: «Цветы? Роботу?»

Для меня главным было общение. Я испытывал настоящее эстетическое удовольствие от наблюдения за неиспорченной женской душой, каковой ее воспринимал. А вы думали, что в женщине главное — тело?

И всё же встречи были не так часты, как бы мне хотелось. На мои настойчивые и глупые просьбы переехать ко мне Нелли опускала глаза и говорила: «Ведь я же робот». И я не мог с ней спорить. Огорчался. Только дело отвлекало меня.

Все понимают — что такое метановый выброс. Они происходят постоянно, разной силы и направления. Попасть под него — дело случая. Объявляется метановая тревога, отключается наружное оборудование, станция переходит на внутреннее энергопотребление. Разумеется, всё это происходит автоматически. Сигнал тревоги посылает датчик, определяющий увеличение количества молекул метана в ближнем пространстве станции. Это когда он работает.

К сожалению, он сломался как раз перед мощнейшим выбросом.

Выглядело это так.

Резкий сигнал, сообщение о необходимости устранить поломку. И тут же вырубил всё, кроме сигнальных лампочек, питаемых независимыми аккумуляторами. Метан коротнул системы жизнедеятельности, энергоподачи и аварийные системы.

Понятно, кому исправлять?

Всех ремонтников я направил на ликвидацию последствий замыкания, а сам, вместе с Нелли, бегом отправился устранять причину. Вентиляция не работала, дым от сгоревшего пластика, подсвеченный зелеными аварийными лампами, висел над самым полом. Хотелось зажать рот и нос и не дышать. Глаза слезились, а голова постепенно начала гудеть и кружиться.

Место, куда ударил метеорит, нашла Нелли. Выгорела внутренняя обшивка, свистел воздух, уходящий в малюсенькое отверстие, и полностью отсутствовали контуры всех цепей на несколько метров от удара.

Как вы думаете, сколько наша станция может оставаться без энергии? Я знал эту цифру, но старался забыть — никто не успеет доставить нам ремонтный материал за это время.

— Нам не успеть, Нелли... — только и сказал я.

Она была другого мнения.

Только робот способен разобрать самого себя на составные части. И сделать это достаточно быстро. Она вскрыла свой торс и принялась выдирать какие-то провода, скручивать их с оставшимися, восстанавливая цепи станции. А я смотрел и не мог помочь ей. Я хотел остановить ее, не дать уничтожить себя. Но станция, но люди в ней...

Не хватило.

Последнюю цепь она замкнула своим телом, раскинув руки.

Вспыхнул наружный покров, потек металл сочленений, ее затрясло, ломая то, что еще оставалось целым.

Ее тело выдержало.

Аварийный реактор включился. Всё заработало. Потом пришли ремонтники, пришел Квентин. Восстановили системы, как требуется. Отодрали Нелли от стены и оставили ее рядом со мной.

Я даже плакать не мог.

Квентин присел рядом со мной, заглянул мне в глаза, что-то понял.

— Ведь это робот. Их выпускают тысячами, — он хотел утешить меня — я видел. — Зайди вечером.

Я зашел.

Квентин стоял в своем медицинском боксе над обломками Нелли и внимательно их разглядывал. Зачем врачу это железо?

— Знаешь, — сказал он, — Нелли не совсем обычный робот. А я не только врач...

Безумная надежда сдавила мне сердце, наполнив радостным предчувствием.

— Ты что, можешь спасти ее? Ведь можешь, да?!

— Она уже списана! Тут нечего восстанавливать!

— А ее мозг?

— Он в порядке, — Квентин поджал губы, осуждая меня. По его мнению, излишняя привязчивость к роботу только мешала мне.

— Я всё отдам. Ты же знаешь.

— Сочтемся, — Квентин резко мотнул головой.

— И еще одно. Ты же можешь слегка подправить ее программу...

Она — настоящая женщина.

Я люблю ее мелкие слабости. Нелли знает, как воспитывать нашего сына, как готовить еду, что лучше подать мне в тот или иной час, что и когда сказать, радуется мне, когда я прихожу домой, встречает смешными разговорами, что она сделала за день, помогает мне в моем деле своими советами, замолкает, когда надо помолчать. Она знает много, кучу всякой не нужной никому информации и иногда вскользь говорит что-нибудь заумное.

Нелли не знает только одного. Что она робот.

Евгения ШИПУЛИНА,
фото автора

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

EMERCOM

Картина Репина: «приплыли»

Итак, все началось с того, что Василий Петрович Мерзляков не появился на всероссийских соревнованиях по спелео в Кунгуре. Хотя собирался.

Вернувшись, я позвонила ему и поинтересовалась: «А почему, собственно?»

На что Василий Петрович сказал что-то вроде: «Ая-я, яй, ое-ё, ёй, я по уши занят организацией детского лагеря. Тут не организуется, там не финансируется. В общем, караул и бардак».

Так я и узнала об этом мероприятии. Далее было родительское собрание с полномасштабным описанием всего проекта «Етегсот», захватывающего дух.

Программа была грандиозна. Лагерь проводился в четыре этапа. Каждый этап начинался в понедельник утром и заканчивался вечером в пятницу. В понедельник утром детей забирали от Цирка и в пятницу вечером возвращали туда же. Всю неделю дети жили в палатках, а выходные проводили дома, отмокали в ванной и приводили себе в порядок, пока родители снаряжали их к следующему этапу. Первый этап был посвящен освоению техники скалолазания и проводился на Чертовом Городище. Второй этап был заявлен как спелео и подразумевал выход в пещеры. Он проводился в Оленьих Ручьях. Третий этап считался водным. Это был сплав по Чусовой. И, наконец, четвертый этап — подводный. Дети осваивали акваланги и погружались на озере Увильды.

Это произвело на меня столь сильное впечатление, что после собрания я почти на цыпочках и чуть дыша, подкралась к Петровичу, и очень вежливо попросилась на работу в лагерь. Так как очень хотелось, чтобы мои дети там были, а финансов на это, естественно, не было.

На что Петрович промышчал что-то вроде: «Я подумаю». На этом мы и расстались.

Через день Петрович позвонил и сказал: «Поварихой пойдешь?». «Да», — брякнула я.

Через минуту после того, как трубка была повешена, я горько-горько раскаивалась.

Готовка совсем не самое моё любимое занятие. А здесь в ведрах... На костре... Каждый день... По три раза... На сорок человек... ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ!!!

Я почувствовала, что волосы на моей голове начинают потихоньку вставать дыбом. Картина Репина: «Приплыли».

Так оно все и началось.

Детей, около тридцати человек, поделили на отряды, стараясь, чтобы везде было примерно одинаковое количество детей разных возрастов. К каждому отряду был прикреплен свой педагог. Все они имели помимо педагогического большой туристский опыт. Это:

— Наталья Львовна

— Ольга Васильевна

— Людмила Николаевна.

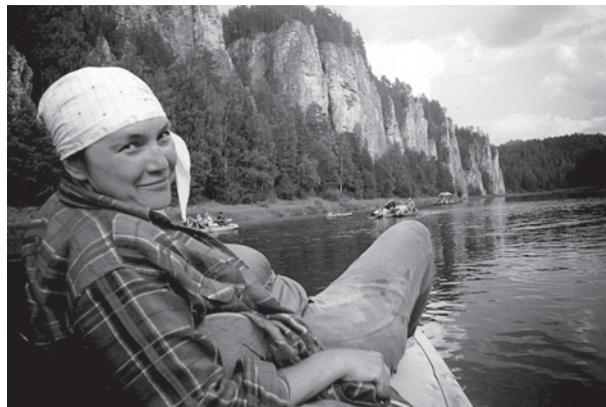
Кроме них из взрослых были:

— Начальник лагеря — Мерзляков Василий Петрович.

— Вольный стрелок — Котов Сергей Алексеевич (дядя Сережа)

— Храбрая мама, не побоявшаяся потратить свой отпуск на добровольную помощь в лагере — Русанова Оля.

—...И я. Самый главный человек во всей этой компании — ПОВАР.

ЧУСОВАЯ

Как вы лодку назовете,
так она и поплывет.

Чусовая была самым сложным этапом нашего путешествия. Во-первых, мало кто из детей был на сплаве до этого. Да и взрослые не все, включая меня. Во-вторых, населенных пунктов по дороге не намечалось, и случись чего, рассчитывать приходилось только на себя.

Поэтому, этап был достаточно сложен и для меня. Продукты должны были быть в наличии тю-

телька в тюльку. Чтобы хватило без напрягов, и не было лишнего. В-третьих, и это самое сложное, километраж нашего сплава оказался явно длинноват для трех дней путешествия. Сто с лишним километров по малой воде.

(«Да, весьма спортивный сплав», — высказался один мой знакомый).

Накануне вечером, часов в 10, я созванивалась с Мерзляковым, по поводу продуктов. Все ли есть в наличии. Петрович сказал, что не купил мясного паштета и еще чего-то. И я, уже поздно вечером, докупила в нашем «Кировском» недостающее. А утром, к цирку, вместе с рюкзаком и ребенком, тащила еще и тяжеленную сетку с продуктами.

Груза мы с собой везли больше чем обычно. Много места занимали катамараны. Да и дорога была намного дольше, чем раньше.

Мы проехали Белую речку, Красную речку, Черную речку, реку Чернушку и речку Канавку, (именно в такой последовательности), сфотографировались у стелы «Европа-Азия», и к концу поездки выехали на границу с Пермской областью. Наш маршрут начинался от поселка Усть-Утка, если не ошибаюсь.

Последние 50 км дороги была щебенка. Жара, пыль, детей укачивает. В общем, все вздохнули с облегчением, когда, наконец, вылезли из автобуса.

Составы экипажей писала Наталья Львовна. Так, чтобы в экипа-

первые неуклюжие попытки управлять катамараном. В моем экипаже помимо Толика, был Артем, лет двенадцати (внук Людмилы Николаевны, она звала его Тёма), Ванечка (по прозвищу, почему-то, Якут) лет восьми, и две девчушки. Моя Катя и Оля Русанова, младшая.

На шесть катамаранов приходилось 35 человек детей и взрослых. Т.е. получалось по шесть человек на пяти катамаранах и на одном пять. Но по ходу дела дети пересаживались с катамарана на катамаран, меняя экипажи, и как-то у меня на катамаране сидело аж 8 человек. («Сколько-сколько вас?» — ошалело спросил Петрович, проплывая мимо. «Мы почкуемся», — объяснила ему я.)

Тем временем первые катамараны ушли далеко вперед. А Толик стал обучать нас искусству управления судном. Правда, все его обучение свелось к двум словам:

табань и гребсти. Сколько я его ни уговаривала, что слова «гребсти» нет, так и не убедила. Так и «гребс» весь поход. Пока мы плыли, выяснилось, что один из наших баллонов очень хорошо спускает. Слава богу, что вскоре увидели наши зачалившие на ночевку катамараны.

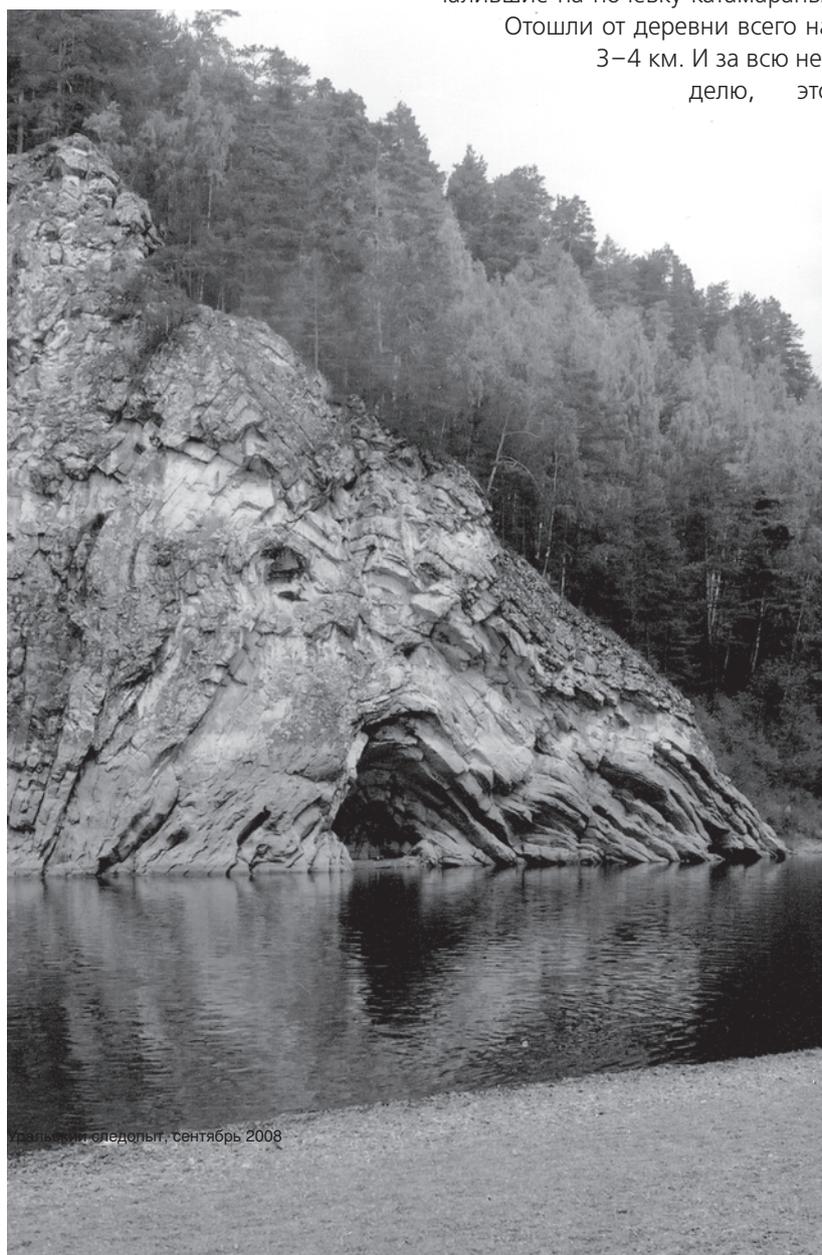
Отошли от деревни всего на 3–4 км. И за всю неделю, это

был единственный раз, когда берег был не галечный, а глинистый. Началились, разгрузились, и я бегом купаться, впервые за день. Ууух!

Дети, еще не привыкшие к жесткому темпу похода, лагерь ставили неторопясь, вразвалочку.

Распорядок дня был такой: утром раненько подымались дежурные и я, готовили завтрак, подымали лагерь. Завтракали, быстро сворачивались (дети должны были еще научиться быстро сворачивать лагерь), и — вперед. Каждый день мы должны были проходить изрядный кусок, поэтому Петрович постоянно всех торопил. Около двух часов дня вместо обеда был перекус, бутерброды с паштетом или сыром и чай, сок или компот. А вечером я готовила полноценный ужин. Вот только на вечернюю стоянку мы встали вовремя всего один раз. Но об этом рассказ пойдет дальше. Всегда была проблема с питьевой водой. Её набирали в источниках или в колодцах, в крайне редких поселках, и везли с собой. Так же с собой везли питье на перекус. Варилось все заранее, с вечера, а утром разливалось по всей свободной таре. Утром я также укладывала перекус в отдельную коробку, которая обычно путешествовала на катамаране Натальи Львовны. Кроме этого, в мои обязанности входило следить за сохранностью продуктов, их упаковкой и транспортировкой.

(Продолжение следует)

жах был хотя бы один взрослый и детей разных возрастов примерно поровну. Меня она записала вместе с Олей Русановой. Но я взмолилась:

— Наталья, я в первый раз на реке, дай мне кого-нибудь хотя бы на один день, кто уже сплавлялся.

Вняв моим мольбам, она сказала:

— Хорошо, я дам тебе Толика. Он — водник.

Так я и познакомилась с Толиком. Им оказался подросток лет 16, ученик Натальи Львовны.

Первым делом, после приезда, я занялась перекусом. Когда первый голод был утолен, началась эпопея под названием:

СБОРКА КАТАМАРАНОВ

На невыносимой жаре (берег совершенно лысый) разложили шесть катамаранов и начали сборку.

Начали, это громко сказано. Из всей нашей компании как это делается имели понятие, как я поняла, два человека: Петрович и Серега. Они, очумевшие, метались от одного катамарана к другому, пытаясь разорваться на шесть частей и быть везде одновременно. Время шло, а дело вперед не двигалось.

По-моему, только Ольга Васильевна собрала свой катамаран с первого раза.

Сама же я после трех безуспешных по-

пыток собрать воедино восемь промаркированных палок и, махнув рукой на это дело, сидела на камушке, горестно размышляя о недостатках своего высшего образования.

Подошел Серега, тоже, видимо, не понял, как это восемь палок не собираются.

— Я, — говорит, — вчера сам все собирал, все должно собираться. Позвал Петровича. Тот подошел,

посмотрел, сказал, что сначала надо было не 1 и 4 поперечины ставить, а 2 и 3. (Нет, вы мне скажите, а какая, разница!) Я обреченно взяла в руки ключики и что-то напевая под нос, принялась все раскручивать. В четвертый раз.

Тут снова подошел Петрович. «Не бабское это дело, катамаран» —

ны собирать, — поставил он диагноз, — Иди, продукты разбирай». (В другой ситуации я бы непременно оскорбилась.) Но сейчас только радостно сказала:

— Даже спорить с тобой не буду.

И упрыгала к куче сваленных как попало продуктов. Надо было приготовить что-нибудь перекусить во второй раз, а то время было к вечеру, а ужин когда еще будет, неизвестно.

Приготовила бутерброды. Перекусили. Жарища. Дети в воде плещутся. И мне бы залезть, да незаконченное дело не дает. Тут Людмила Николаевна делает свой коронный номер. Обливание холодной водой с макушки и до пят. Рядом с нами был колодец. А вода в нем даже не холодная — ледяная. И вот все мы то кучей, то поодиночке, к колодцу. И только вопли по всему берегу.

После перекуса Петрович говорит мне: «Упаковывай продукты».

— А мешки у тебя есть? — огорошила его я.

Петрович задумчиво посмотрел вдаль.

— У меня есть, — утешила я. Как раз накануне я купила упаковку больших, 100-литровых мешков.

Как они нам пригодились!

Вечерело, а мы все еще были на исходной точке.

Упаковав продукты по коробкам (конечно, не самая подходящая упаковка для водного похода), я обнаружила, что выходит то ли по три, то ли по четыре коробки продуктов на каждый катамаран. И это только продуктов! Мама дорогая. А еще столько же общественного барахла, а еще рюкзаки.

Еще через час мне уже казалось, что я родилась на этом берегу, всю

жизнь здесь жила и буду жить здесь вечно, и кроме него на свете ничего больше нет вообще.

К счастью, все в этом мире когда-нибудь заканчивается. И только часов в 9 вечера наши катамараны, горбатые от навьюченной поклажи, как верблюды, начали один за другим отчаливать от берега. Нам нужно было хотя бы немного отойти от деревни, чтобы встать на ночевку.

Первой отчалила Людмила Николаевна. Она и потом всегда отчаливала первой. Потом Ольга Васильевна, Наталья Львовна, потом мой катамаран. Остались Серега и Петрович. Они ошарашено посмотрели на кучу барахла, оставшуюся на берегу.

— И куда мы это? — задал Сергей риторический вопрос.

— Куда... Грузи, — ответил Петрович и понес ближайшую коробку на свой катамаран.

На воде их с Сергеем катамараны напоминали не верблюдов, а мамонтов.

Наконец-то, наконец-то, наконец-то, под ногами плещется вода, в руках впервые в жизни весло, и мы, увлекаемые течением, делаем

Фото Ирины КУЗНЕЦОВОЙ

25-27 июля 2008 года,
в селе Чусовом состоялся
Уральский фестиваль сплава
«Чусовая – река родная».

Водное ралли на Чусовой

В рамках фестиваля были организованы:

водное ралли «Мосин камень – село Чусовое» и сплав от села Чусового до села Мартьяново;

соревнования по спортивной рыбалке
(нахлыст,
спиннинг,
поплавков);

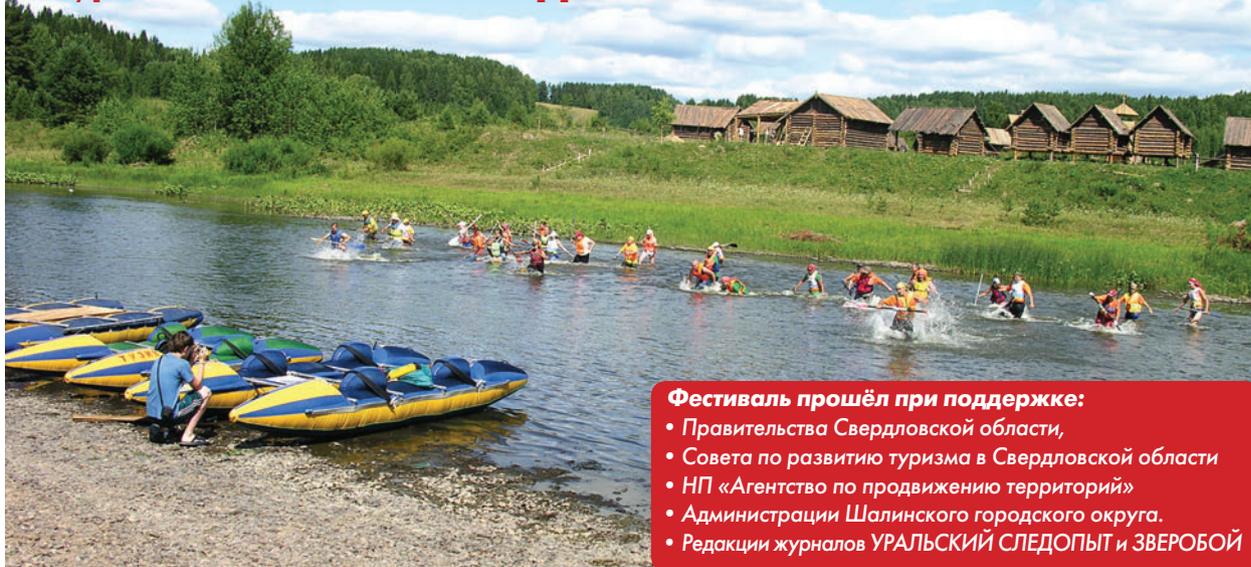
туристское многоборье;

конкурс авторской туристской песни.

Организатором водной гонки выступил журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Фестиваль прошёл при поддержке:

- Правительства Свердловской области,
- Совета по развитию туризма в Свердловской области
- НП «Агентство по продвижению территорий»
- Администрации Шалинского городского округа.
- Редакции журналов УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ и ЗВЕРОВОЙ

ПОБЕДИТЕЛЯМИ ВОДНОЙ ГОНКИ ОТ МОСИНА КАМНЯ ДО СЕЛА ЧУСОВОГО СТАЛИ:

На байдарках:

- 1 место:** Михаил Ошурков и Глеб Лубочников, Екатеринбург;
- 2 место:** команда «Абрис», Екатеринбург;
- 3 место:** команда турбазы «Чусовая».

На лодках первое и второе места заняли команды из города Арти, третье место – команда Природного парка «Река Чусовая».

На катамаранах:

- 1 место:** команда от фирмы «Манарага», Екатеринбург, в составе Андрея Юртаева, Максима Рассохина, Николая Здобняка, Сергея Батуева
- 2 место:** команда УрГУ, Екатеринбург, в составе Александра Челнокова, Михаила Башкирцева, Жанны Баяновой, Варвары Сарасек.
- 3 место:** Олег Иргибаяв и Антон Рязкин, Екатеринбург

Призами для победителей стали комплекты раций от журнала «Уральский следопыт» и сертификаты от магазина-клуба «Каменный пояс»

Природный парк «Река Чусовая» был создан указом губернатора Свердловской области четыре года назад. Он охватывает территорию в 77 тысяч гектар. Туда входит Чусовской и Висимский участки. То есть это практически весь бассейн реки Чусовой до Пермской области, начиная чуть выше поселка Староуткинск. Село Чусовое как раз находится на территории Чусовского участка, близко к городу Екатеринбург. Чусовая – единственная в мире река, которая протекает в двух частях света, Европе и Азии. Она берет начало на восточном склоне Уральского хребта, в Челябинской области, пересекает его и заканчивает свой бег на западном склоне, в Пермском крае, впадая в Каму.

На реке Чусовой археологи обнаружили следы человека, жившего в эпоху неолита и бронзового века. Первое же упоминание Чусовой в русских летописях относится к 1396 году. Тогда ее берега населяли мансийские племена.

В сентябре 1581 года вверх по Чусовой начала свой путь в Сибирь дружина Ермака, открыв Урал и Западную Сибирь для русской колонизации. Особое оживление на берегах реки началось в XVIII веке, вместе со строительством на Урале металлургических заводов.

Организаторами соревнований по спортивной рыбалке выступили:

- журнал «Зверобой»; (ООО «Уральский следопыт»)
- Лига Уральских рыболовов

Посоревноваться собрались несколько десятков любителей удочки и лески. Чусовая сегодня – одна из немногих рек, где водится хариус – самая капризная рыба, любительница чистой воды. Победители соревнований получили ценные подарки от журнала «Зверобой», а также почётные грамоты Министерства по физкультуре, спорту и туризму Свердловской области.

Все участники фестиваля по итогам соревнований получали специальные бонусы – **Чусовские черwonцы**, которые они смогли реализовать на аукционе.

Главными **лотами аукциона** стали: ведро мёда – приз от села Чусового, сертификаты от магазина Икея – призы от Комитета по делам молодежи, туристические наборы от ЧОП «Созвездие льва», футболки и бейсболки от страховой компании «Северная казна».

Ярким акцентом церемонии закрытия фестиваля стал символический спуск на воду «Железных караванов»: дети села Чусового, под предводительством директора фестиваля Бориса Петрова, отправили вниз по Чусовой около сотни барочек с зажжёнными свечами.

Завершился фестиваль традиционным туристическим костром и фейерверком с Шайтан-камня.

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":

Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78

Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39

Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46

Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98

Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32

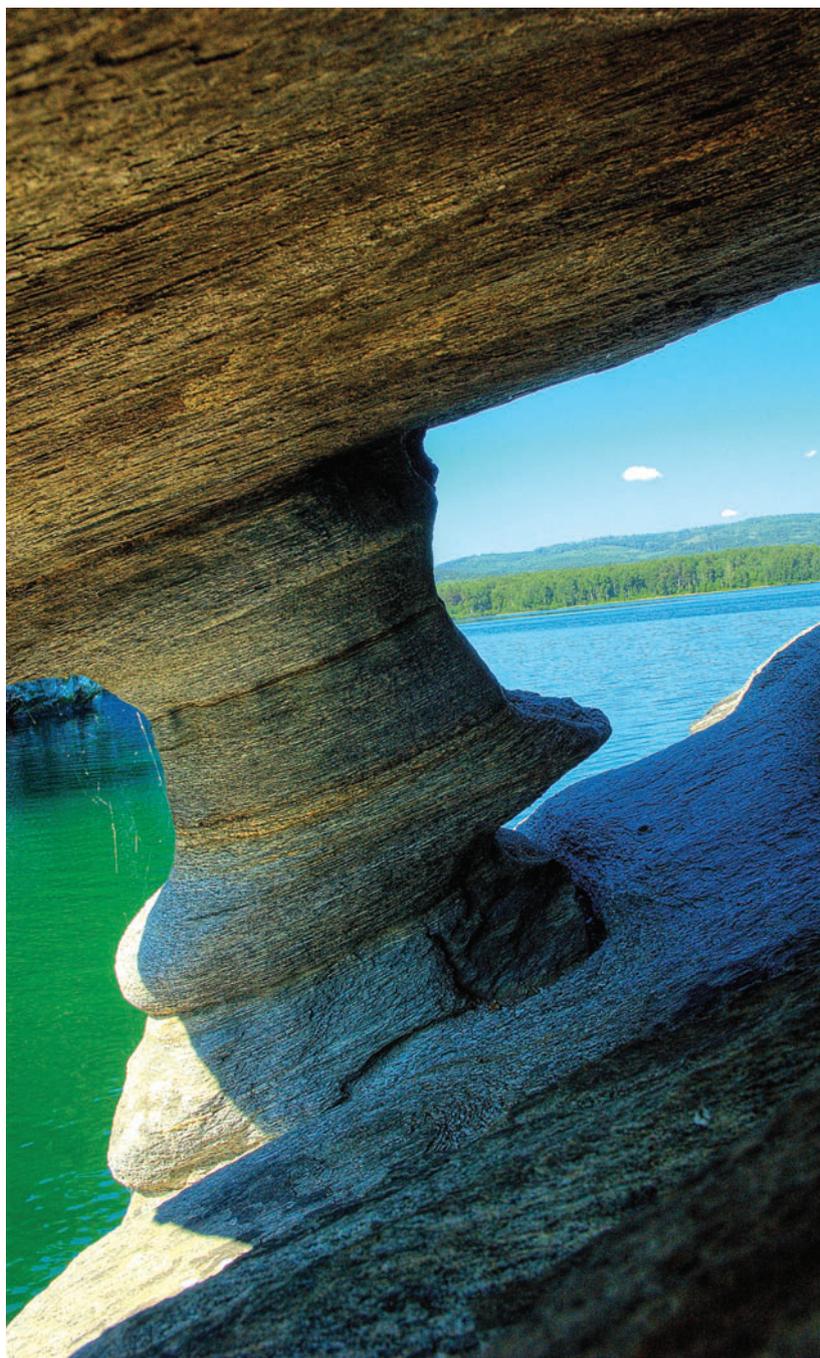
www.gpsplus.ru

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки на озеро

Иткуль

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург	N56°50'087"	E60°35'382"
2	Выезд из города на Горный Щит	N56°44'095"	E60°35'734"
3	Развилка	N56°27'452"	E60°12'346"
4	Перекресток на Полдневую	N56°26'669"	E60°11'240"
5	Полевской, выезд на Полдневую	N56°25'489"	E60°11'473"
6	Полдневая, поворот на оз. Иткуль	N56°18'112"	E60°16.982
7	Поворот на оз. Иткуль, В. Уфалей	N56°11'672"	E60°29'606"
8	д. Даугово	N56°11'591"	E60°31'167"
9	д. Иткуль	N56°10'513"	E60°34'358"
10	Камень Шайтан	N56°07'291"	E60°31'202"

Е.Ю. БАЗАРОВ,
В.Ю. МИКОВ
фото авторов

Хомячки на озере Иткуль

«Хомячки» — это команда искателей приключений и активного отдыха, включающая студентов и преподавателей Уральского института туризма. Каждый год после сессии мы выезжаем веселой компанией в Полевской район, где проживаем на турбазе под горой Азов, тренируясь на Рыжих скалах и совершая увлекательные пешие и водные походы. В этом году мы разведали окрестности озера Иткуль, которое находится всего в 30 км от Полевского. Это настоящее горное озеро, окруженное горами, самая высокая из них — Карабайка (544 м) на юго-западном берегу озера Иткуль, резко выделяющаяся среди соседних невы-

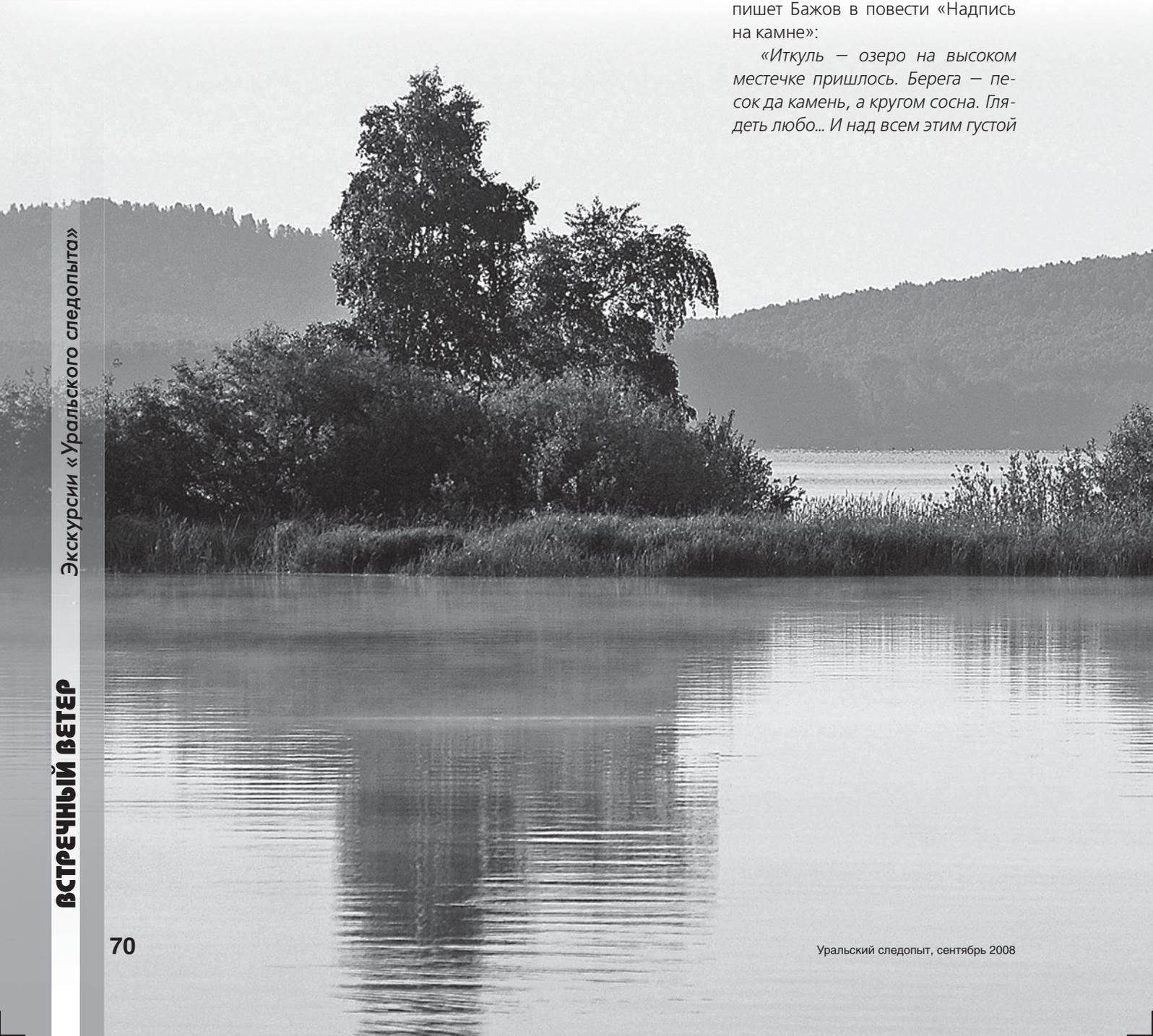

соких гор. Здесь же в озеро Иткуль впадает маленькая речка Карабайка. Название восходит к татаро-башкирскому карабай, дословно «черный бай (богач)».

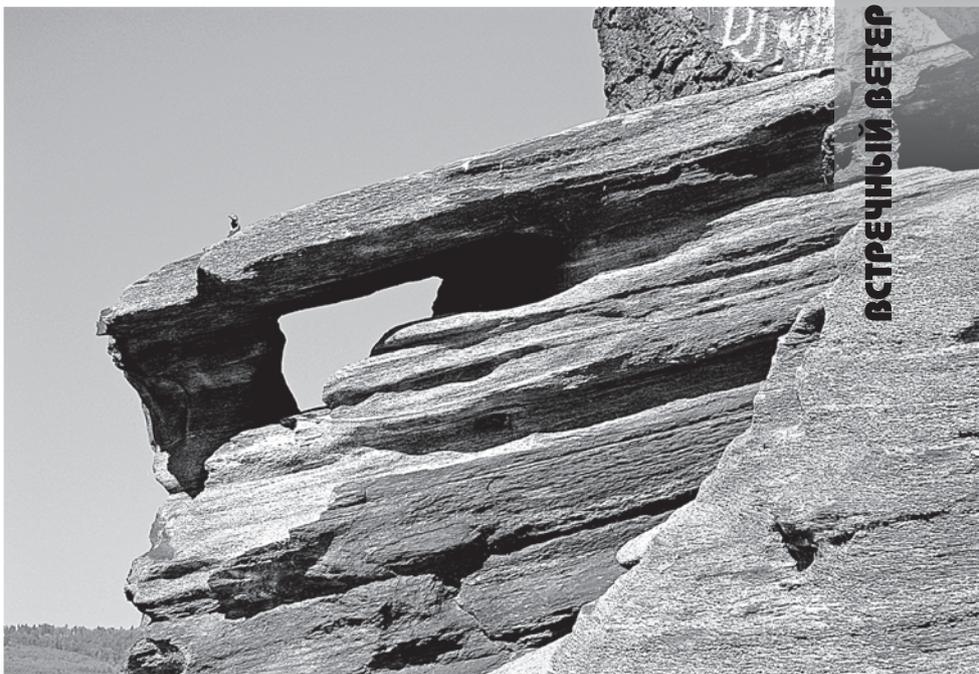
40 минут езды, и мы оказались на озере чистой воды. Солнце, свежий воздух и горные кряжи вокруг... (лепота). Первый день ушел на благоустройство лагеря. На второй день мы собрали катамараны и двинулись через все озеро по направлению к Шайтанкамню, отдельно стоящей скале рядом с берегом, где по легенде (П. Бажов) скрывается прекрасная девушка, сбжавшая от Золотого полоза. Подплывая к камню, мы явственно видели блеск ее золотых волос... Именно об этом камне пишет Бажов в повести «Надпись на камне»:

«Иткуль — озеро на высоком местечке пришлось. Берега — песок да камень, а кругом сосна. Глядеть любо... И над всем этим густой

настой горного соснового бора и неуловимая мелодия музыки вершин... высунувшаяся из воды серая громада Шайтан-камня в игре светотеней и блеске водной равнины кажется согретой. Как будто старый Шайтан только что окунулся каменным лицом в воду, по-стариковски добродушно усмехается и говорит: — Ай-яй, тепло. Старым костям хорошо...»

Иткуль — одно из ближайших от Екатеринбурга так называемых Челябинских озер, куда любят выезжать жители нашего мегаполиса. В выходной день в июле сотни машин с нашими номерами оккупируют восточную часть берега от деревни Даутово до поселка Иткуль. За въезд берется небольшая плата, которая включает в себя оплату дополнительных услуг: охрана, «удобства», уборка мусора и проч. Надо сказать, что побережье отличается в лучшую сторону от по-

рядка на Шарташе, где мэрия могла бы при желании поддерживать чистоту. За Даутово оборудованный заезд на живописную часть пологого берега, где есть пляж с

песчаным дном. Следующий заезд на охраняемую территорию с поселка Иткуль. За поселком, где есть мечеть и магазин, высота берега повышается и проезд на машине

становится невозможен. Это способствует сохранению природного памятника — Шайтан-камня, к которому можно добраться только пешком, а далее вплавь.

Берега около Шайтан-камня имеют несколько небольших пещер и вообще отличаются красотой. Шайтан-камень играл важную роль в жизни людей. Существовал обычай: если лето дождливо и небо затянуто тучами, надо на Шайтан-камне зарезать белого барана — и откроется солнце. Если же засуха и надо выпросить у Бога дождь, там же следует зарезать черного барана. Юго-западная часть озера идеально приспособлена для пешего и водного туризма.

Расстояние от Екатеринбурга до поселка Даутово чуть более 100 км, если ехать через Полевской. С Челябинской трассы заезд затруднен пропускным режимом города Снежинска. От Верхней Сысерти прямо на юг сохранилась проселочная старая «иткульская дорога», разбитая лесовозами. На наш взгляд это идеальный вело-маршрут. Пешеходным группам можно добраться до озера на любом автобусе, который идет в сторону Верхнего Уфалея (билеты до деревни Каменушка).

До 19 века озеро называлось **Иккуль**, если произнести точнее, то **Ыййккуль**, что в переводе с башкирского означает озеро каменной гряды или «свя-

щенное озеро». Буква «т» вместо «к» появилась согласно легенде после того, как Демидов в отместку взбунтовавшимся местным жителям, отказавшимся строить

завод на берегу чистого озера, затопил в нем много свинины, чтобы лишить башкир возможности пить воду из озера... С тех пор озеро стали называть Ит-куль (мясное озеро)... А вообще люди облюбовали это озеро еще 7000 лет назад. Археологи никогда не уходили с берегов озера без «улова». И даже сделали здесь открытие. Именно благодаря находкам археологов на Иткуле, в исторической науке закрепилось название «Иткульская культура» древних металлургов (6-5 в. до н.э), которая включает в себя и находки на Азов-горе (Полевской). Исследователи Н.Б. Виноградов и другие отводят им 400 лет истории. 2700 лет назад они «возникли» и через четыре столетия пропали. Иткульцы были металлургами и кузнецами. Их время относится к раннему железному веку, он они оставались специалистами по меди и бронзе. На месте их городищ археологи находили до трех десятков металлургических печей сразу, на одном месте, а также шлак, руду, тигли, литейные формы. Обнаружив поразительное сходство бронзового оружия, которое ковали иткульцы, с ору-

жием степных кочевников южных районов Урала, а также обилие лошадей в стадах иткульцев, что

необычно для людей лесных, археологи предположили рыночный, бартерный обмен между северянами и южанами. Посетив музей в поселке Ключи (недалеко от Татыша), можно узнать много интересного о заселении озера древними людьми каменного, медного и железного веков.

Восточнее Иткуля (в пределах 10 км.) находится исток реки Чусовой. По легенде, в 18 веке у Демидовых был план — соединить Чусовую искусственным каналом с Иткулем, из которого вытекает Исток в озеро Синара, а из него по одноименной реке можно было добраться до Исети. Тем самым, мог осуществиться проект соединения рек Волжско-Камского и Обского бассейнов. Собирая ягоды в окрестностях Иткуля и города Снежинска можно увидеть заросший канал, по которому вполне могла пройти барка с листовым железом.

Недалеко от Шайтан-камня на южном берегу есть тропа на маленькие, но живописные озера Татыш и Ташкуль которое известно будто самое глубокое озеро — 34 метра, а вода настолько прозрачная, что и в глубинах видны белые камни на дне.

Сергей ДВОРНИКОВ, руководитель экспедиции
фото автора

По государевой дороге

(Вишеро-Лозьвинский путь)

Заявленная в январе в журналах «Уральский Следопыт» и «Зверобой» экспедиция по реконструкции исторического пути следования князя Фёдора Курбского с дружиной, торжественно стартовала 15 июля из Екатеринбурга от памятника Татищеву и Де Генину.

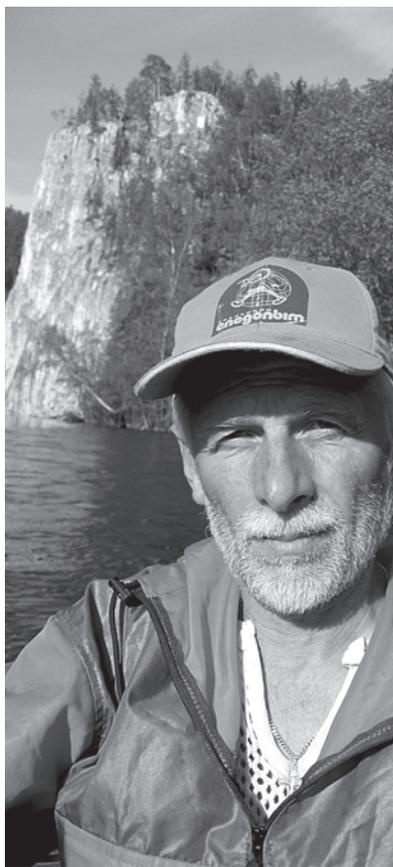
Описанный в историко-краеведческих документах маршрут пролегал от г. Чердынь Пермского края до п. Пелым, расположенного на реке Тавда Свердловской области. Путь, который предстояло проделать команде, проходил по рекам западного и восточного склонов Уральского хребта, с перетаскиванием лодок через перевал. Время экспедиции определялось теплым временем года: таянием снегов в горных районах и большой водой в верховьях рек.

Экспедиция состояла из двух групп:

— пеше-водная, которой предстояло штурмовать мелкие горные реки западного и восточного склона хребта и сам перевал, пройдя от п. Вёлс до г. Ивдель (Лозьвинский городок) и

— водомоторная, целью которой являлось прохождение рек Лозьвы и Тавды до Пельма.

15 июля главный редактор «Уральского следопыта» Максим

Фирсов объявил старт, мы погрузились в видавший и не такие горы УАЗик Павла Смолина, и вперед, на выезд из города. В машине, кроме самого Павла и его собаки хаски, находилась группа авангарда: Сергей Дворников — руководитель проекта, Костя Холманский — главный штурман и непотопляемый линкор, Серёга Хамушин — бывалый пацан, только из армии, весь маршрут спрашивающий: «А трудности когда начнутся?», Ирина Чащегорова — историк, археолог, оператор, медик и западно-сибирская лайка Белка.

Курс лежал на север, у Качканара команда повернула на запад и встала на первую ночёвку у реки Ватва. Наутро путь продолжается по Пермской земле, объективы камер запечатлевают творения технополисов и купола церквей. УАЗик очень неудачно ломается прямо у начала водного маршрута — у посёлка Велс, на берегу Вишеры. 17 июля на двух лод-

ках, принадлежавших инспектору Вишерского заповедника Владимиру Миллеру и местному охотнику Дмитрию Мельнику, команда отправилась к реке Посьмак. Река Велс отличается строптивым нравом, но сильное течение и торчащие из воды на протяжении всего пути валуны не смущали привыкших к этим мелочам лодки местных парней — настоящих таёжников и знатоков своего края. В устье реки Посьмак мы попрощались с Володей и Дмитрием. Здесь начинался наш водный путь. Немного о выборе наших лодок: исходя из мореходности, веса и прочности, выбор был сделан в пользу Скиф-2 — узкие, трёх-с-небольшим метровые лодки вполне подходили для наших целей, и были обкатаны на реках Среднего Урала. Сразу могу сказать, что о своём выборе мы не пожалели.

Было сложно бороться с течением Посьмака вёслами — река оказалась сильнее нас. Пришлось поработать бурлаками — тащить на веревке по поясу в холодной

воде. Проливные дожди не добавляли удовольствия. Но, понимая, что ватажникам Фёдора Курбского было не легче, мы двигались вперёд. Следующая задача — одолеть перевал хребта Хозатумп в самой низкой точке — 720 метров. Справившись с ней, мы встаём на ночёвку. Наутро продолжаем пеший путь вниз, вдоль речки с красивым

названием Хамсори, до её слияния с Тальтией. Отсюда идём уже на лодках, вниз по Тальтии, до того момента, где она внезапно теряется в болоте, распадаясь на множество мелких ручейков. Заплат осталось очень мало, клеим только несущие баллоны. Далее — плотина сталинских времён, в которой нас снесло в водопад — масса не-

передаваемых ощущений! Затем, узнав у местного манси Николая Николаевича, что Тальтия в этих местах непроходима, отправляемся в посёлок за припасами. Ни-

колай объясняет нам, что дальше Тальтия — «добрая». До Ивделя ходу на вёслах — 12 часов. Подчаливаем к водозабору Ивделя, связываемся со Славой Игнато-

вым, организатором второй части экспедиции, которой предстоит пройти до Пельма — они уже в пути из Екатеринбурга в Ивдель. Утром прибыли еще три экипажа: Эдик Петров с Денисом, Андрей Журавлёв и Слава Коньков, Слава Игнатов.

Переехали на Лозьву — первый, самый сложный этап экспедиции пройден.

Следует отметить, что навигация осуществлялась двумя плавающими GPS-навигаторами, ни разу не подвели. Связь с большой землёй держали по спутниковому телефону, который реально заработал только в 40 километрах от Ивделя, снаряжение — палатки, спальники, гермомешки, страховочные верёвки — от фирмы «Век», рекомендую.

Попытаемся представить себе, как проходил поход князя Курб-

ского по этому пути в 1483 году. Челн принимал на борт 5-7 человек, и вполне подходили для перетаскивания и движения по горным рекам. Отряд князя, численностью, человек сто, мог иметь сапёрную группу – человек 20, идущих впереди расчищавших завалы. Реки, в то время, были явно полноводней. Значит, Вишеро-Лозьвинский путь проходил именно по этому горному участку хребта и перечисленным рекам – именно таков вывод нашей команды.

* * *

Мы прошли этот нелёгкий Вишеро-Лозьвинский путь государственной дороги.

Эстафету экспедиции приняла вторая группа на моторных лодках. Путь в 500 с лишним километров от Ивделя по Лозьве и Тавде до Пельма был ещё впереди. Проверенная и слаженная команда второй части экспедиции выполнила задачу с честью, и маршрут был пройден полностью.

Татьяна ЛЫХИНА, Александр ЛЫХИН,
фото автора

Испытание на прочность

Особенности спортивно-туристских походов: походный быт, отсутствие привычного комфорта, оторванность от привычной городской среды обитания, отсутствие привычных развлечений, сужение круга общения, зачастую неблагоприятные погодные условия, физические нагрузки, необходимость дисциплины, ориентированность молодежи на потребительское отношение не способствуют увеличению количества романтиков. Но они все же есть! Есть желающие ходить в походы, лазать по скалам, подниматься в горы, ходить на парусах под ветром, сплавать по горным рекам и вовсе не для того, чтобы бросить вызов природе —

кто сильнее, а чтобы подружиться с ней, отдыхать в ее объятиях познавая мир и самого себя.

Первым испытанием на прочность для самых юных романтиков детско-юношеского клуба спортивного туризма является «Посвящение в туристы». Чтобы научиться работать в одной команде, принимать совместные решения, помогать друг другу и приобрести туристические навыки, юные преодолевают сложную полосу препятствий.

На этапах полосы их ждет много испытаний: на параллельных перилах мальчишки помогают девочкам устоять на веревках, на подъеме и спуске по веревочным перилам

подсказывают технику движения. При поиске контрольных пунктов по заданному азимуту все дружно определяют направление движения.

Особенно помогают сплочению команды этапы «Костер», «Паутина-путаница» и «Рыбалка», которые возможно пройти только всей командой. Нелегко дается новичкам и преодоление «Темного лабиринта». Команда проводит по заданному маршруту всего одного участника. Казалось бы, что тут сложного? Ничего, если бы он шел как обычно. А он идет вслепую, и команда, взяв на себя дистанционное управление, проводит его при помощи подсказок.

Татьяна и Александр Лыхины — педагоги дополнительного образования, мастера спорта по спортивному туризму.